П. СТАЛЬ.

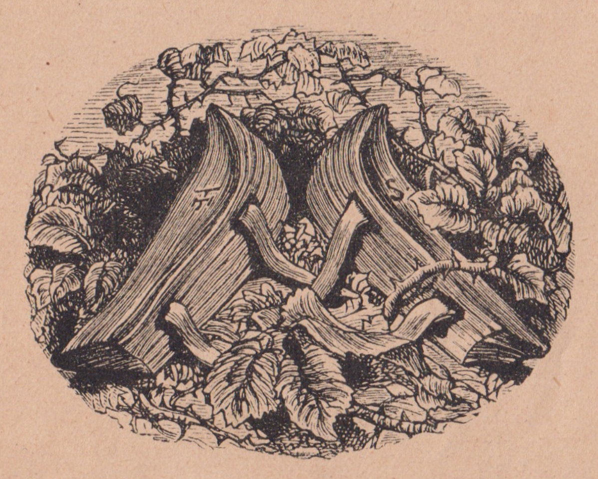
СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ

ИЗДАНІЕ Т-ВА И. Д. СЫТИНА.

П. СТАЛЬ.

СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ.

РОМАНЪ
ИЗЪ ГОЛЛАНДСКАГО БЫТА.



Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1908.

ГЛАВА I.

Гансъ и Гретель. — Голландія.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ одно прекрасное зимнее утро, на берегу замерзшаго канала въ Голландіи сидѣли двое дѣтей: подростокъ лѣтъ 15 и дѣвочка моложе его, оба бѣдно одѣтые, занятые какимъ-то неспорившимся у нихъ дѣломъ.

Солнце еще не взошло, но края неба свѣтились розовымъ блескомъ нарождавшагося дня. Въ это время добрая половина мирныхъ голландцевъ еще отдыхала; самъ почтенный старый мингеръ [1]) ванъ-Штопельноцъ не покидалъ своей постели. Только изрѣдка какая-нибудь молодая заботливая хозяйка съ корзиной на головѣ ловко и легко скользила по льду, и какой-нибудь взрослый парень, спѣша на работу и обгоняя ее, на всемъ ходу кричалъ ей: «Доброе утро!»

---

[1]) Господинъ.

Между тѣмъ двое дѣтей продолжали копошиться на берегу, подвязывая къ ногамъ какіе-то деревянные обрубки, величиной въ ступню человѣка, заостренные книзу по всей длинѣ; спереди и сзади были сквозныя отверстія, черезъ которыя были продѣты ремешки. Обрубки эти прилаживались къ башмакамъ и ремнями привязывались къ ногѣ; очевидно, они исправляли должность коньковъ.

Это издѣліе рукъ Ганса, такъ зовутъ мальчика. Мать его, бѣдная женщина, не имѣла средствъ купить дѣтямъ настоящихъ коньковъ. Да дѣти, какъ видно, не тужили объ этомъ; они вполнѣ довольствовались своими обрубками. Эти самодѣльные коньки доставили имъ уже не мало радостей, и въ настоящую минуту братъ и сестра усердно возились надъ ними окоченѣвшими отъ холода пальцами и, въ ожиданіи блаженной минуты пуститься по льду, конечно, не думали о болѣе удобныхъ и красивыхъ стальныхъ конькахъ.

Немного спустя, мальчикъ поднялся съ земли, — его коньки были привязаны. Онъ развелъ руки, наклонился впередъ, какъ это дѣлаютъ конькобѣжцы, и быстро скользнулъ по льду, закричавъ сестрѣ:

— Скоро ли ты, Гретель?

— Гансъ! Гансъ! — жалобно звала его сестра. — Мнѣ ни за что не справиться съ коньками: вѣдь нога-то моя все еще болитъ. Въ послѣдній разъ, когда мы бѣгали на рынокъ, мнѣ ремнемъ натерло лодыжку, и я не могу теперь по этому мѣсту наложить ремень, — очень больно.

— А ты привяжи ремень повыше! — кричалъ Гансъ, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ и описывая круги по льду.

— Нельзя выше: ремень коротокъ — не хватаетъ!

Братъ свистнулъ, какъ бы желая сказать: «Экія безтолковыя эти дѣвчонки», но все-таки подошелъ къ сестрѣ.

— Ну, не дурочка ли ты, Гретель? Надѣла стоптанные башмаки, когда у тебя есть хорошенькіе, совсѣмъ новые. Ты бы еще вздумала свои деревянныя сабо надѣть.

— Да развѣ ты забылъ, Гансъ, что мои новые башмаки отецъ испортилъ: бросилъ ихъ въ огонь. Хоть я ихъ и вытащила, но ихъ такъ покоробило, что они стали никуда не годны. Въ моихъ старыхъ башмакахъ я еще отлично могу кататься, только вотъ, посмотри, какъ у меня тутъ натерто — дотронуться нельзя.

Гансъ вынулъ изъ кармана веревочку, всталъ на колѣни передъ сестрой и, что-то мурлыча себѣ подъ носъ, принялся привязывать деревянный обрубокъ къ ногѣ Гретели.

— Ай! ай! — вскрикнула она отъ боли. — Не стягивай такъ крѣпко!

Гансъ остановился, отпустилъ веревочку и, вѣрно, съ досады бросилъ бы свою работу, если бы не взглянулъ на сестру: въ глазахъ ея стояли слезы.

— Ну, ну, не плачь, Гретель, сейчасъ все устрою,— сказалъ онъ нѣжнымъ голосомъ. — Поскорѣй бы только, а то, пожалуй, и домой пора будетъ, мама позоветъ.

Гансъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на голыя вѣтки стоявшей надъ нимъ ивы, взглянулъ на синія полосы, протянувшіяся по розовому горизонту, какъ бы спрашивая у нихъ совѣта, и опять наклонился къ ногамъ сестры. Вдругъ его осѣнила новая мысль. Онъ выпрямился съ торжествующимъ видомъ, снялъ свой старый ватный картузъ и, прежде чѣмъ Гретель успѣла остановить его, вырвалъ подкладку картуза и наложилъ ее въ видѣ подушечки на больное мѣсто.

— Ну, теперь стерпишь? Я стану привязывать коньки.

Дѣвочка вмѣсто отвѣта только стиснула зубы.

Минуту спустя, братъ и сестра, улыбаясь другъ другу и держась за руки, уже скользили по каналу. О крѣпости льда они нимало не безпокоились. Разъ въ каналѣ вода замерзла, самые яркіе лучи зимняго солнца не могли уменьшить крѣпости ледяного покрова.

Но вскорѣ послышался скрипъ подъ ногами Ганса, деревянные обрубки его врѣзались въ ледъ, и онъ полетѣлъ навзничь, болтнувъ ногами въ воздухѣ.

— Вотъ такъ славно! — вскричала Гретель со смѣхомъ.

Но такъ какъ подъ толстой суконной кофтой у дѣвочки билось доброе, сострадательное сердечко, то она быстро повернулась и, удерживаясь отъ смѣха, подскочила къ брату, все еще лежавшему на льду.

— Гансъ, ты ушибся? — спросила она. — О, да ты смѣешься, значитъ, не больно.

Она взяла его за руку, помогла встать на ноги и тутъ же, высвободивъ руку, бросилась по льду.

— Лови меня!

Гансъ пустился вдогонку за сестрой. Но поймать Гретель было не легко. Между тѣмъ согрѣтое отъ тренія и оттого размокшее дерево коньковъ стало врѣзываться въ ледъ; Гретель смекнула, что ей не убѣжать отъ брата, сдѣлала крутой поворотъ навстрѣчу ему и упала въ его объятія.

— Ага, поймалъ! — закричалъ Гансъ.

— Не ты меня поймалъ, а я тебя, — возразила Гретель, стараясь высвободиться изъ рукъ брата.

Въ это время раздался громкій голосъ:

— Гансъ, Гретель, гдѣ вы?

— Мама зоветъ, — сказалъ серьезно Гансъ. — Побѣжимъ!

Поверхность канала сверкала теперь отъ золотистыхъ лучей солнца; свѣжимъ утреннимъ воздухомъ дышалось такъ легко; народу на каналѣ все прибывало; какъ птицы, рѣяли они по льду. Гансъ и Гретель все это видѣли, но они были добрыя и послушныя дѣти: картиной этой не соблазнились и, наскоро снявъ свои коньки, поспѣшили на призывъ матери.

Гансу было 15 лѣтъ. Его широкія плечи, красивая голова съ густыми бѣлокурыми волосами, откинутыми назадъ, открытый большой лобъ и большіе честные глаза, какъ и вся его плотная фигура, дышали безконечной добротой. Гретель была стройная, живая дѣвочка; голубые глаза ея искрились, и свѣжій румянецъ щекъ безпрерывно мѣнялся, переходя изъ нѣжно-розоваго въ густо-красный и заливая все ея милое личико, когда кто-нибудь пристально глядѣлъ на нее.

Дѣти, едва спустились съ канала, увидѣли свой домъ, и на порогѣ его отворенной двери, какъ бы въ рамкѣ, свою мать. Въ короткой юбкѣ, кофтѣ и бѣломъ чепцѣ на головѣ, она ярко вырисовывалась въ утреннемъ прозрачномъ воздухѣ. На такой ровной, плоской поверхности, какую представляетъ Голландія, разстояніе какъ бы исчезаетъ: всѣ предметы одинаково рельефно выдѣляются на горизонтѣ, будь то маленькая курица или громадная мельница.

Голландія — удивительная страна. Она такъ отличается отъ всѣхъ другихъ, что ее справедливо было бы назвать страною «какихъ нѣтъ». Прежде всего то, что бо̀льшая часть площади ея лежитъ ниже уровня моря. Громадныя плотины защищаютъ ее отъ наводненія. Обитателямъ этой страны дано было слишкомъ

много воды и слишкомъ мало земли, и вотъ, съ Божіей помощью и слѣдуя указаніямъ науки, они стали бороться съ водой, тѣснить ее и понемногу отвоевывать у нея дно въ своѐ владѣніе.

«Поверхность Голландіи представляетъ однообразную равнину, которая, однакожъ, перемѣняетъ свой видъ по мѣрѣ удаленія отъ моря. Равнина эта состоитъ частью изъ болотъ, покрытыхъ торфомъ, частью — изъ ландовъ, то-есть песчаныхъ пространствъ, поросшихъ верескомъ и кустарниками, которые, однакожъ, трудолюбивые голландцы стараются обратить въ пахотныя поля, проводя каналы для ихъ поливанія и водворяя тамъ бѣднѣйшихъ изъ поселянъ. Въ сѣверо-западной части Голландіи, поближе къ морю, простираются такъ называемые «польдерсы», то-есть плодородныя пространства земли, отнятыя голландцами у моря. Въ завоеваніи столь полезной почвы у моря голландцамъ помогаетъ отчасти само же море тѣмъ, что во время сильныхъ отливовъ волны при западномъ вѣтрѣ намываютъ на берегъ гряды песку, именуемыя «дюнами»; голландцы укрѣпляютъ эти дюны со стороны моря и такимъ образомъ получаютъ прочную плотину, которая удерживаетъ напоръ волнъ. Чтобы предохранить дюны отъ разрушительнаго дѣйствія вѣтра, который легко можетъ сдувать съ нихъ песокъ и засыпать имъ сосѣдніе поля и луга, голландцы сѣютъ на дюнахъ весною или осенью особаго рода растеніе; корни этого растенія переплетаются и образуютъ естественный плетень, который скрѣпляетъ песокъ, а чрезъ гніеніе этихъ корней образуется мало-по-малу цѣлый слой земли, на которой можно разводить превосходный картофель. На дюнахъ растетъ также извѣстный родъ ели, которая оживляетъ нѣсколько унылый видъ дюнъ, очищаетъ воздухъ и корнями своими скрѣпляетъ сы-

Братъ и сестра, держась за руки, скользили по каналу.

пучій песокъ. Кромѣ вѣтра, дюны имѣютъ еще другого опаснаго врага — это кролики, которые въ безчисленномъ множествѣ разводятся въ нихъ и разгребаютъ песокъ, вырывая для себя норы. Большая бдительность требуется со стороны человѣка, чтобы противодѣйствовать этимъ, повидимому, ничтожнымъ врагамъ.

«Укрѣпивъ дюны, голландцамъ предстоитъ другая не менѣе трудная работа, именно: осушить отнятую у моря почву или, другими словами, выкачать оставшуюся на ней морскую воду. Для этой цѣли голландцы устраиваютъ вѣтряныя, а иногда паровыя мельницы. Мельницы эти приводятъ въ дѣйствіе многочисленные насосы и такимъ образомъ служатъ дешевымъ средствомъ для осушенія завоеванной у моря земли и образованія на ней плодородныхъ польдерсовъ. Точно такимъ же образомъ голландцы осушаютъ и внутреннія болота, изъ которыхъ сперва вынимаютъ торфъ, а потомъ, выкачавъ воду и окруживъ ихъ плотинами, превращаютъ въ пахотныя поля. Такъ какъ большая часть этихъ польдерсовъ лежитъ ниже уровня моря, то постоянное дѣйствіе мельницъ необходимо для отливанія просачивающейся воды, равно какъ необходимы плотины для удержанія напора морскихъ волнъ. Разрывъ такой плотины причиняетъ иногда страшныя опустошенія. Исторія представляетъ около 200 большихъ наводненій въ Голландіи, и нѣкоторыя изъ нихъ были такъ сильны, что потопляли около 100.000 человѣкъ; къ такимъ, между прочимъ, принадлежатъ наводненія 1421, 1430, 1570, 1686 и 1825 годовъ. Такимъ образомъ вся жизнь обитателей этой страны есть не что иное, какъ постоянная, неутомимая борьба ихъ съ моремъ. Эта борьба пріучила голландцевъ къ неимовѣрной дѣятельности, изощрила ихъ умъ, сдѣлала ихъ

народомъ терпѣливымъ, хладнокровнымъ и трудолюбивымъ» [1]).

Голландскія плотины, само собой разумѣется, очень высоки, а иногда такъ широки, что на нихъ строятъ дома и разводятъ сады. По нимъ проложены сухопутныя дороги, обсаженныя деревьями. Ѣдущіе по этимъ дорогамъ могутъ любоваться съ одной стороны кровлями домовъ и верхушками деревьевъ, расположенныхъ гдѣ-то внизу, подъ ихъ ногами, на днѣ высушеннаго моря или озера, а по другую сторону могутъ видѣть корабли и лодки на водѣ, уровень которой приходится какъ разъ противъ верхняго этажа домовъ, а иногда и выше. Аистъ, сидящій на кровлѣ дома, иногда дальше отъ звѣздъ, чѣмъ лягушка, квакающая въ каналѣ, и водяной паукъ носится иногда выше ласточки, вьющейся надъ гнѣздомъ своимъ.

Повсюду виднѣются каналы, рѣки, пруды и озера. Какъ зеркала въ комнатѣ, такъ эти водныя пространства, блестя на солнцѣ, нарушаютъ однообразіе луговъ и пашенъ и оживляютъ пейзажъ. Воды всюду такъ много, что невольно задаешь себѣ вопросъ: да что же такое, наконецъ, Голландія — вода или суша?

Здѣсь есть люди, которые родятся, живутъ, умираютъ и даже сады разводятъ на судахъ. Фермы съ огромными плоскими крышами, стоя на сваяхъ, какъ на деревянныхъ ногахъ, какъ будто говорятъ: «Мы стоимъ на цыпочкахъ и надѣемся не подмочить своихъ платьевъ». Уткамъ здѣсь раздолье лѣтомъ и ребятамъ, особенно босоногимъ. Какихъ только корабликовъ они не пускаютъ, какъ ловко гребутъ и рыбу удятъ, какъ привыкаютъ барахтаться въ водѣ и какъ скоро выучиваются плавать.

---

[1]) Географія Вержбиловича, 2-я часть, стр. 56—58.

Города Голландіи представляютъ какую-то смѣсь церквей, домовъ, мостовъ и судовъ, на которыхъ столько же мачтъ, сколько деревьевъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ суда, стоящія въ каналахъ, причаливаютъ къ воротамъ домовъ своихъ владѣльцевъ и нагружаются прямо изъ верхнихъ оконъ жилья. Нерѣдко тутъ услышишь окрикъ матери: «Людовикъ, Янъ, не качайтесь на заборѣ въ саду — утонете!» Пути сообщенія тутъ большею частью водяные, а не сухопутные. Водяныя ограды въ видѣ рвовъ или каналовъ окружаютъ не только общественные сады, но и усадьбы частныхъ лицъ.

Иногда увидишь живую изгородь изъ зелени, рѣдко деревянную, никогда каменную, да камня здѣсь и нѣтъ. Для укрѣпленія дюнъ привозили каменныя глыбы издалека, а все, что было мелкаго камня на мѣстѣ, ушло на мощеніе дорогъ и улицъ. Здѣсь зачастую мальчикъ доживетъ до зрѣлыхъ лѣтъ и сдѣлается отцомъ семейства, не видавъ и не поднявъ ни одного камешка, который бы онъ могъ пустить рикошетомъ по водѣ.

Пути сообщенія здѣсь — каналы, избороздившіе страну по всѣмъ направленіямъ. Есть каналъ громадныхъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, Сѣверный, по которому свободно ходятъ большіе корабли, есть и такіе узенькіе, что черезъ нихъ можно перепрыгнуть. Водяные омнибусы или баржи то и дѣло снуютъ по каналамъ, перевозя пассажировъ изъ одного города въ другой; особыя барки перевозятъ топливо и всякіе товары. Вмѣсто тропинокъ, которыя у насъ въ деревнѣ разбѣгаются во всѣ стороны, въ Голландіи отъ дома къ гумну, къ сараю, ко всѣмъ службамъ ведутъ маленькіе каналы. Такіе же каналы проложены къ польдерсамъ. Самыя людныя городскія улицы (каналы) вымощены водой, а деревенскія — кирпичомъ; по первымъ движутся баржи съ золоченымъ носомъ и

ярко раскрашенными боками, не похожія на суда другихъ странъ, по вторымъ — голландскія телѣжки особаго устройства, съ кривымъ дышломъ, глядя на которыя, иностранецъ, пожалуй, разинетъ ротъ отъ удивленія.

«Зато ужъ воды пей сколько хочешь, — подумаете вы, — ни одинъ голландецъ не страдаетъ отъ жажды». И представьте себѣ, на дѣлѣ далеко не такъ. Несмотря на море съ одной стороны, и внутреннія воды — съ другой, цѣлые округа страдаютъ отъ недостатка прѣсной проточной воды. Въ такихъ мѣстахъ бѣдный голландецъ утоляетъ свою жажду пивомъ или виномъ, не имѣя возможности напиться воды! Изрѣдка удается ему собрать дождевую воду, а большею частью онъ, какъ морякъ среди океана, жалуется: «Вода, вода, всюду вода — и нечего пить!»

Трудно описывать Голландію послѣдовательно, — такую смѣсь она представляетъ. Не знаешь, о чемъ и говорить. Большія мельницы съ шумящими крыльями похожи тамъ на громадныхъ водяныхъ птицъ, опустившихся на землю. Вершинамъ деревьевъ прихоть голландца придала самыя разнообразныя формы: куполовъ, шатровъ, пирамидъ; стволы деревьевъ выкрашены въ бѣлую, желтую или голубую краску. Мужчины, женщины и дѣти ходятъ, постукивая своими деревянными башмаками (сабо). Деревенская дѣвушка, у которой нѣтъ брата, родственника или добровольнаго кавалера, нанимаетъ таковего за деньги, чтобы не итти одной на ярмарку и на танцы. Это не ставится ей въ упрекъ — таковъ обычай! При тяжелой работѣ, когда мужъ не можетъ одинъ справиться, онъ призываетъ жену, и добрая жена впрягается рядомъ съ нимъ и тянетъ лямку своей барки по берегу канала до самаго базара.

ГЛАВА II.

Голландія (продолженіе). — Рафъ Бринкеръ.

Природныя особенности Голландіи воспитали въ жителяхъ ея бережливость, съ одной стороны, и неутомимую дѣятельность — съ другой. Сложить руки и предаться итальянскому ничегонедѣланью (farniente) или махнуть рукой и жить «на авось» голландцу не приходится — нельзя, вода затопитъ. Кажется, мало на свѣтѣ людей такихъ смѣлыхъ и безстрашныхъ, какъ голландцы, на видъ такіе тихіе и невозмутимые. Они не уступаютъ никому на поприщѣ великихъ открытій и полезныхъ изобрѣтеній; первенствуя въ торговлѣ, мореплаваніи и кораблестроеніи, они не уступаютъ другимъ націямъ и въ процвѣтаніи наукъ и искусствъ. Ни одинъ народъ не тратитъ такъ много, какъ голландцы, на общественныя нужды, на общеполезныя предпріятія и учрежденія.

Лѣтописи маленькой Голландіи блещутъ именами людей, прославившихся въ литературѣ и искусствѣ. Въ историческихъ архивахъ государства хранятся доказательства народнаго терпѣнія, стойкости въ сопротивленіи и одержанныхъ побѣдъ. Не даромъ Голландію называютъ «полемъ европейскихъ битвъ». И при этомъ всякій изгнанникъ находитъ въ Голландіи пріютъ и покровительство закона.

Жители большихъ государствъ подсмѣиваются надъ голландцами, зовутъ ихъ бобрами рода человѣческаго, предсказываютъ имъ рано или поздно конечную гибель: снесетъ васъ всѣхъ когда-нибудь большимъ приливомъ, и ничего отъ васъ не останется. Но люди, зна-

комые съ самоотверженіемъ и героизмомъ этихъ бобровъ, могутъ возразить, что не исчезнетъ съ лица земли Голландія, пока останется въ живыхъ хотя одинъ бобръ-голландецъ.

Мы уже говорили, что въ Голландіи много мельницъ, особенно вѣтряныхъ. Ихъ насчитываютъ тамъ до десяти тысячъ, съ крыльями длиною отъ 80 до 100 футовъ. На этихъ мельницахъ пилятъ бревна, треплютъ пеньку, мелютъ зерно и производятъ множество другихъ работъ, но главное назначеніе ихъ — посредствомъ насосовъ выкачивать воду съ низменныхъ полей и луговъ и поднимать ее въ каналы, и тѣмъ предотвращать затопленіе низкихъ мѣстъ. Говорятъ, что содержаніе такого громаднаго количества мельницъ обходится въ пятьдесятъ милліоновъ франковъ (около 34 милліоновъ рублей) ежегодно.

Одна изъ старыхъ тюремъ въ Амстердамѣ называется «лѣсопильней». Въ былое время заключенные тамъ пилили лѣсъ. Въ этомъ зданіи существовала, между прочимъ, одна камера, въ которую постоянно вливалась вода; отсюда ее надо было помощью насоса выкачивать и направлять на колеса. Въ эту-то камеру сажали лѣнивыхъ къ работѣ или провинившихся противъ дисциплины арестантовъ. Заключенному въ камеру, въ виду прибывающей воды, ничего другого не оставалось, какъ или утонуть, или приняться за энергичную работу, если онъ не хотѣлъ быть утопленнымъ.

Въ такомъ же положеніи находится и вся Голландія. Каждый голландецъ долженъ всю жизнь свою откачивать воду, чтобы не потонуть. Такъ было, такъ и будетъ, вѣроятно, до скончанія вѣка.

Ежегодно тратятся милліоны франковъ на поддержаніе и починку плотинъ. Страна погибла бы, если бы хотя одинъ день жители пренебрегли этой неустанной

работой. Всѣ несчастія отъ наводненій происходили отъ разрыва плотинъ. Сотни городовъ и деревень хоронила разъяренная водная стихія. Особенно разрушительно было наводненіе 1570 года. Читая описаніе Мотлея о претерпѣнныхъ голландцами бѣдствіяхъ, невольно проникаешься чувствомъ уваженія къ народу, такъ много пострадавшему и все-таки не потерявшему мужества въ борьбѣ.

Мотлей въ своемъ трогательномъ разсказѣ о наводненіи 1570 года говоритъ, что постоянный вѣтеръ гналъ воды Атлантическаго океана въ Сѣверное море, громоздя волны на волны. Высокіе, точно горы, валы напирали на берегъ. Плотины долго сопротивлялись этому страшному напору, но, наконецъ, не выдержали и одновременно рухнули по всему побережью. Плотина, состоявшая изъ громадныхъ дубовыхъ бревенъ, скрѣпленныхъ желѣзными обручами, пригвожденная ко дну тяжелыми якорями, защищенная, сверхъ того, дюнами, была обращена въ щепы и уничтожена. Большіе корабли и мелкія суда застревали между вершинъ затопленныхъ деревьевъ и колотились о крыши домовъ. Тысячи и тысячи мужчинъ, женщинъ, дѣтей, лошади, коровы и домашняя птица, — все было поглощено водой; всѣ дома были покрыты; съ размытыхъ кладбищъ выплывали гроба, и рядомъ съ гробомъ плыла люлька съ живымъ младенцемъ. Люди, успѣвшіе взобраться на верхушки деревьевъ или на церковныя колокольни, взывали о помощи, и помощь эту съ полнымъ самоотверженіемъ подавали имъ болѣе счастливые, находившіеся на судахъ. Наконецъ буря утихла, водная поверхность успокоилась, и тогда началось спасеніе уцѣлѣвшихъ и собираніе труповъ погибшихъ. До ста тысячъ народа погибло, а матеріальные убытки трудно было и оцѣнить.

Семейство Бринкеръ,

Роблесъ, испанскій губернаторъ, употребилъ тогда необыкновенныя усилія къ спасенію наибольшаго количества людей и къ облегченію участи пострадавшихъ. Голландцы прежде ненавидѣли Роблеса за его испанское происхожденіе, но участіе его къ нимъ и неутомимая дѣятельность въ эту годину бѣдствія—заставили ихъ не только примириться съ нимъ, но и полюбить этого великодушнаго правителя. Онъ издалъ новыя правила для устройства плотинъ и новый законъ о непрестанномъ участіи жителей въ содержаніи и наблюденіи за плотинами. Въ послѣдующія 300 лѣтъ, хотя и бывали мѣстныя наводненія — и послѣднее въ 1825 году, но такого опустошительнаго, какъ вышеописанное, уже не было.

Теперь понятно, почему голландцы находятся всегда настарожѣ, въ постоянной борьбѣ съ водной стихіей, въ постоянномъ страхѣ за свое существованіе. Инженеры и простые рабочіе — нѣчто въ родѣ водяныхъ надсмотрщиковъ или сторожей — расположены по линіи плотинъ и особенно бдительно сторожатъ опасныя мѣста. Какъ только раздается сигналъ, обозначающій тревогу, всѣ жители поголовно бросаются къ нимъ на помощь противъ общаго и неумолимаго врага своего. Самый употребительный матеріалъ въ Голландіи для укрѣпленія плотинъ — солома. Соломенные маты въ нѣсколько рядовъ, переложенные землей и глиной, прижатые къ плотинѣ бревнами, представляютъ надежный оплотъ противъ волнъ.

Рафъ Бринкеръ, отецъ Ганса и Гретели, многіе годы служилъ надсмотрщикомъ при плотинѣ. Однажды во время сильной бури, грозившей наводненіемъ, онъ работалъ на опасномъ пунктѣ, который былъ ввѣренъ ему, какъ самому опытному и смѣлому мастеру. Вокругъ былъ мракъ и гололедица. Надо было какъ можно

скорѣе укрѣпить одинъ шлюзъ; на бѣду Бринкеръ поскользнулся и съ высокой плотины упалъ прямо на ноги. Его принесли домой въ безсознательномъ состояніи. Съ этого злополучнаго дня онъ уже болѣе не работалъ: самъ онъ остался живъ, но разсудокъ и память его умерли. У него сдѣлалось сотрясеніе мозга.

Гретель знала его только такимъ, какимъ онъ былъ теперь: молчаливымъ, слѣдящимъ мертвеннымъ взоромъ за ея движеніями; другимъ она отца не помнила. Гансъ, напротивъ, помнилъ отца оживленнымъ, работающимъ безъ-устали; помнилъ, какъ отецъ носилъ его на плечахъ, напѣвая веселую пѣсню. Напѣвъ этотъ чудился ему и теперь.

Бринкерша, лишившись поддержки мужа, содержала семью съ помощью маленькаго дохода, который она получала съ своего огорода, и того, что успѣвала заработать вязаньемъ и шитьемъ. Первые годы болѣзни мужа она нанималась тянуть бечеву у барокъ, перевозившихъ грузы по ближайшему каналу; но когда Гансу пошелъ пятнадцатый годъ, онъ взялъ на себя этотъ тяжелый заработокъ. Къ тому же больной со дня на день все болѣе впадалъ въ дѣтство и требовалъ неустаннаго присмотра за собой. А такъ какъ тѣло его было здорово и въ рукахъ сохранилась прежняя сила, то бѣдной женщинѣ было очень трудно съ нимъ справляться.

— Ахъ, дѣтки, дѣтки! — говорила она не разъ. — Какъ онъ былъ добръ и ласковъ, какой работникъ былъ, воздержный и притомъ умница, какихъ мало: самъ бургомистръ часто обращался къ нему за совѣтомъ. А теперь онъ даже не узнаетъ жены и собственныхъ дѣтей. Ты вѣдь помнишь его, Гансъ, здоровымъ? Да? Что это былъ за примѣрный отецъ!

— Помню, мама. Онъ былъ мастеръ на всѣ руки; чего-чего только онъ не умѣлъ дѣлать! А какъ онъ пѣлъ! Какой у него былъ сильный голосъ! Я помню, мама, какъ ты подсмѣивалась надъ нимъ, что онъ однимъ дыханіемъ своимъ можетъ вертѣть мельничныя крылья.

— Неужели ты и это помнишь? Какая же у тебя хорошая память, Гансъ, да хранитъ тебя Господь! Гретель, возьми скорѣе изъ рукъ отца спицу, а то онъ какъ разъ выколетъ себѣ глазъ. Надѣнь ему башмаки, а то у него ноги закоченѣли; какъ я ни бьюсь, а не могу ихъ содержать въ теплѣ.

И мать охая принималась за свою прялку.

Вся работа внѣ дома дѣлалась теперь руками Ганса и Гретели. По временамъ они ходили собирать торфъ, чтобы запастись топливомъ на зиму. Когда занятія по дому перемежались, Гансъ нанимался гонять лошадей на бечевѣ и этимъ зарабатывалъ нѣсколько грошей, а Гретель пасла гусей у сосѣднихъ фермеровъ.

Сверхъ того, Гансъ самоучкой точилъ дерево и вмѣстѣ съ сестрой занимался садомъ. Гретель умѣла шить, пѣть и бѣгать на высокихъ ходуляхъ, сдѣланныхъ въ былое время отцомъ, — бѣгать такъ скоро, какъ никто на десять верстъ вокругъ. Длинную балладу она запоминала наизусть въ какія-нибудь пять минутъ, безъ затрудненія находила въ лѣсу любой цвѣтокъ или травку; но книгъ боялась; одинъ видъ черной классной доски наполнялъ слезами ея голубые глазки. Гансъ, наоборотъ, былъ медлителенъ и серьезенъ, и чѣмъ труднѣе была предложенная ему задача или работа, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ онъ принимался за нее. Школьные товарищи Ганса, которые сначала подсмѣивались надъ его заплатанной курткой, должны были уступить ему первенство во всѣхъ классахъ. Онъ

скоро сталъ единственнымъ ученикомъ, не побывавшимъ въ зловѣщемъ углу класса, гдѣ висѣла плетка съ надписью: «Учись, учись, лѣнивый, не то эта плетка заставитъ тебя учиться».

Но Гансу и Гретели только зимой удавалось посѣщать школу, и то не каждый день. Вотъ и сегодня они остались дома: надо присмотрѣть за больнымъ отцомъ, такъ какъ мать возится съ хлѣбами, а Гретель должна кончить какое-то вязанье къ завтрашнему базару.

Въ то время, какъ бѣдныя дѣти сидѣли дома и помогали матери, на льду появилось много веселыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые бороздили своими блестящими коньками сверкавшій на солнцѣ ледъ. Между катавшимися были искусные конькобѣжцы. Пестрая толпа ихъ, то сбиваясь въ кучу, то разсыпаясь, представляла очень красивую и оживленную картину.

ГЛАВА III.

Серебряные коньки. — Гансъ и Гретель находятъ друга. — Домашнее горе.

Тутъ была Гильда ванъ-Глекъ въ богатой мѣховой шубкѣ, крытой цвѣтнымъ бархатомъ, и рядомъ съ ней — молоденькая крестьянка Анна Бауманъ въ кофтѣ изъ толстаго краснаго сукна и синей короткой юбкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись домашней работы шерстяные чулки. Далѣе шла гордая Рахиль Корбесъ, отецъ которой, мингеръ ванъ-Корбесъ, былъ важнымъ лицомъ въ Амстердамѣ. Красавицу эту окружали Карлъ Шуммель, братья Петеръ и Лудвигъ ванъ-

Гольпъ, Яковъ Путъ и одинъ маленькій мальчикъ съ очень длиннымъ прозвищемъ — Вустенвальбертъ Шиммельпеннинкъ. Спереди и сзади ихъ было еще около двадцати мальчиковъ и дѣвочекъ, всѣ отъ перваго до послѣдняго полные жизни и веселья.

Они катались взадъ и впередъ по каналу на протяженіи полумили, то тихо, то поразительно быстро. Тутъ же какой-нибудь чиновникъ или докторъ, скромно скрестивъ на груди руки, скользилъ въ городъ, а шустрые ребята перерѣзывали ему дорогу и вертѣлись у него подъ носомъ. Дѣвочки, взявшись за руки, живой гирляндой бѣжали навстрѣчу солидному бургомистру, который, держа въ рукахъ въ видѣ баланса палку, умѣрялъ ходъ и нерѣшительно поглядывалъ на летѣвшую на него армію. Но, подскочивъ къ самому его носу, живая цѣпь разрывалась, пропускала его и съ громкимъ смѣхомъ неслась далѣе. Нельзя было не любоваться на великолѣпные блестящіе коньки бургомистра, съ превосходными ремнями; спереди они изящно загибались и оканчивались золотыми шариками. Но если которая-нибудь изъ дѣвочекъ дѣлала на льду реверансъ обладателю этихъ коньковъ, то получала въ отвѣтъ только улыбку, такъ какъ онъ очень боялся потерять свое равновѣсіе.

Не всѣ катались тутъ для удовольствія: встрѣчались и серьезныя, озабоченныя лица рабочихъ, спѣшившихъ на работу; попадались торговцы съ товаромъ на головѣ, носильщики, согнувшіеся подъ тяжестью своей ноши, и лодочники съ взъерошенными волосами и грязными лицами. Изрѣдка скользилъ, благодушно улыбаясь встрѣчнымъ, пасторъ, спѣшившій къ постели трудно больного или умирающаго. Мальчики съ ранцами, туго набитыми всякой премудростью, за плечами, бѣжали въ школу. Все это шло, бѣжало и летѣло по

льду, вооруженное коньками, и только изрѣдка скрипѣла по берегу неуклюжая деревенская телѣжка.

И молодежь наша смѣшалась съ толпой, такъ что мы совсѣмъ было потеряли ее изъ виду. Но вотъ дѣти пріостановились и сгруппировались въ сторонкѣ. Мальчики всѣ вдругъ стали говорить что-то хорошенькой маленькой дѣвочкѣ, которую они подцѣпили въ толпѣ, бѣжавшей въ городъ.

— Катринка, — кричали они въ одинъ голосъ, — ты слышала про бѣгъ? Ты непремѣнно должна быть съ нами на бѣгу!

— Какой бѣгъ? — спросила она, смѣясь. — Да не кричите вы, пожалуйста, всѣ разомъ: я ничего не могу понять.

Мальчики притихли и обернулись къ предводительницѣ своей, Рахили Корбесъ, какъ бы давая ей слово.

— Какъ, — сказала она, — ты ничего не знаешь? На двадцатое назначенъ большой бѣгъ: это день рожденія госпожи ванъ-Глекъ. Призомъ будетъ пара серебряныхъ коньковъ, настоящихъ серебряныхъ, лучшему конькобѣжцу!

— Да, да, — подхватила дюжина голосовъ, — серебряные коньки съ колокольчиками и шариками.

— Кто сказалъ — съ колокольчиками? — воскликнулъ мальчуганъ съ длиннымъ прозвищемъ.

— Я, господинъ Вустъ, говорю и повторяю, что коньки будутъ съ колокольчиками.

— Нѣтъ, я увѣренъ, что нѣтъ.

— А вотъ и ошибаешься.

— Нѣтъ, не ошибаюсь.

— Какъ ты можешь увѣрять въ томъ, чего не знаешь?

— Не съ колокольчиками будутъ коньки, а со стрѣлками, — сказалъ кто-то.

— Неправда,—мингеръ ванъ-Корбесъ сказалъ моей матери, что будутъ колокольчики.

Всѣ заспорили, всѣ заговорили, не слушая другъ друга. Мнѣнія раздѣлились: кто кричалъ за колокольчики, кто за стрѣлы. Шумъ и гамъ былъ невообразимый. Мингеръ Вустенвальбертъ Шиммельпеннинкъ хотѣлъ было положить конецъ этимъ пререканіямъ, заявивъ торжественно и громко:

— Ничего-то вы всѣ не знаете; никакихъ колокольчиковъ не будетъ, а будетъ...

— Что, что?—раздалось въ толпѣ.

— Пара коньковъ для дѣвочекъ,—спокойно произнесла молчавшая до сихъ поръ Гильда ванъ-Глекъ,—будетъ съ колокольчиками, а на конькахъ для мальчиковъ по бокамъ будутъ стрѣлы.

— А, что я говорилъ?!—закричалъ каждый изъ споривших.

Катринка, оглушенная шумомъ, спросила, наконецъ, со смѣхомъ:

— Кого же допустятъ на бѣгъ?

— Всѣхъ, конечно, всѣхъ насъ, — отвѣтила Рахиль.—Вѣдь это такъ будетъ весело. Ты непремѣнно должна быть съ нами, Катринка. Но вотъ колоколъ ударилъ, насъ зовутъ. Маршъ теперь въ школу, господа, а объ этомъ мы еще потолкуемъ въ полдень.

Катринка вмѣсто отвѣта весело перевернулась и сказала:

— Что же вы стоите, глухіе? Не слышите развѣ колокола?—Затѣмъ, граціозно скользнувъ по льду, закричала:—Ловите меня!

Съ этими словами она стрѣлой полетѣла по направленію къ школѣ, расположенной въ полумилѣ на берегу канала. На этотъ вызовъ вся толпа бросилась за ней, но догнать ее было не легко. Шалунья съ развѣ-

вающимися по вѣтру волосами и блестящими глазками съ торжествомъ оглядывалась на догонявшихъ ее и звонко смѣялась.

Въ часъ отдыха, около полудня, всѣ школьники опять высыпали на каналъ и, какъ волчки, завертѣлись по льду. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ Карлъ Шуммель подскочилъ къ Гильдѣ ванъ-Глекъ и съ усмѣшкой указалъ ей въ сторону.

Всѣ школьники высыпали на каналъ и какъ волчки завертѣлись по льду.

— Смотрите, какая тамъ смѣшная парочка катается. Да вы смотрите только, что это у нихъ на ногахъ. Ай да коньки! Должно-быть, это имъ король подарилъ.

— Это, навѣрное, очень терпѣливыя дѣти, — отвѣтила добродушно Гильда. — Не легко имъ было выучиться бѣгать на такихъ обрубкахъ они, должно-быть, очень бѣдны, а эти самодѣльные коньки, я увѣрена, работа старшаго мальчика.

Карлъ былъ сконфуженъ такимъ отвѣтомъ. Гильда оставила его и присоединилась къ другой партіи дѣтей, затѣмъ опередила ихъ, остановилась передъ Гретелью, съ восхищеніемъ глядѣвшей на катающихся, и спросила:

— Какъ тебя зовутъ, милая?

— Гретель, сударыня, — скромно отвѣтила дѣвочка, оглядывая богатый нарядъ своей собесѣдницы, — а брата моего зовутъ Гансомъ.

— Твой Гансъ — молодецъ, — сказала весело Гильда, — смотри: у него щеки горятъ, какъ будто у него въ груди горячая печка, а тебѣ бѣдненькой, должно-быть, холодно: ты дрожишь; надо было потеплѣй одѣться, малютка моя.

Гретель улыбнулась: на ней былъ весь ея гардеробъ, и кутаться ей было не во что болѣе.

— Я ужъ не такая маленькая, — сказала она: — мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Извини, а я, видишь ли, въ четырнадцать лѣтъ выросла такая большая, что всѣ дѣвочки мнѣ кажутся маленькими. Однѣ растутъ медленно, другія — быстро, и часто младшія перерастаютъ старшихъ; но тебѣ старшихъ не перерасти, если ты не будешь одѣваться теплѣе. Кто зябнетъ, тотъ тихо растетъ.

Гансъ покраснѣлъ; ему стало жаль сестренку, у которой на глазахъ навертывались слезы.

— Сестра не жаловалась на холодъ, сударыня, — сказалъ онъ, — хотя правда, — прибавилъ онъ, съ грустью глядя на Гретель, — морозъ сегодня сердитый.

— Не бѣда, — отвѣтила Гретель. — Мнѣ бываетъ совсѣмъ тепло, даже жарко, когда я бѣгаю на конькахъ. Вы слишкомъ добры, сударыня, и напрасно безпокоитесь обо мнѣ.

— Нѣтъ, что же... я, право... — Гильда смѣшалась, она поняла, что затронула больное мѣсто бѣдныхъ дѣ-

тей, и страшно досадовала на себя за это. — Я совсѣмъ не хотѣла васъ огорчать; дѣло въ томъ, что мнѣ хотѣлось бы... — тутъ она запуталась, покраснѣла и замолчала.

Гансъ понялъ ея затрудненіе и поспѣшилъ ей на помощь.

— Чѣмъ можемъ мы вамъ служить, сударыня?

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ ничего не нужно. Я хотѣла только сообщить вамъ, что двадцатаго числа назначенъ бѣгъ, по случаю дня рожденія моей матери. Надѣюсь, что вы примете въ немъ участіе? Вы оба такъ искусно бѣгаете, а на бѣга эти всѣ имѣютъ свободный доступъ; всякій можетъ состязаться на призъ.

Гретель посмотрѣла на Ганса; тотъ, приподнявъ вѣжливо свой картузъ, отвѣчалъ:

— Сударыня, если бы намъ и позволили принять участіе въ бѣгѣ, то мы могли бы сдѣлать только нѣсколько неудачныхъ попытокъ. Наши коньки, извольте посмотрѣть, — прибавилъ онъ, поднимая ногу и показывая обрубокъ, — изъ крѣпкаго дерева, но на льду они сырѣютъ, перестаютъ скользить, и мы часто отъ этого падаемъ.

Глазки Гретели лукаво заискрились при воспоминаніи о томъ, какъ утромъ Гансъ грохнулся, бѣгая съ ней; но она тутъ же покраснѣла и робко сказала:

— Нѣтъ, намъ нельзя бѣгать на-перегонки; но вы позволите намъ, сударыня, посмотрѣть, какъ будутъ бѣгать другіе?

— Конечно, — отвѣтила Гильда, ласково глядя на эти серьезныя лица и съ грустью вспоминая о своихъ карманныхъ деньгахъ, истраченныхъ на бездѣлушки.

У нея осталось не болѣе двухъ рублей въ карманѣ, на которые едва ли можно было купить и одну сносную пару коньковъ. Она посмотрѣла на ноги

своихъ собесѣдниковъ, на уродливые ихъ обрубки и спросила:

— А кто изъ васъ двоихъ лучше бѣгаетъ по льду?

— Гретель! — воскликнулъ Гансъ.

— Гансъ! — въ то же время крикнула Гретель.

Гильда улыбнулась.

— Къ сожалѣнію, я не могу вамъ обоимъ дать по парѣ коньковъ, даже и на одну хорошую пару у меня нѣтъ; но вотъ мои деньги, возьмите ихъ и купите коньки тому, кто изъ васъ лучше бѣгаетъ и можетъ легче выиграть на бѣгу призъ. Желаю, чтобы этихъ денегъ хватило на покупку хорошихъ коньковъ.

И, положивъ деньги въ руку изумленнаго Ганса, Гильда съ улыбкой кивнула имъ и поспѣшила къ своимъ подругамъ.

— Сударыня, сударыня, госпожа ванъ-Гольпъ! — кричалъ Гансъ, пускаясь за ней вдогонку такъ быстро, какъ позволялъ развязавшійся на его ногѣ ремень.

Гильда обернулась, защитивъ рукою глаза отъ солнца, и вернулась къ Гансу.

— Мы не можемъ принять вашихъ денегъ, вотъ онѣ. Благодарю васъ, вы очень добры, но денегъ намъ не нужно.

— Отчего вы отказываетесь? — спросила Гильда, краснѣя.

— Оттого, — отвѣчалъ съ неловкимъ поклономъ Гансъ, — что мы ихъ не заработали, милая барышня.

Гильда была находчива; она замѣтила на шеѣ у Гретели красивую цѣпочку изъ деревянныхъ колецъ.

— Вырѣжьте мнѣ, Гансъ, такую же цѣпочку, какъ у вашей сестры.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыня. Бѣлое дерево у меня есть, и цѣпочку вы получите завтра же.

При этомъ Гансъ протягивалъ ей руку съ деньгами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не возьму, — сказала Гильда: — это очень скромная плата за такую прелестную цѣпочку.

Съ этими словами она скользнула по льду, обгоняя самыхъ быстрыхъ конькобѣжцевъ.

Гансъ, все еще сконфуженный, провожалъ ее глазами.

Онъ сознавалъ, что дальнѣйшее сопротивленіе неумѣстно.

— Ну, пусть будетъ такъ,—сказалъ онъ, поглядывая то на мелькавшую вдали Гильду, то на Гретель.— Только намъ терять времени нельзя; и если мама дастъ мнѣ свѣчу и позволитъ проработать ночь, то я къ утру вырѣжу цѣпочку на диво. Я полагаю, Гретель, что мы въ правѣ удержать у себя эти деньги.

— Что за милая и добрая эта барышня! — вскричала Гретель, хлопая въ ладоши отъ восторга. — Видишь, Гансъ, не даромъ въ прошломъ году на нашу крышу опустился аистъ. Мама была права, когда говорила, что это принесетъ намъ счастье. Завтра мама пошлетъ тебя въ городъ, Гансъ, и ты купишь отличные коньки.

Гансъ опустилъ голову.

— Барышня дала намъ денегъ, чтобы мы купили коньки, — это такъ; но если я эти деньги заработаю, Гретель, то куплю не коньки, а шерсти, и у тебя будетъ теплая кофта.

— Что ты, что ты? — вскричала съ отчаяніемъ въ голосѣ Гретель. — Остаться безъ коньковъ! Да развѣ мнѣ такъ часто бываетъ холодно? Мама говоритъ, что кровь у маленькихъ дѣтей кипитъ въ жилахъ, а ты говоришь, что я зябну. Буду больше бѣгать, и кровь будетъ меня отлично грѣть, вотъ и все, и никакой шерстяной кофты мнѣ не надо. О, Гансъ, — прибавила она со вздохомъ, похожимъ на стонъ, — не говори, что ты не купишь коньковъ, а то я заплачу. Я, знаешь,

даже хочу, чтобы мнѣ было холодно, и никакъ этого добиться не могу. Посмотри, я и теперь вся горю.

Гансъ посмотрѣлъ на нее и, будучи, какъ истый голландецъ, врагомъ сильныхъ ощущеній, не на шутку испугался, что его Гретель разревется.

— Послушай, — заговорила Гретель, видя нерѣшительность брата: — я буду ужасно несчастлива, если ты не купишь коньковъ. И я хочу ихъ вовсе не для себя — я не такая эгоистка: купи теперь коньки себѣ, а когда я буду такая же большая, какъ ты, тогда ты купишь мнѣ. Ну-ка, посчитай деньги. Вѣдь никогда еще въ твоихъ рукахъ не бывало столько!

Гансъ въ раздумьѣ вертѣлъ въ рукахъ деньги. До сихъ поръ ему и въ голову не приходило покупать себѣ коньки; но теперь, когда онъ зналъ, что будетъ бѣгъ, его сердце обливалось кровью при мысли, что безъ коньковъ онъ не можетъ показать своего искусства, бѣгать по льду. Онъ былъ увѣренъ, что съ хорошими стальными коньками онъ можетъ обогнать очень многихъ изъ извѣстныхъ ему мальчиковъ. Съ другой стороны, думалось и такъ: Гретель хоть и мала и худощава, а такъ ловка на льду, что стоитъ ей съ недѣлю побѣгать на хорошихъ конькахъ, и она превзойдетъ не только Рахиль Корбесъ, но и самое Катринку Флакъ. Едва эта мысль пришла ему въ голову, какъ уже онъ принялъ твердое рѣшеніе. Гретель не хочетъ теплой кофты, зато у нея будутъ настоящіе коньки.

— Нѣтъ, Гретель, — сказалъ онъ, — я могу подождать. Со временемъ я накоплю столько денегъ, что куплю и себѣ коньки. А теперь я куплю тебѣ, и ты выиграешь на призъ серебряные коньки.

Глаза Гретели невольно заблистали радостью; но минуту спустя она опять принялась отнѣкиваться, хотя и много слабѣе, чѣмъ прежде.

— Барышня дала деньги тебѣ, Гансъ, и я не должна ихъ брать себѣ.

Гансъ отрицательно покачалъ головой и пошелъ впередъ такъ скоро, что Гретель принуждена была слѣдовать за нимъ въ припрыжку. Они сняли свои обрубки и торопились домой, чтобы поскорѣе обрадовать мать.

— Вотъ что я придумала! — восторженно закричала Гретель. — Ты купи такіе коньки, которые были бы немножко велики для меня и немножко малы для тебя, тогда мы оба будемъ ими пользоваться. Вѣдь хорошо я придумала? — спрашивала дѣвочка, прыгая передъ братомъ и хлопая въ ладоши.

Бѣдный Гансъ! Искушеніе было велико, но онъ, какъ разсудительный мальчикъ, устоялъ.

— Пустяки, Гретель; никогда тебѣ не кататься какъ слѣдуетъ на большихъ конькахъ, которые тебѣ будутъ не по ногѣ. Вѣдь и на этихъ обрубкахъ ты спотыкалась, какъ слѣпая курица, пока я не укоротилъ ихъ. Нѣтъ, тутъ и толковать нечего: у тебя будутъ отличные коньки, какъ разъ по ногѣ, и ты будешь ежедневно и какъ можно больше упражняться на нихъ до двадцатаго числа. Моя Гретель выиграетъ серебряные коньки!

Восхищенная Гретель не могла удержаться и весело засмѣялась.

— Гансъ! Гретель! — раздался знакомый голосъ.

— Вотъ и мы, мама.

И они побѣжали въ домъ; Гансъ крѣпко сжималъ въ рукѣ деньги.

На слѣдующій день во всей Голландіи, я думаю, не было болѣе счастливаго человѣка, чѣмъ Гансъ, когда онъ любовался, какъ при восходѣ солнца его милая сестренка Гретель съ необычайной ловкостью сколь-

зила по льду канала на ряду съ другими дѣтьми. Добрая Гильда подарила Гретели теплую кофту, а мама Бринкеръ искусно вычинила старые башмаки. Дѣвочка, не обращая вниманія на удивленныхъ зрителей, носилась по льду, какъ стрѣла; глаза и щеки ея разгорѣлись; ей казалось, что стальные коньки обратили ледъ въ какое-то волшебное зеркало, по которому она не бѣгаетъ, а летаетъ. Все время она думала о своемъ добромъ, ненаглядномъ Гансѣ; ужъ она такъ ему благодарна, такъ благодарна...

— Скажи, пожалуйста, — вскричалъ Петеръ ванъ-Гольпъ, обращаясь къ Карлу Шуммелю, — какъ эта маленькая дѣвочка въ красной кофточкѣ и заплатанной юбкѣ хорошо катается! Она скользитъ, какъ будто у нея и сзади и спереди глаза. Вотъ будетъ штука, если она на бѣгу вздумаетъ перещеголять Катринку Флакъ.

— Тсс! не кричи такъ: эта побирушка пользуется покровительствомъ Гильды ванъ-Гольпъ, и блестящіе коньки, если не ошибаюсь, ея подарокъ.

— Неужели? — вскричалъ Петеръ.

Гильда была его другомъ, и ему пріятно было слышать, что она и тутъ сумѣла сдѣлать доброе дѣло.

И мингеръ ванъ-Гольпъ, описавъ на льду нѣсколько разъ цифру 8 и букву Г въ честь своего друга Гильды, пустился рядомъ съ нею вдоль по каналу. Они весело болтали, потомъ таинственно шептались; и странно — не прошло и двухъ минутъ, какъ у Петера неожиданно возгорѣлось сильнѣйшее желаніе заказать для своей сестры такую же цѣпочку, какую Гансъ сдѣлалъ для Гильды.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ разговоровъ — сначала между Гильдою и Петеромъ, потомъ между Петеромъ и Гансомъ — было то, что Гансъ проработалъ опять часть ночи, извелъ три свѣчныхъ огарка, вдобавокъ порѣзалъ

Гильда обернулась, защитивъ рукою глаза отъ солнца.

себѣ палецъ, а на другой день — это былъ канунъ св. Николая — собрался въ Амстердамъ за парой такихъ же коньковъ, какіе онъ уже купилъ для Гретели.

Что за чудная женщина мама Бринкеръ! Въ этотъ день, убравъ со стола остатки скромнаго обѣда, она надѣла въ честь св. Николая свой праздничный костюмъ. «Это немножко развлечетъ дѣтей», подумала она, и не ошиблась. Праздничный нарядъ ея рѣдко показывался на Божій свѣтъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ; а, бывало, частенько на ярмаркахъ и въ киркѣ видывали подобные наряды на милой и красивой еще тогда Метти Кленъ. Дѣтямъ тогда удавалось украдкой посмотрѣть на эти драгоцѣнности, хранившіяся въ глубинѣ дубоваго сундука, и хотя онѣ и полиняли, но въ ихъ глазахъ казались великолѣпными. Бѣлый полотняный воротничокъ, тщательно выглаженный, шерстяной домашняго вязанья корсажъ, коричневая юбка, вышитая чернымъ шнуркомъ, на рукахъ длинныя перчатки безъ пальцевъ—митенки, какъ ихъ называютъ—и на головѣ маленькій чепчикъ, изъ-подъ котораго выглядывали волосы, обыкновенно скрытые подъ будничнымъ чепцомъ,—дѣлали изъ мамы Бринкеръ настоящую принцессу, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ восхищенной Гретели.

Даже Гансъ и тотъ сосредоточенно любовался матерью, а Гретель, заплетавшая свои золотистые кудри, принялась приплясывать вокругъ матери и кричать брату:

— Гансъ, посмотри, какая мама красавица! Она теперь совсѣмъ такая, какъ на портретѣ!

— Да, правда—совсѣмъ какъ на портретѣ. Просто прелесть; вотъ только я ужасно не люблю этихъ митенокъ,—точно чулки на рукахъ.

— Вотъ ужъ это напрасно. Отчего ты не любишь митенокъ? Это очень хорошая вещь.

— Видишь, онѣ закрываютъ всю красноту рукъ.

— Ахъ, мама, мама, какія у тебя бѣлыя руки тамъ, гдѣ кончаются митенки, гораздо бѣлѣе, чѣмъ у меня! Ну, а корсажъ немножко узокъ и малъ; ты, мама, вѣрно, выросла.

Мама Бринкеръ расхохоталась.

— Нѣтъ, милая, дѣло въ томъ, что корсажъ этотъ сдѣланъ очень давно, когда я была еще молода и такъ тонка, какъ эта мутовка для сбиванія масла. А какъ тебѣ нравится мой чепчикъ?—спросила она, поворачиваясь передъ дочерью.

— Ахъ, онъ мнѣ очень нравится. Чудо! Смотри, отецъ на тебя глядитъ!

Это была правда: отецъ глядѣлъ пристально, хотя и совершенно тупо. Бринкерша быстро повернулась къ нему, вздрогнула отъ этого устремленнаго на нее въ упоръ взгляда и громко вздохнула.

— Нѣтъ, нѣтъ,—прошептала она,—онъ ничего не видитъ! Ну, Гансъ, нечего тебѣ глазѣть на меня, когда въ Амстердамѣ тебя ждутъ новые коньки.

— Ахъ, мама, у насъ столько нуждъ въ домѣ, а я буду покупать коньки!

— Пустое, мой другъ! Деньги или, вѣрнѣе, работа была дана тебѣ собственно для этого. Ступай, пока солнышко еще высоко.

— Да вернись поскорѣе: мы сегодня же обновимъ твои коньки, если мама позволитъ.

На порогѣ Гансъ еще остановился и сказалъ:

— Мама, къ твоей прялкѣ нужна новая подножка...

— Ну такъ что жъ! Ты самъ мнѣ ее сдѣлаешь.

— Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ на это денегъ не надо; а на шерсть, на муку, на...

— Будетъ тебѣ считать. Вѣдь всего не купишь на твои деньги. Ахъ, сынокъ, сынокъ, если бы къ намъ вернулись хотя для дня св. Николая украденныя деньги, сколько бы это намъ доставило радости. Вотъ и вчера вечеромъ я молила святого...

— О чемъ же ты, мама, просила его?

— А вотъ о чемъ: пускай человѣкъ, укравшій наши деньги, не найдетъ себѣ покоя, пока не возвратитъ ихъ намъ, если деньги дѣйствительно украдены; если же нашъ бѣдный отецъ, прежде чѣмъ лишиться памяти и здоровья, имѣлъ несчастную мысль спрятать ихъ, то пусть святой просвѣтитъ насъ, гдѣ и какъ найти ихъ. Ты знаешь, Гансъ, что съ того самаго дня, какъ отца принесли больнымъ, я нашихъ денегъ не видала.

— Знаю, мама, хоть ты и весь домъ перерыла.

— Да, все было напрасно. Найти можетъ только тотъ, кто спряталъ.

Гансъ вздрогнулъ.

— Мама, ты думаешь, что отецъ могъ бы указать намъ, гдѣ онѣ? — спросилъ онъ таинственно.

— Можетъ-быть,—отвѣтила мать, качая головой,— но вѣдь на это нечего надѣяться. Сама я ничего не придумаю. Но мнѣ кажется, не отдалъ ли отецъ деньги за эти большіе серебряные часы, которые мы хранимъ съ тѣхъ поръ... но едва ли такъ.

— Да вѣдь часы, ты говоришь, не стоятъ и четвертой части пропавшихъ денегъ.

— Да, это правда. А отецъ твой до самаго этого несчастія былъ всегда очень разсудителенъ и расчетливъ. Онъ не могъ сдѣлать такой невыгодной мѣны.

— Хотѣлъ бы я знать,—шепталъ Гансъ про себя,— откуда попали къ намъ эти часы.

Мать грустно покачала головой, глядя на мужа, устремившаго безжизненный взглядъ въ пространство. Гретель съ вязаньемъ сидѣла подлѣ него.

— Этого-то мы, Гансъ, никогда и не узнаемъ. Ужъ сколько разъ я показывала эти часы больному—думала, онъ вспомнитъ что-нибудь,—напрасно: ему что часы, что картофелина—все равно. Когда вечеромъ передъ несчастьемъ онъ пришелъ ужинать, такъ отдалъ мнѣ часы и приказалъ беречь, пока онъ ихъ у меня не спроситъ. И только что онъ открылъ ротъ, чтобы разсказать мнѣ, откуда они и чьи, какъ Брумъ Клеттербустъ вбѣжалъ со страшнымъ извѣстіемъ, что плотина въ опасности. Ахъ, какая это была страшная буря! Бѣдняга мой схватилъ инструментъ и побѣжалъ изъ дому. Съ той минуты я уже не видѣла его въ полномъ разумѣ. Въ полночь его принесли полумертваго. Горячка прошла, а безуміе осталось навсегда, да еще со дня на день усиливается. Стало-быть, никогда намъ не узнать истины.

Гансъ давно все это зналъ; не разъ онъ видѣлъ, какъ мать въ дни крайней нужды вынимала изъ комода часы, намѣреваясь продать ихъ. Но всякій разъ она превозмогала искушеніе и откладывала свое намѣреніе.

— Нѣтъ, Гансъ,—говорила она:—надо ужъ совсѣмъ съ голоду умирать, чтобы рѣшиться нарушить волю отца.

Эти слова произвели когда-то сильное впечатлѣніе на Ганса. Онъ глубоко вздохнулъ.

— И ты, мама, очень хорошо сдѣлала, что сберегла часы. Другая на твоемъ мѣстѣ давно бы продала ихъ въ нуждѣ.

— И стыдно было бы ей за это!—воскликнула бѣдная женщина съ негодованіемъ.—Что до меня, то я никогда на это не рѣшусь. Притомъ люди такъ злы и несправедливы, что, видя у меня, бѣдной женщины,

въ рукахъ такую цѣнную вещь, не повѣрили бы нашимъ разсказамъ и, пожалуй, заподозрѣли бы несчастнаго отца въ...

Гансъ покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Они не осмѣлились бы сказать это, иначе я...

Онъ поднялъ сжатые кулаки; больше сказать въ присутствіи матери онъ не осмѣлился.

Мать улыбнулась сквозь слезы, съ гордостью глядя на сына-защитника.

— Ты добрый мальчикъ, Гансъ! Успокойся, мы никогда не отдадимъ часовъ. Отецъ передъ смертью можетъ прійти въ себя и потребовать отчета въ нихъ.

— Онъ можетъ прійти въ себя?—повторилъ, какъ эхо, Гансъ. — Можетъ узнать насъ?..

— Да, мой сынъ, бывали такіе случаи.

Гансъ почти забылъ о своемъ путешествіи въ Амстердамъ. Никогда еще мать не говорила съ нимъ такъ серьезно и такъ откровенно; онъ чувствовалъ, что съ этой поры она видитъ въ немъ не только сына, но и друга и совѣтчика.

— Ты права, мама. Разстаться съ часами нельзя. Изъ любви къ отцу мы ихъ сохранимъ. А деньги, быть-можетъ, придутъ къ намъ, когда мы всего менѣе будемъ ихъ ждать.

— Нѣтъ, Гансъ, не бывать этому!—сказала мать, роняя на колѣни свою работу. — Нѣтъ надежды. Тысяча экю! всѣ наши сбереженія—и въ одинъ день исчезли... Тутъ было ваше воспитаніе, ваша будущность, дѣти. Что съ вами будетъ, Господи? Если бы ихъ украли, воръ, нѣтъ сомнѣнія, давно бы покаялся; не можетъ, по-моему, человѣкъ ни жить ни умереть съ такимъ тяжелымъ грѣхомъ на совѣсти.

— А быть-можетъ, онъ не умеръ, и мы еще услышимъ о немъ.

— Ахъ, другъ мой, не вѣрится мнѣ, чтобы это былъ воръ. Нашъ домъ всегда оберегался какъ слѣдуетъ и содержался въ порядкѣ. Какъ бы онъ могъ пробраться? Отецъ и я, мы сберегали, что только могли, и откладывали на черный день, хотя и понемногу, но почасту. Тутъ отецъ еще получилъ большую сумму за работы при наводненіи. Всякую недѣлю намъ удавалось сберечь экю, иногда и болѣе, такъ какъ отецъ ходилъ на работы не въ очередь и этимъ увеличивалъ заработокъ. Каждую субботу мы клали сбереженіе въ сумочку, за исключеніемъ того времени, когда у тебя, Гансъ, была лихорадка и когда родилась Гретель. Наконецъ сумка была полна, и я стала класть деньги въ старый заштопанный чулокъ! И какъ скоро сталъ наполняться чулокъ—просто удивительно. Я какъ теперь вижу: послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ уже онъ наполнился до пятки. Вѣдь тогда хорошо платили тѣмъ, кто, какъ отецъ, понималъ инженерное дѣло. Тамъ были мѣдныя деньги, серебро и даже золото, что ты думаешь? Нечего такъ на меня смотрѣть, Гретель! И я часто, смѣясь, говорила отцу, что хожу въ старыхъ платьяхъ не отъ бѣдности, а отъ жадности. А чулокъ былъ уже почти полонъ, и я иногда по ночамъ любовалась на него при лунномъ свѣтѣ, падала на колѣни и благодарила Бога за то, что Онъ даетъ намъ средства для вашего образованія и для отдыха отцу, когда онъ, бѣдный труженикъ, состарѣется. Иногда за ужиномъ мы пускались въ разговоры, что не худо бы сложить новую печь и поставить теплый хлѣвъ для коровы, но отецъ былъ гораздо честолюбивѣе меня и говорилъ: «Большому кораблю — большое плаваніе; успѣемъ все сдѣлать!» И мы весело принимались напѣвать, пока я убиралась по хозяйству. Да, при тихой погодѣ не трудно рулемъ править. Ничто меня не за-

ботило въ то время, и я была весела съ утра и до вечера. И отецъ такой довольный приходилъ въ субботу и всегда обнималъ меня. Ну, однако, ступай, Гансъ, ступай. Чего это ты такъ уставился на меня?—заговорила вдругъ дѣловито Бринкерша, досадуя на себя, что такъ размечталась передъ сыномъ.—Тебѣ ужъ давно пора въ дорогу.

Гансъ, не спускавшій все время глазъ съ оживленнаго лица матери, поднялся и вполголоса спросилъ:

— Пробовала ли ты, мама, когда-нибудь?..

Мать поняла его.

— Да, мой другъ, и не разъ; но отецъ только смѣется или посмотритъ на меня такъ странно, что я не рѣшаюсь настаивать. Когда прошлой зимой ты и Гретель лежали въ лихорадкѣ, когда въ домѣ доѣдался послѣдній кусокъ хлѣба, а мнѣ нельзя было оставить васъ, чтобы на сторонѣ заработать что-нибудь, въ это тяжелое время я пробовала говорить съ отцомъ. Я гладила его по головѣ и тихо-тихо говорила ему о деньгахъ, спрашивала, гдѣ онѣ спрятаны, куда положены. Увы! Онъ держалъ меня за руку и говорилъ такое несуразное, что кровь стыла въ жилахъ. И вотъ разъ, когда Гретель лежала какъ пластъ, а ты, Гансъ, бредилъ въ сильномъ жару, я принялась кричать, думая этимъ заставить его меня выслушать: «Рафъ, Рафъ, гдѣ наши деньги, гдѣ сумка и чулокъ, которые лежали въ сундукѣ? Гдѣ они? Давай ихъ мнѣ! Мнѣ нужно для больныхъ дѣтей!» Но передо мной былъ не живой человѣкъ, а безчувственный камень...

При воспоминаніи объ этихъ тяжелыхъ минутахъ голосъ матери зазвучалъ такъ неистово, и въ глазахъ ея выразилось такое отчаяніе, что Гансъ, дрожа, остановилъ ее за руку.

— Полно, мама, успокойся, постараемся забыть объ этихъ деньгахъ. Я уже взрослый и здоровый малый, Гретель прилежная и способная дѣвочка; съ Божьей помощью, рано или поздно, судьба намъ улыбнется, и мы будемъ счастливы. Намъ съ Гретелью твое спокойствіе дороже всякаго золота. Не правда ли, Гретель?

— Да развѣ мама этого не знаетъ?—отвѣтила всхлипывая Гретель.

ГЛАВА IV.

Лучъ солнца. — Гансъ торжествуетъ.

Бринкерша была тронута волненіемъ своихъ дѣтей; оно доказывало ихъ сердечность, искренность и привязанность къ матери. Она устыдилась своихъ жалобъ, поспѣшно вытерла слезы и съ прояснившимся лицомъ принялась за работу.

— Однако,—сказала она,—невеселые разговоры завели мы въ канунъ св. Николая: то-то, смотрю я, шерсть мнѣ пальцы колетъ. Что за диво! Ну-ка, Гретель, возьми деньги и сбѣгай купить себѣ пирожокъ, пока Гансъ ходитъ въ городъ за коньками.

— Мама, позволь мнѣ остаться съ тобою,—возразила Гретель, утирая слезы,—а пирогъ купитъ мнѣ Гансъ въ городѣ.

— Какъ хочешь, милая. Гансъ, погоди минутку, мнѣ остается всего нѣсколько петель, и пара чулокъ готова. Ты можешь продать ихъ; чулки связаны на славу; правда, шерсть немного грубовата, зато работа первый сортъ. За эту пару ты можешь получить, если поторгуешься, три четверти экю и купишь тогда не одинъ, а четыре пирожка, и мы всѣ четверо отпразднуемъ канунъ св. Николая.

Гретель захлопала въ ладоши: это былъ ея всегдашній способъ выражать свой восторгъ.

— Ахъ, какое счастье! — вскричала она. — Анни Бауманъ разсказывала мнѣ, какія прекрасныя вещи бываютъ въ этотъ вечеръ въ богатыхъ домахъ. И у насъ будетъ не хуже! Гансъ принесетъ новые коньки и всѣмъ по пирогу! Отецъ ихъ такъ любитъ! Онъ вѣдь любитъ полакомиться, какъ и я. Только, голубчикъ Гансъ, не раскроши пирожковъ! Заверни ихъ, положи за пазуху и хорошенько застегни свою куртку.

— Развѣ я не знаю? Будь покойна!

— Мама, — вскричала въ восторженномъ порывѣ Гретель, — ты теперь спокойно сидишь и вяжешь. Что бы тебѣ разсказать намъ про св. Николая?

Мать засмѣялась, видя, что Гансъ повѣсилъ шапку на гвоздь и приготовился слушать.

— Какія же вы еще дѣти и какія неугомонныя дѣти! Вѣдь уже сколько разъ я вамъ разсказывала эту исторію.

— Ну, разскажи намъ ее еще разочекъ, мама, — просила Гретель. — Еще разочекъ, — повторяла она, усаживаясь на деревянной скамейкѣ — послѣднемъ подаркѣ отца въ день рожденія жены.

Гансъ, не желая казаться такимъ ребенкомъ, какъ Гретель, небрежно оперся о печку, но и ему очень хотѣлось послушать давно извѣстную и тѣмъ не менѣе всегда интересную народную голландскую легенду.

— Такъ и быть, дѣти, я разскажу вамъ старинное народное преданіе, но пусть это будетъ въ послѣдній разъ, что мы вмѣсто работы при дневномъ свѣтѣ забавляемся сказками. Подними клубокъ, Гретель, и пусть твой чулокъ растетъ, пока я буду разсказывать; уши пусть слушаютъ, а пальцы въ это время вяжутъ. Вы уже знаете, дѣти, что св. Николай — великій чудо-

творецъ, покровитель моряковъ, но еще болѣе покровитель дѣтей. Это было очень давно, когда святой жилъ на землѣ. Одинъ богатый азіатскій купецъ послалъ трехъ своихъ сыновей въ Аѳины учиться... наукамъ...

— Аѳины, мама, это въ Голландіи? — перебила Гретель.

— Не знаю, дитятко, должно-быть.

— Ахъ, нѣтъ, мама, — почтительно поправилъ ее Гансъ.—Я какъ-то читалъ въ книгѣ, что Аѳины въ Греціи.

— Все равно. Какъ бы тамъ ни было, только, какъ я сказала, отецъ послалъ ихъ въ Аѳины. По дорогѣ они остановились въ какой-то плохой гостиницѣ переночевать, съ тѣмъ, чтобы на утро ѣхать дальше. На нихъ было дорогое платье: бархатъ и шелкъ, какъ вездѣ и всюду одѣваются богатые. И денегъ у нихъ было много и носили они ихъ, какъ водилось тогда, въ поясѣ. И что же задумалъ сдѣлать съ ними злой и алчный содержатель гостиницы? Онъ рѣшилъ убить ихъ, чтобы и деньги и богатое платье захватить себѣ. И вотъ ночью, когда все кругомъ спало, онъ всталъ и умертвилъ троихъ юношей.

Гретель вздрогнула и всплеснула руками; Гансъ показывалъ видъ, что онъ уже не маленькій и можетъ все слушать, не дрогнувъ.

— Да, но этимъ дѣло еще не кончилось, — продолжала Бринкерша медленно, стараясь не спутать счета своихъ петель. — Этому разбойнику было мало. Онъ еще выдумалъ страшное дѣло — тѣла убитыхъ изрубить на мелкіе куски и бросить въ кадку съ разсоломъ, чтобы потомъ продать это мясо за свинину.

— Ахъ!—вскричала Гретель, закрывая лицо руками. Всякій разъ это мѣсто производило на нее сильное впечатлѣніе.

Гансъ оставался, повидимому, хладнокровнымъ.

— Да, — продолжала Бринкерша, — онъ ихъ посолилъ. Онъ думалъ, что хорошо скрылъ слѣды своего преступленія, что о немъ и рѣчи не будетъ. На дѣлѣ вышло не такъ: въ эту самую ночь св. Николаю во снѣ было видѣніе, какъ трактирщикъ рѣжетъ на куски трехъ юношей. Торопиться ему, вы понимаете, было не зачѣмъ, потому что онъ былъ святой, но все-таки на другой же день онъ пошелъ къ трактирщику и сталъ его уличать въ страшномъ убійствѣ. Злодѣй, какъ увидѣлъ, что святому все извѣстно, испугался, упалъ къ ногамъ его, покаялся во всемъ и сталъ просить прощенія. Совѣсть его такъ мучила, такъ грызла, что онъ молилъ святого вернуть жизнь убитымъ юношамъ, а его самого вмѣсто нихъ убить.

— Что жъ, святой исполнилъ его просьбу? — спросила Гретель въ волненіи, хотя напередъ знала отвѣтъ матери.

— Конечно, исполнилъ. Куски мяса стали срастаться, и изъ кадки выскочили трое молодцовъ живыхъ и здоровыхъ. Они бросились на колѣни предъ св. Николаемъ, просили его святого благословенія и... Господи, да что же это ты, Гансъ, все стоишь и не идешь въ городъ. Ты не успѣешь вернуться засвѣтло, если не побѣжишь сейчасъ же...

Бринкерша разволновалась, да и было отъ чего: она сама и дѣти потеряли въ разговорахъ битый часъ — и когда же? Днемъ, а это непозволительная роскошь для бѣдныхъ людей. Она бросалась, какъ угорѣлая, то подложить сучьевъ въ огонь, то стереть невидимую пыль со стола, какъ бы стараясь наверстать потерянное время, и тутъ же вручила Гансу оконченную пару чулокъ.

— Съ Богомъ, Гансъ. Чего же ты еще тутъ торчишь?

Гансъ поцѣловалъ мать въ щеку, все еще розовую и гладкую, несмотря на горе и нужду.

— Моя мама самая лучшая и самая добрая изъ всѣхъ матерей, и я, конечно, былъ бы очень радъ имѣть новые коньки... но если употребить эти деньги иначе... — и онъ, застегивая куртку, съ грустью посмотрѣлъ на согнутую передъ огнемъ фигуру отца.—Быть-можетъ, на эти деньги, — раздумывалъ онъ вслухъ, — можно привезти изъ Амстердама доктора и помочь отцу...

— Если бы у тебя было даже вдвое больше денегъ, то и тогда ни одинъ докторъ не согласился бы итти сюда... да ничего изъ этого и не выйдетъ. Ахъ, ужъ сколько экю истратила я на это лѣченіе и все напрасно! Разсудокъ бѣдняги не захотѣлъ проснуться. На все воля Божья, мой милый Гансъ. Иди же, голубчикъ, и купи себѣ хорошіе коньки.

Гансъ ушелъ грустный. Но скоро воспоминаніе о ласкѣ и довѣріи къ нему матери, которое ему было такъ дорого, развеселило его; онъ просіялъ и весело началъ посвистывать на ходу. Въ голландскихъ семьяхъ взрослые сыновья особенно гордятся дружбой своихъ матерей; вотъ почему и Гансъ всякій разъ послѣ откровенныхъ разговоровъ съ матерью приходилъ въ торжественное настроеніе; такъ было и сегодня. Послѣднія слова матери звучали такъ сладко въ ушахъ его, точно напутственное благословеніе.

Городъ Брукъ со своими тихими улицами, замерзшими ручейками, мостовой изъ желтыхъ кирпичей былъ близко. Это небольшое селеніе отличалось необыкновенною чистотой и опрятностью; а жители его были до того сонные, что казались неживыми людьми. Людской слѣдъ рѣдко обозначался на дорогѣ, всѣ ставни въ домахъ были наглухо закрыты, какъ будто свѣжаго воздуха и солнечнаго свѣта обитатели боялись какъ

чумы. Тяжелыя парадныя двери отворялись только въ дни свадебъ, крестинъ или похоронъ.

Густыя облака табачнаго дыма стояли неподвижно въ комнатахъ этихъ домовъ; дѣти, изъ боязни нарушить тишину, втихомолку зубрили свои уроки или безшумно катались на конькахъ по каналу. При домахъ были сады, и въ этихъ садахъ виднѣлись павлины съ распущенными хвостами и волки съ оскаленными зубами, но ни тѣ ни другіе не придавали жизни картинѣ: искусно выточенные изъ буковаго дерева, они стояли неподвижно настражѣ и еще усиливали собой впечатлѣніе мертваго царства. Сами обитатели этихъ домовъ своею медлительностью и хладнокровіемъ уподоблялись деревяннымъ статуямъ; а между тѣмъ и крыши домовъ, и самыя стѣны, и украшенія на нихъ, мостовыя безъ пылинки, — все, наравнѣ съ ледяною поверхностью канала, блестѣло необыкновенно ярко подъ лучами солнца и свидѣтельствовало о дѣятельности жителей.

Гансъ мелькомъ бросилъ взглядъ на тихій городокъ. Онъ побрякивалъ монетами въ карманѣ и задавалъ себѣ вопросъ: правда ли, будто въ этой деревнѣ есть такіе богачи, что кухонная посуда у нихъ изъ чистаго золота? Онъ зналъ, напримѣръ, что тетушка ванъ-Ступъ продаетъ круглые сыры и получаетъ за нихъ блестящіе серебряные экю. Но въ золотыхъ ли мискахъ отстаивается ея молоко и золотою ли ложкой тетка Ступъ снимаетъ сливки, а также привязываетъ ли она своихъ коровъ шелковою лентой въ стойлахъ — этого Гансъ не зналъ.

Мысли эти бродили въ головѣ Ганса, пока онъ скользилъ по льду въ Амстердамъ, расположенный въ пяти миляхъ, на другомъ берегу канала Ай. Ледъ былъ необыкновенно гладокъ, тѣмъ не менѣе, самодѣльные деревянные коньки Ганса, какъ бы предчув-

ствуя скорую отставку, какъ-то плаксиво скрипѣли подъ его ногами и на всѣ лады выводили свое «прости».

Вдругъ Гансу показалось, что навстрѣчу ему бѣжитъ докторъ Бекманъ. Не ошибся ли онъ? Нѣтъ, самъ знаменитый докторъ скользитъ на конькахъ прямо на Ганса.

Докторъ Бекманъ! Боже мой, сколько разъ Гансъ думалъ о немъ, объ этомъ знаменитомъ докторѣ и первомъ хирургѣ по всей Голландіи! До сихъ поръ Гансу не удавалось видѣть такъ близко всѣмъ извѣстнаго доктора, но онъ видывалъ его издали и зналъ по портретамъ, выставленнымъ въ окнахъ магазиновъ. Да и трудно было не знать этой замѣчательной фигуры: длинный и сухой, съ голубыми строгими глазами, съ крѣпко сжатыми губами, какъ бы говорившими, что на свѣтѣ нечему улыбаться, докторъ былъ серьезенъ и мало общителенъ, — однимъ словомъ, онъ не давалъ никому повода останавливать его и первому заговаривать съ нимъ.

Но Гансъ въ эту минуту почувствовалъ себя въ правѣ остановить этого суроваго старика; это право дала ему его совѣсть.

«Вотъ передъ тобой первый докторъ въ мірѣ, — шепталъ ему внутренній голосъ. — Самъ Богъ привелъ его тебѣ навстрѣчу, Самъ Богъ послалъ его тебѣ: ты не можешь думать о покупкѣ коньковъ, когда этими деньгами ты въ состояніи, быть-можетъ, купить исцѣленіе твоему страждущему отцу. Теперь или никогда. Рѣшайся, смѣлымъ Богъ владѣетъ».

Деревянные обрубки взвизгнули отъ радости, въ глазахъ Ганса закружились сотни прекрасныхъ стальныхъ коньковъ, деньги въ карманѣ какъ огонь жгли ему пальцы. А докторъ надвигался все ближе и ближе, нахмуренное лицо его становилось все угрюмѣе. Сердце

и горло бѣднаго Ганса сжались, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и закричалъ:

— Господинъ Бекманъ!

Великій человѣкъ остановился, еще крѣпче сжалъ губы и, нахмуривъ брови, вопросительно оглянулся.

Отступать ужъ было поздно.

— Сударь, — бормоталъ растерявшійся Гансъ, приближаясь къ страшному доктору, — я догадался.... я былъ увѣренъ, что вы знаменитый докторъ Бекманъ... Я хочу просить у васъ большой милости...

— Гмъ! — пробурчалъ докторъ, собираясь продолжать свой путь. — Дорогу! У меня нѣтъ денегъ. Я никогда не подаю нищимъ.

— Я не прошу милостыни, — быстро отвѣтилъ Гансъ и съ гордостью показалъ свою монету. — Я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться насчетъ моего больного отца. Онъ живъ, но неподвиженъ, какъ мертвецъ. Онъ лишился разсудка; слова его безсмысленны, а тѣломъ онъ здоровъ. Онъ упалъ съ плотины, спасая другихъ во время наводненія.

— Что такое? Говори яснѣе, — произнесъ докторъ, начиная вслушиваться.

Гансъ разсказалъ всю исторію, правда, не совсѣмъ послѣдовательно, такъ какъ отъ времени до времени ему приходилось вытирать набѣгавшія слезы; разсказъ свой онъ закончилъ мольбой:

— О, докторъ, взгляните на моего отца! У него тѣло здорово, боленъ только разсудокъ. Я знаю, что этихъ денегъ недостаточно... а все-таки вы ихъ возьмите... я заработаю еще... навѣрное. О, я буду на васъ работать всю мою жизнь, если вы только согласитесь полѣчить моего отца!

Но что это случилось съ докторомъ? Точно лучъ солнца вдругъ освѣтилъ его фигуру; глаза его подер-

„Господинъ Бекманъ!" Великій человѣкъ остановился.

нулись влагой и смотрѣли добродушно; рука его опустилась мягко на плечо Ганса.

— Положи свои деньги, мальчуганъ, въ карманъ; мнѣ ихъ не нужно. Я пойду и осмотрю твоего отца. Боюсь, что его болѣзнь неизлѣчима. Сколько, ты говоришь, времени онъ находится въ такомъ положенiи?

— Вотъ уже десять лѣтъ, мингеръ, — отвѣтилъ, рыдая, Гансъ; слабая надежда закрадывалась въ его наболѣвшее сердце.

— Десять лѣтъ — это много, слишкомъ даже много, но все равно. Слушай: сегодня я иду въ Лейденъ, возвращусь оттуда не ранѣе какъ черезъ недѣлю, и тогда приду къ вамъ. Гдѣ вы живете?

— Въ одной милѣ къ югу отъ Брука, мингеръ, на каналѣ. Нашъ домъ наполовину развалившiйся, первый встрѣчный мальчикъ укажетъ вамъ его, сударъ, — отвѣтилъ онъ со вздохомъ. — Всѣ они немного побаиваются нашего дома и называютъ его домомъ идiота.

— Хорошо, будь спокоенъ, дружокъ, я приду, — сказалъ докторъ и на прощанье ласково кивнулъ Гансу.

«Случай почти безнадежный... но мальчикъ этотъ мнѣ — очень нравится, — шепталъ докторъ про себя: — глаза его напоминаютъ мнѣ глаза моего бѣднаго Лоренца. Что это со мною? Неужели я никогда не забуду этого неблагодарнаго мальчишки?»

И, насупившись болѣе чѣмъ когда-либо, онъ продолжалъ свой путь.

Гансъ, между тѣмъ, навострилъ свои обрубки и полетѣлъ въ Амстердамъ. Окрыленный надеждой, онъ опять весело и беззаботно засвисталъ, ощупывая звенѣвшiя въ карманѣ деньги.

— Спѣшить ли мнѣ домой съ доброю вѣстью къ мамѣ, или ужъ добѣжать до города, купить коньки и пирожки?

Не успѣлъ онъ принять рѣшеніе, какъ вдали показался Амстердамъ.

Онъ снова свистнулъ, налегъ въ послѣдній разъ на деревянные коньки, добѣжалъ до города и вернулся оттуда на новыхъ стальныхъ конькахъ.

Гансъ и Гретель прекрасно провели вечеръ наканунѣ Николина дня. Луна чистая и свѣтлая блестѣла въ вышинѣ. Мать, хотя въ душѣ не питала надежды на излѣченіе мужа, тѣмъ не менѣе была обрадована обѣщаніемъ доктора Бекмана и ужъ, конечно, не могла отказать дѣтямъ въ ихъ просьбѣ отпустить ихъ часокъ-другой покататься на новыхъ конькахъ.

Гансъ былъ въ восторгѣ отъ своихъ коньковъ и, желая показать Гретели, какъ они «работаютъ», выдѣлывалъ на льду передъ восхищенной сестрой небывалые вензеля и узоры. На каналѣ они были не одни, хотя и спустились на ледъ не замѣченные группою катавшихся.

Оба брата ванъ-Гольпъ и Карлъ Шуммель были тутъ и бѣгали вперегонку. Петеръ Гольпъ изъ четырехъ разъ три оставался побѣдителемъ; поэтому Карлъ, и вообще не очень-то любезный, былъ въ крайне дурномъ расположеніи духа. Чтобъ утѣшиться немного, онъ свою неудачу вымещалъ на маленькомъ Шиммельпеннинкѣ, который, будучи всѣхъ меньше, хотя и стоялъ вмѣстѣ съ другими, но участія въ бѣгѣ не принималъ. Вдругъ Карлу пришла новая мысль. Дѣло въ томъ, что ему хотѣлось посмѣяться надъ затѣями нѣкоторыхъ его товарищей — сблизиться съ бѣдняками.

— Послушайте, господа, неужели мы допустимъ оборванцамъ изъ дома идіота принять участіе въ бѣгѣ? Гильда, должно-быть, съ ума сошла, что пригласила ихъ на бѣгъ. Катринка Флагъ и Рахиль Корбесъ

выходятъ изъ себя при мысли, что имъ придется состязаться съ этой лоскутницей, и я вполнѣ раздѣляю ихъ мнѣніе. А что касается этого мальчика, то у кого есть хотя капля храбрости, тотъ не допуститъ и мысли...

— Ну, конечно, — перебилъ его Петеръ ванъ-Гольпъ, какъ бы не понимая настоящаго смысла того, что началъ говорить Карлъ, — конечно, всякій порядочный человѣкъ съ чувствомъ справедливости въ душѣ не допуститъ и мысли отказать двумъ лучшимъ конькобѣжцамъ принять участіе въ состязаніи только потому, что они бѣдны.

Взбѣшенный Карлъ сталъ кружиться, какъ волчокъ, на льду.

— Не торопитесь, Петеръ, — сказалъ онъ, — рѣшать вопросы за другихъ и навязывать имъ свои убѣжденія. Совѣтую вамъ отъ этого воздержаться.

Маленькій Шиммельпеннинкъ хохоталъ въ ожиданіи битвы. Онъ зналъ напередъ, что если дѣло дойдетъ до потасовки, то его любимецъ Петеръ ванъ-Гольпъ исправно поколотитъ не одного, а дюжину такихъ, какъ сердитый Карлъ.

Замѣтивъ что-то недоброе въ глазахъ Петера, Карлъ обратилъ свою злобу на слабѣйшаго и накинулся на Вуста.

— Ты чего тутъ хохочешь, пролазъ? Ахъ, ты селедка! обезьяна съ длиннымъ прозвищемъ вмѣсто хвоста! Куда суешься?

Нѣсколько дѣтей и прохожихъ засмѣялись на эту злую выходку, и Карлъ, видя въ этомъ одобреніе своей дерзости, немного успокоился. Но свои замыслы противъ Ганса и Гретели онъ благоразумно отложилъ до того времени, когда Петера ванъ-Гольпа не будетъ на льду.

ГЛАВА V.

Яковъ Путъ и его двоюродный братъ.

Въ это время мальчики замѣтили приближенiе новаго товарища, Якова Пута. Хотя на большомъ разстоянiи еще нельзя было различить черты лица, но ошибиться было трудно. Яковъ былъ самый толстый юноша въ околоткѣ, въ этомъ никто не могъ съ нимъ сравняться.

— Вотъ и толстякъ нашъ идетъ! — вскричалъ Карлъ, — а рядомъ съ нимъ какой-то длинный и тощiй. Кто бы это могъ быть такой? Должно-быть, чужой.

— Это англичанинъ, двоюродный братъ Якова, — сказалъ Вустъ, гордясь тѣмъ, что можетъ разрѣшить недоумѣнiе товарищей. — У него еще такое смѣшное имя: Бэнъ Добсъ. Онъ пробудетъ здѣсь до самыхъ бѣговъ.

Въ это время мальчики не переставали, какъ это дѣлается обыкновенно на каткѣ, описывать круги и разные узоры, что, впрочемъ, не мѣшало имъ болтать и перекидываться замѣчанiями. Но, заслышавъ о приближенiи Пута и его брата, катающiеся прiостановились и сбились въ кучу.

— Рекомендую вамъ, друзья, моего брата, — произнесъ запыхавшiйся Яковъ. — Онъ прибылъ изъ Англiи — англичанинъ и желаетъ принять участiе въ состязанiи на бѣгахъ, если вы его примете.

— Принимаемъ! Принимаемъ! — закричала вся толпа.

Всѣ, какъ это водится у школьниковъ, обступили вновь пришедшихъ. И Бенiаминъ Добсъ скоро долженъ

былъ сознаться, что голландцы, несмотря на ихъ убійственный выговоръ и языкъ, — славные ребята.

Сказать правду, Яковъ, представляя своего кузена, назвалъ его не Беніаминъ Добсъ, а «Пеніаминъ Топсъ», а потому неудивительно, что и вся орда такихъ же, какъ Яковъ, голландцевъ продолжала его называть такъ.

Бэнъ Добсъ чувствовалъ себя первое время немного стѣсненнымъ среди товарищей Якова. Хотя большая часть ихъ училась по-англійски и по-французски, но никто изъ нихъ не рисковалъ заговорить на этихъ языкахъ, а бѣдный Бэнъ съ своей стороны дѣлалъ смѣшные промахи, стараясь говорить по-голландски. Онъ, какъ истый англичанинъ, страшно коверкалъ слова, произнося ихъ на свой манеръ, а заученныя имъ фразы изъ учебника голландскихъ діалоговъ, хотя и были очень разнообразны, но совершенно не подходили къ данному случаю, такъ что къ досадѣ своей онъ ни одной изъ нихъ не могъ употребить въ дѣло. Бэнъ Добсъ совсѣмъ было разсердился на свою неудачу, но удовольствіе кататься на конькахъ рядомъ съ веселыми товарищами заставило его скоро забыть всякія филологическія затрудненія, и когда Яковъ съ великимъ трудомъ объяснилъ ему, что молодежь предпринимаетъ дальнюю прогулку, чтобы познакомить его съ своими мѣстами, то Бэнъ такъ весело выкрикнулъ свое «ja», что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ отлично понялъ, о чемъ ему говорили.

Прогулка предполагалась въ самомъ дѣлѣ великолѣпная. Обстоятельства слагались благопріятно для нея. Кромѣ Николина дня, школьникамъ былъ данъ еще не въ очередь отпускъ на четыре дня, такъ какъ въ школьномъ домѣ предстояли неотложныя починки.

Яковъ предполагалъ воспользоваться этимъ отпускомъ и совершить съ Бэномъ большое путешествіе

по льду, а именно: пробѣжать на конькахъ отъ Брука до Гайя, около шестидесяти верстъ.

— Ну, товарищи, — крикнулъ онъ, сообщивъ имъ свой планъ, — кто изъ васъ хочетъ итти съ нами? Кто приметъ участіе въ нашей прогулкѣ?

— Я! я! — торопясь другъ передъ другомъ, заорало нѣсколько голосовъ.

— И я! — робко заявилъ свое желаніе Вустенвальбертъ.

Яковъ схватился за бока и громко расхохотался.

— Ты хочешь итти съ нами? Ты? Куда тебѣ, мальчикъ! Соску тебѣ!

Слова эти очень обидѣли маленькаго Вуста, онъ сталъ горячо возражать.

— Ты думаешь, — сказалъ онъ Якову, — что ты великая птица, а на самомъ дѣлѣ только всего и есть, что толстъ, какъ надутый пузырь.

Молодежь расхохоталась, и Яковъ вмѣстѣ съ ними. Только англичанинъ, не понимавшій, о чемъ говорятъ, сохранялъ полное спокойствіе. Яковъ добродушно принялъ эту выходку разсерженнаго мальчика и охотно присоединилъ свой голосъ къ тѣмъ, которые стояли за то, чтобы маленькаго Вуста принять въ компанію, если только это позволятъ ему родители.

— До свиданія! — закричалъ счастливый Вустъ, устремляясь къ своему дому.

— Намъ нужно будетъ остановиться въ Гарлемѣ, — сказалъ Петеръ ванъ-Гольпъ, — чтобы показать твоему кузену знаменитый органъ; и въ Лейденѣ тоже есть много интереснаго. Затѣмъ мы проведемъ сутки въ Гайѣ; у меня тамъ замужняя сестра живетъ; она будетъ рада насъ принять. А оттуда мы вернемся домой.

— Ладно, ладно, — отвѣчалъ не особенно разговорчивый Яковъ.

Лудвигъ восхищенными глазами смотрѣлъ на брата.

— Превосходно, Петеръ. Только ты и можешь придумать и устроить все такъ хорошо, — сказалъ онъ.— Мама будетъ въ восторгѣ, когда узнаетъ, что мы попадемъ къ сестрѣ и снесемъ ей поцѣлуй отъ нея. Но, однако, и морозъ, я вамъ скажу... брр... того и гляди носъ отморозишь. Не пойти ли ужъ намъ домой?

— Экая важность, что морозъ. Ахъ, ты, нѣженка! — возразилъ Карлъ, углубляясь въ воспроизведенiе ногами какого-то хитраго узора. — Я полагаю, что у насъ будетъ отличная зима, и наونькахъ набѣгаемся мы вдоволь. А вѣдь для нашего путешествiя очень кстати, что зима пришла такъ рано.

— Во всякомъ случаѣ вечеръ холодный, — отвѣтилъ Лудвигъ, — и я бѣгу домой.

Петеръ ванъ-Гольпъ вытащилъ изъ кармана своего жилета большiе золотые часы и, съ трудомъ повернувъ въ окоченѣвшихъ пальцахъ циферблатъ къ свѣту луны, сказалъ:

— Ого! ужъ скоро восемь! А мнѣ ужасно хочется видѣть, какъ наши маленькiя дѣти вытаращатъ глазенки въ ожиданiи разныхъ чудесъ. Прощайте!

— Прощай! — закричали ему въ отвѣтъ.

И всѣ вразсыпную съ шумомъ разбѣжались по льду къ своимъ дворамъ.

А гдѣ же все это время были наши друзья, Гансъ и Гретель? Увы, радость бываетъ кратковременна. Они скользили по льду цѣлый часъ на новыхъ конькахъ, немного въ сторонѣ отъ прочихъ дѣтей. Имъ и вдвоемъ было весело. Гретель говорила:

— О, Гансъ, какъ прiятно, что у насъ обоихъ есть коньки. Это намъ аистъ принесъ счастье.

Вдругъ имъ почудился какой-то звукъ.

Это былъ крикъ, хотя и очень слабый. Никто изъ катавшихся не обратилъ на него вниманія, даже не слышалъ его; но Гансъ не могъ ошибиться: онъ очень хорошо понялъ значеніе этого крика. Гретель увидѣла при свѣтѣ луны, какъ онъ вдругъ поблѣднѣлъ и быстро сталъ отвязывать коньки.

— Это, должно-быть, отецъ бросился на маму и напугалъ ее.

Гретель едва поспѣвала за братомъ, бросившимся со всѣхъ ногъ къ дому.

День Рождества Христова въ Голландіи, какъ и во всѣхъ христіанскихъ земляхъ, празднуется торжественно въ семьяхъ. Но главный дѣтскій праздникъ въ Голландіи — это Николинъ день. Уже наканунѣ всѣ дѣти, большія и малыя, находятся въ лихорадочномъ волненіи и ожиданіи. Для нѣкоторыхъ, впрочемъ, этотъ вечеръ представляетъ и опасность. Святой справедливъ, онъ знаетъ все, что дѣти дѣлаютъ хорошаго и дурного, и дѣти знаютъ, что св. Николай не преминетъ каждому изъ нихъ сдѣлать выговоръ за совершонный въ теченіе года дурной поступокъ; случается и такъ, что въ домъ, гдѣ живутъ нехорошія, злыя дѣти, онъ приходитъ съ розгами подъ мышкой. Да, съ розгами — это навѣрное; не знаю вотъ только, намочены ли онѣ въ уксусѣ, или нѣтъ; полагаю, что для очень злыхъ — да. Конечно, святой не расправляется съ шалунами собственноручно, а оставляетъ свои розги родителямъ.

Молодые люди хорошо сдѣлали, что поторопились разбѣжаться по дворамъ. Не прошло и часа, какъ святой появился въ большей части голландскихъ домовъ. Онъ, видите ли, является одновременно во многихъ мѣстахъ.

Такъ, напримѣръ, онъ одновременно явился въ дѣтской королевскаго дворца и у Анни Бауманъ. Я думаю, что на одно экю можно было бы купить все то, что святой принесъ въ подарокъ Бауманамъ, но вѣдь иногда маленькое экю можетъ принести бѣдной семьѣ больше радости и удовольствія, чѣмъ сотни тысячъ франковъ иному богачу.

Маленькія сестры и братья Гильды ванъ-Глекъ были въ такомъ возбужденномъ состояніи, что при всемъ желаніи не могли его скрыть. Ихъ привели въ большую залу; на нихъ были надѣты лучшія праздничныя платья. Счастье свое они выражали веселымъ смѣхомъ, а ожиданіе — безпрерывными и чудовищными восклицаніями. Прохожіе на улицѣ останавливались, слыша дѣтскіе возгласы, и старались разглядѣть сквозь ставни и шторы, что происходило внутри. Напрасно дѣдушка, желая отдохнуть, закрывалъ голову фуляровымъ платкомъ. Дѣти очень любили дѣдушку, но никакъ не могли для него умѣрить своего восторга. Едва ли комунибудь удалось бы заснуть подъ этотъ гамъ.

Самый маленькій послѣдышъ въ семьѣ и тотъ волновался, сжимая свои кулачонки. И вдругъ отецъ спустилъ его съ рукъ и поставилъ на полъ. Это заставило его и всѣхъ прочихъ дѣтей убѣдиться, что наступилъ торжественный моментъ.

Малютка ворочалъ во всѣ стороны удивленными глазками; между тѣмъ по знаку, поданному матерью, всѣ дѣти взялись за руки, окружили его и, медленно двигаясь хороводомъ то въ одну, то въ другую сторону, запѣли пѣсню — это они звали святого Николая прійти къ своимъ любимцамъ.

«Приходи къ намъ, святитель Николай, нашъ другъ, тебя мы примемъ съ радостью. Не заставляй себя долго ждать. Принеси намъ игрушекъ и конфетъ, а о роз-

гахъ позабудь, если можно. Побрани насъ за наши проступки, мы смиренно выслушаемъ тебя, но для того, чтобы слушаться тебя, намъ, право, розогъ не нужно. Наши башмаки и чулки ждутъ въ той комнатѣ, наполни ихъ хорошими вещами. Объ этомъ просятъ тебя твои маленькіе друзья. Самое вѣрное средство сдѣлать ихъ послушными и добрыми — подарить имъ гостинцы. Иди же, святой Николай; нигдѣ тебѣ не будутъ такъ рады, какъ здѣсь. Даже младшій изъ насъ и тотъ, слышишь, поетъ и зоветъ тебя. Иди же, иди, святой Николай!»

Едва кончилась пѣсня, какъ раздались три удара въ дверь. Кругъ разсыпался въ одну минуту: дѣти съ визгомъ бросились къ матери и къ старшимъ, пряча въ ихъ колѣняхъ свои головы и какъ бы ища у нихъ защиты.

Самъ дѣдушка въ своемъ креслѣ подался впередъ; бабушка поправила очки на носу, господинъ ванъ-Глекъ пересталъ курить и поставилъ трубку подлѣ себя... Всѣ были въ волненіи; когда, наконецъ, дѣти осмѣлились и открыли глаза, посреди комнаты уже стоялъ святой Николай въ своемъ епископскомъ облаченіи, въ митрѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Какъ онъ вошелъ? Надо полагать, въ ту самую дверь, въ которую онъ постучалъ, только никто этого не видѣлъ.

— Здравствуйте, дѣти, — заговорилъ онъ голосомъ, полнымъ величія. — Я очень радъ васъ видѣть опять. Мнѣ извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись, вы всѣ вели себя въ общемъ хорошо, поэтому розги свои я оставилъ за порогомъ; здѣсь онѣ не нужны. А все-таки скажу, такъ какъ правду всегда надо говорить, что Дитрихъ на послѣдней ярмаркѣ въ Гарлемѣ велъ себя очень дурно: онъ былъ неучтивъ и капризенъ, но что потомъ онъ исправился; Майкенъ

за послѣднее время не сдѣлала большихъ успѣховъ въ школѣ, она все лакомилась, всѣ свои деньги истратила на сласти и ничего для бѣдныхъ не оставила; маленькая Кэтъ любитъ дразнить животныхъ: я не разъ слыхалъ, какъ въ коридорѣ мяукалъ бѣдный котенокъ, когда она таскала его за хвостъ. Такъ и быть, я прощу ей это, если она обѣщаетъ впередъ не обижать животныхъ и всѣхъ, кто слабѣе ея.

Маленькая Кэтъ, пораженная тѣмъ, что св. Николай видѣлъ даже то, что происходило въ темнотѣ коридора, гдѣ никого не было, кромѣ ея и котенка, зарыдала.

Святой Николай, видя ея раскаяніе, оставилъ ее въ покоѣ и продолжалъ:

— Что касается тебя, Гендрикъ, то, конечно, хорошо, что ты стрѣляешь изъ лука, катаешься на конькахъ, гребешь веслами; но всему этому ты отдаешь слишкомъ много времени, на ученье почти ничего не остается. Такъ не годится: за упражненіями тѣла не надо забывать образованія ума. Гильда славная дѣвушка! Она любитъ бѣдныхъ и помогаетъ имъ, за это ей дастся сегодня тихій и глубокій сонъ — награда спокойной совѣсти и добраго сердца. Не бойся, Гильда, я твоихъ тайнъ не выдамъ, хотя и знаю ихъ всѣ.

Личико Гильды покрылось яркимъ румянцемъ.

Святой закончилъ рѣчь такъ:

— Вообще я всѣми вами доволенъ. Совершенство достигается съ трудомъ: пусть же каждый изъ васъ стремится къ нему по мѣрѣ силъ своихъ. Любите, дѣти, Бога, вашихъ родителей, вашъ домъ, вашихъ ближнихъ и родину. А завтра утромъ вы найдете въ своихъ башмакахъ вещественныя доказательства любви святого Николая къ вамъ. Прощайте, дѣтки!

Можетъ-быть, святой и еще поговорилъ бы съ дѣтками, да мнѣ показалось, будто у него борода стала

отваливаться; можетъ-быть, я и ошибаюсь — не знаю, а чего не знаю, о томъ и говорить не буду. И вдругъ святой исчезъ. Должно-быть, онъ ушелъ въ ту же дверь, въ которую вошелъ, но опять-таки этого никто не досмотрѣлъ.

Прошло нѣсколько секундъ глубокаго молчанія, потомъ всѣ заговорили вдругъ. Да и было о чемъ! Во-первыхъ, замѣчанія, сдѣланныя святымъ Николаемъ, а во-вторыхъ — обѣщанные назавтра подарки. Кажется, и не дождаться этого «завтра».

А между тѣмъ время идетъ и пора ужинать. Всѣ направились въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ нарядный и обильный столъ. Поужинали, простились, разошлись по своимъ комнатамъ, и въ домѣ ванъ-Глекъ наступила полная тишина. Дѣти знали, что святой Николай не обманетъ, и съ сладкими грезами крѣпко заснули.

На утро, только что дѣти проснулись, какъ убѣдились, что святой сдержалъ свое обѣщаніе и наградилъ каждаго такъ щедро, какъ никогда еще. А главное, каждому досталось именно то, чего онъ желалъ, какъ будто святой Николай подслушалъ тайныя желанія своихъ маленькихъ пріятелей.

Да ужъ тутъ не помогали ли ему родители? Какъ вы полагаете? Я объ этомъ ничего не знаю. Ужъ не говоря о другихъ, довольно сказать, что Гильда получила въ подарокъ десять такихъ хорошихъ книгъ, что если бы ее самое привели въ книжный магазинъ и предоставили ей выбрать десять книгъ, она именно тѣ самыя и выбрала бы, которыя подарилъ ей святой Николай. Гендрикъ-звѣздочетъ нашелъ въ своемъ башмакѣ подзорную трубу, о которой онъ давно уже мечталъ; при этомъ Гендрику невольно припомнилось нѣкоторое сходство вчерашняго святого Николая съ

профессоромъ г. Кольбомъ; но вѣдь это ему только показалось, и онъ, должно-быть, ошибся: г. Кольбъ гораздо выше святого и моложе, да и безъ бороды совсѣмъ; правда, святой горбился, и что-то у него не ладно было съ бородою. Однако нельзя въ одно и то же время быть большимъ и маленькимъ, съ бородой и безъ бороды! А какъ голосъ святого напоминаетъ г. Кольба!

Гильда, улыбаясь, слушала догадки брата, а между тѣмъ самой ей взгрустнулось съ той минуты, какъ удалился святой. Ей представлялась громадная разница между бѣдной хижиной Бринкеровъ и блестящей обстановкой въ домѣ ея родителей въ этотъ праздничный вечеръ. Она еще вчера сокрушалась, что не могла попросить святого зайти къ дѣтямъ Бринкеръ и порадовать ихъ чѣмъ-нибудь.

Въ бѣдной хатѣ больного Бринкера едва ли побывалъ въ тотъ вечеръ для всѣхъ дорогой гость.

ГЛАВА VI.

Что молодежь видѣла въ Амстердамѣ. — По дорогѣ въ Гарлемъ.

Часъ, назначенный для выступленія знаменитой экспедиціи, наступилъ. Товарищи Петера, вѣрные данному обѣщанію, собрались въ условленномъ мѣстѣ на каналѣ. Петеръ ванъ-Гольпъ, выбранный наканунѣ предводителемъ, какъ и подобаетъ предводителю, явился первымъ.

— Всѣ готовы? У всѣхъ ли какъ слѣдуетъ подвязаны коньки? Всѣ ли захватили съ собой все необходимое? — окрикнулъ свою армію молодой капитанъ.

— Да, да, — отвѣтили хоромъ путешественники.

— Всѣ налицо? — еще разъ спросилъ Петеръ и для большей вѣрности произвелъ перекличку.

— Яковъ Путъ?

— Здѣсь.

— Карлъ?

— Здѣсь, — протяжно отозвался Карлъ, зѣвая во весь ротъ.

Онъ не успѣлъ очнуться отъ ранняго вставанья.

— Бэнъ Добсъ?

— Здѣсь, да, я! — кричалъ англичанинъ на всѣхъ извѣстныхъ ему языкахъ, желая быть понятымъ.

— Ламбертъ ванъ-Мунепъ?

— Здѣсь!

— Это очень кстати, — сказалъ капитанъ Петеръ.— Нашъ молодой другъ Бэнъ хотя и отозвался на трехъ языкахъ, все-таки ему затруднительно было бы объясняться съ нами безъ тебя, Ламбертъ. Ты настолько говоришь по-англійски, что не заставишь бѣднаго мучиться съ голландскимъ языкомъ.

— Лудвигъ ванъ-Гольпъ?

— Здѣсь!

— Вустенвальбертъ Шиммельпеннинкъ?

Отвѣта не послѣдовало.

— Навѣрно, не пустили этого негодяя, — замѣтилъ Карлъ, не преминувъ ругнуть даже отсутствующаго.

Никто ему не возразилъ.

— Часъ пробилъ, — сказалъ капитанъ. — Вѣдь сказано было, что ждать никого не будутъ: тѣмъ хуже для тѣхъ, кто опаздываетъ. Ну, друзья, въ путь! Восемь часовъ есть и четверть часа льготныхъ прошли. Ледъ крѣпокъ. Ай, надеженъ какъ скала, погода превосходная — и черезъ полчаса мы будемъ въ Амстердамѣ. Итакъ: разъ, два, три, маршъ!

И мальчики, какъ стая спугнутыхъ птицъ, полетѣли по льду.

Не прошло и получаса, какъ они были у громадной плотины, а перейдя ее, очутились въ центрѣ столицы Голландіи.

Хотя король и власти проживаютъ въ Гаагѣ, тѣмъ не менѣе Амстердамъ носитъ названіе столицы. Рѣка Амстель, по имени которой названъ городъ, раздѣляетъ его на двѣ половины. Городъ былъ окруженъ когда-то валомъ и стѣной и защищенъ извнѣ большимъ полукруглымъ каналомъ. Этотъ валъ, служившій прежде для защиты отъ враговъ, теперь служитъ мѣстомъ общественнаго гульбища для трехсоттысячнаго населенія города. Амстердамъ весь построенъ на сваяхъ и состоитъ изъ девяноста островов, соединенныхъ между собой тремястами тридцатью четырьмя мостами. Для того, кто не видалъ Венеціи, Амстердамъ представляетъ нѣчто удивительное по своей оригинальности. Все здѣсь было интересно для нашего молодого англичанина. Ему хотѣлось всюду побывать, все осмотрѣть: каналы, суда, мосты, башни, королевскій дворецъ (великолѣпное зданіе новой архитектуры. лучшее въ королевствѣ), морское училище и проч. и проч., и все это ему пришлось осмотрѣть мимоходомъ.

Странная наружность города — его узкія улицы, тротуары между двухъ каналовъ; его высокіе дома съ блестящими крышами и причудливыми трубами; магазины, помѣщающіеся въ верхнихъ этажахъ, при чемъ сообщеніе съ улицей происходитъ посредствомъ подъемнаго коромысла въ родѣ журавля у колодца, конецъ котораго, нагруженный вверху товаромъ, опускается внизъ на улицу; наконецъ, безчисленные мосты, водостоки, разнообразные до безконечности наряды корен-

Посреди комнаты стоялъ святой Николай.

ныхъ и пришлыхъ жителей, — словомъ, все возбуждало любопытство молодого иностранца.

Между прочимъ, онъ подивился на маленькія зеркала, прикрѣпленныя довольно сложнымъ механизмомъ снаружи оконъ. Лишь послѣ долгихъ объясненій Бэнъ понялъ ихъ назначеніе. Это своего рода соглядатаи. Благодаря такому зеркалу, можно видѣть, кто стучится у воротъ или дверей, кто идетъ и что несетъ по улицѣ. Это недорого стоящіе, вѣрные, правдивые и неболтливые сторожа.

По улицамъ двигались телѣжки, запряженныя собаками; ослы, навьюченные коробами со всякой посудой, осторожно и медленно ступавшіе по мостовой; легкія сани, какая-нибудь старинная семейная карета, ярко выкрашенная, съ парой рослыхъ рыжихъ лошадей съ бѣлыми хвостами.

Городъ имѣлъ праздничный видъ. Магазины въ честь святого Николая щегольски блестѣли внутри и снаружи. Капитану приходилось глядѣть въ оба за своей командой и частенько напоминать своимъ подчиненнымъ, чтобъ они не зѣвали по сторонамъ и не заглядывались на разставленныя повсюду приманки въ видѣ всевозможнаго рода игрушекъ. А вѣдь Голландія славится производствомъ игрушекъ. И чему только нельзя научиться на этихъ игрушкахъ, — все это маленькія модели различныхъ производствъ и машинъ. Такимъ способомъ ребенокъ играя пріучается къ обращенію съ полезными орудіями и съ дѣтства привыкаетъ къ разумнымъ занятіямъ. Бэнъ глядѣлъ на все это и думалъ о своемъ маленькомъ братишкѣ. Ему такъ хотѣлось набрать для него этихъ забавныхъ и полезныхъ игрушекъ. Но какъ это сдѣлать? Молодые люди съ чисто голландской предусмотрительностью порѣшили, что каждый изъ нихъ будетъ имѣть при себѣ

ровно столько денегъ, сколько необходимо на путевыя издержки и ничего болѣе; кромѣ того, положили, что всѣ возьмутъ поровну, чтобы издержки были одинаковы и не было бы мѣста денежному преимуществу; а главное — общая касса будетъ находиться на рукахъ капитана Петера.

Итакъ, значитъ, никто не могъ издержать ни гроша помимо казначея; поэтому и Бэнъ могъ только думать о братѣ и смотрѣть на выставленныя игрушки.

Изъ вниманія къ иностранцу, веселая компанія прошлась по еврейскому, самому интересному, кварталу города, но ужъ, конечно, не самому чистому и не самому красивому.

Въ этомъ кварталѣ проживаютъ знаменитые амстердамскіе гранильщики, чрезъ руки которыхъ проходитъ драгоцѣнныхъ камней на много милліоновъ франковъ. Бэну очень хотѣлось завернуть въ одну изъ мастерскихъ — посмотрѣть на работу, но какъ и всегда, пришлось удовольствоваться тѣмъ, что ему разсказалъ по этому поводу Ламбертъ.

Онъ узналъ, что торговля алмазами, достигающая нынѣ стомилліоннаго оборота, ограничивалась въ XV вѣкѣ продажей камней въ натуральномъ видѣ. Наиболѣе цѣнились тѣ, которые имѣли естественную форму пирамиды. Въ концѣ XVI вѣка Лудвигъ Берквемъ открылъ способъ гранить алмазы съ помощью алмазнаго же порошка или пыли; и вотъ появились граненые алмазы въ видѣ розъ и брильянтовъ. Самымъ искуснымъ рѣзчикомъ считается теперь одинъ старый еврей, зарабатывающій до 250 франковъ въ недѣлю. Знаменитый брильянтъ Ко-эи-нуръ его работы; за нее онъ получилъ десять тысячъ флориновъ.

— Мнѣ очень хотѣлось бы провести васъ, Бэнъ, мимо городской ратуши, но командиръ нашъ на это не

соглашается. Вотъ ужъ тамъ есть на что полюбоваться! Одинъ фундаментъ чего стоитъ. Около четырехъ тысячъ свай вбито въ глубинѣ семидесяти футовъ, да меньше и не могло быть подъ тяжестью такого громаднаго зданія.

— Стой! — крикнулъ Петеръ.

Всѣ остановились.

— Коньки долой! — скомандовалъ онъ. — Пусть никто не скажетъ, что голландцы прошли мимо музея, не показавъ иностранцу Рембрандтовскаго «Ночного обхода». Бэнъ, мы жертвуемъ вамъ десять минутъ. Идемъ въ музей, вы посмотрите только эту одну картину, и, я увѣренъ, вы ея никогда не забудете.

Бэнъ въ восторгѣ готовъ былъ расцѣловать Петера, но времени на это терять нельзя было: всего вѣдь дано было десять минутъ. Онѣ прошли очень скоро, эти десять минутъ, и на порогѣ показался Бэнъ, изумленный, восхищенный и ослѣпленный.

— Какое чудесное ночное освѣщеніе, какъ великолѣпно изображены сумерки! — воскликнулъ онъ.

— Очень жаль, — возразилъ ему Ламбертъ, — но я долженъ опровергнуть ваше мнѣніе. Справедливость прежде всего, поэтому узнайте двѣ вещи, милый Бэнъ: во-первыхъ, это не «ночной» обходъ; освѣщеніе это дневное, и сцена происходитъ днемъ, но свѣтъ падаетъ изъ невидныхъ зрителю оконъ; во-вторыхъ, это и не «обходъ»: картина изображаетъ отрядъ французскаго капитана Баннинга, выходящій изъ залы народнаго собранія

— Не будемъ спорить изъ-за пустяковъ, — сказалъ Бэнъ: — денное ли это освѣщеніе, или ночное — не то важно; картина сама по себѣ такъ поразительна, что я ея во всю жизнь не забуду.

— Браво, Бэнъ, ура! — закричала вся молодежь въ восторгѣ, что Бэнъ, иностранецъ, такъ горячо восхищается одной изъ жемчужинъ Голландіи.

— Какое несчастіе, право, — сказалъ Бэнъ, — что мы должны такъ торопиться, а то бы я охотно пошелъ опять въ музей полюбоваться «дневнымъ» освѣщеніемъ послѣ того, какъ я любовался «ночнымъ». Но терпѣніе! На слѣдующія каникулы я опять пріѣду сюда и ужъ тогда, конечно, не на десять минутъ зайду въ музей.

— Друзья, пора въ путь — закричалъ капитанъ: — бьетъ десять часовъ!

И всѣ поспѣшили къ каналу.

— Надѣвай коньки! Готовы ли? Разъ, два... Постойте, гдѣ же Путъ?

Куда онъ въ самомъ дѣлѣ дѣвался? Всѣ вдругъ обратили вниманіе на ближайшую прорубь. Петеръ бросился къ ней; за нимъ побѣжали и другіе. Петеръ наклонился къ отверстію; всѣ со страхомъ окружили его.

— Путъ, Путъ! — кричалъ Петеръ.

Отвѣта не было, поверхность проруби была неподвижна и уже затягивалась ледяной пленкой.

Ламбертъ повернулся къ Бэну.

— Вашъ кузенъ очень толстъ, полнокровенъ, быть-можетъ, склоненъ къ апоплексіи... ужъ не приключился ли съ нимъ ударъ...

— А что вы думаете! — въ ужасѣ отвѣтилъ Бэнъ. — Ахъ, бѣдный Путъ! Въ музеѣ было такъ жарко... Дорога его очень утомила, этакій толстякъ, вотъ онъ и свалился. Да не остался ли онъ въ музеѣ?

Молодежь въ одну минуту сбросила коньки и побѣжала опять къ музею.

Они, дѣйствительно, нашли тамъ бѣднаго Пута въ состояніи полнѣйшей неподвижности, распростертаго на скамьѣ. Но такъ какъ при этомъ слышалось гром-

кое и мѣрное храпѣніе, то ясно было, что онъ не болѣе какъ спитъ.

— Я-то какъ испугался, — говорилъ Бэнъ, тряся изо всѣхъ силъ Пута, — а онъ тутъ дрыхнетъ! Слава Богу, что не случилось чего-нибудь худшаго!

И всѣ принялись тормошить толстаго Пута, кто за руку, кто за ногу.

— Путъ! Путъ! — кричали они. — Проснись, вѣдь музей не спальня.

— Ахъ, отстаньте! — бурчалъ Путъ. — Который часъ? Чего вы пристали, — еще темно.

— Скажите, пожалуйста, — «еще темно»! Ну, счастье твое, что нѣтъ у меня подъ рукой стакана воды...

— Что? воды? зачѣмъ? Пожалуйста, Петеръ, не приставай ко мнѣ съ водой.

Тутъ Путъ съ большимъ трудомъ раскрылъ глаза да, кстати, и ротъ отъ удивленія.

— Да гдѣ же это я? Не у себя въ постели. Кто же это меня сюда завелъ? Гдѣ я? Картины на стѣнахъ... Что это значитъ?

— А это значитъ, — сказалъ одинъ изъ сторожей, — что вы тутъ расположились спать, а этого въ музеѣ не полагается. Идите-ка спать на улицу; здѣсь не мѣсто пивнымъ бочкамъ.

— Что? Я — «бочка»? — вскричалъ очнувшійся Путъ. — Самъ ты пивная бочка! — и грозно поднялъ свой кулакъ.

Дружный хохотъ былъ отвѣтомъ бѣдному Путу: онъ былъ такъ смѣшонъ въ своемъ гнѣвѣ, что и самъ сторожъ засмѣялся.

Друзья окружили Якова и вывели изъ музея. На свѣжемъ воздухѣ онъ пришелъ въ себя и имѣлъ очень сконфуженный видъ.

Петеръ былъ добрый малый и, чтобы прекратить неловкое положеніе Пута, далъ сигналъ къ походу.

— Ледъ, кажется, крѣпокъ, — сказалъ онъ. — Побѣжимъ ли мы опять по каналу или спустимся на рѣку?

— Пожалуйста, на рѣку, — отвѣчалъ Карлъ. — Это будетъ гораздо интереснѣе. Немножко дальше, да это не бѣда!

Яковъ Путъ принялъ живѣйшее участіе въ вопросѣ.

— Я подаю голосъ за каналъ, — сказалъ онъ.

— Пусть будетъ каналъ, — рѣшилъ капитанъ, видя, что бѣдный толстякъ боится удлиненія пути.

— Каналъ, такъ каналъ, — сказали сговорчивые подчиненные.

Одинъ Карлъ пожалъ плечами.

Капитанъ Петеръ сталъ во главѣ.

— Маршъ! — скомандовалъ онъ. — Черезъ часъ мы будемъ въ Гарлемѣ.

Въ то время, какъ они неслись по льду, за ними послышался свистъ и шумъ желѣзнодорожнаго поѣзда.

— Ребята, — закричалъ Лудвигъ, — кто хочетъ наперегонки съ локомотивомъ — за мной!

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вызовъ раздался новый свистокъ, молодцы тоже свистнули и пустились впередъ.

Минуты двѣ они неслись рядомъ съ поѣздомъ, оглашая воздухъ радостными криками; затѣмъ, конечно, поѣздъ обогналъ ихъ, но они все-таки помѣрялись съ нимъ, уступили не безъ боя — и то было хорошо.

Далѣе они бѣжали уже не торопясь и весело болтая между собой, отъ времени до времени останавливались, чтобы перекинуться нѣсколькими словами со сторожами, разставленными по каналу на нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи. На обязанности этихъ

сторожей лежитъ очищать ледъ отъ снѣжныхъ наносовъ; всякій разъ, какъ только падаетъ снѣгъ, они усердно начинаютъ его сметать, не давая ему времени примерзнуть къ ледяной поверхности, за что, конечно, всѣ бѣгающіе на конькахъ имъ очень благодарны.

Рѣзвая молодежь не пропустила случая забраться на стоявшія въ каналѣ на зимовкѣ суда, но заботливые сторожа ихъ оттуда живо прогнали.

Каналъ, по которому бѣжали наши пріятели, былъ совершенно прямой, безъ всякихъ изворотовъ: съ одной стороны шелъ рядъ ивъ, съ другой тянулась большая сухопутная проѣзжая дорога по высокой насыпи вдоль берега Гарлемскаго озера. А это живописное озеро съ своимъ ледянымъ покровомъ было необыкновенно оживлено. Масса движущихся конькобѣжцевъ, лодки на полозьяхъ съ парусами, подвижныя кресла, маленькія санки, управляемыя проводниками, которые отпихивались шестомъ то съ одной стороны, то съ другой стороны, — все это въ высшей степени занимало Бэна.

Лудвигъ ванъ-Гольпъ очень дивился тому, что Бэнъ знаетъ исторію Голландіи гораздо лучше, чѣмъ многіе голландцы. Это ему показалось обидно; онъ не прочь былъ поставить Бэна втупикъ и придумалъ спросить его чрезъ Ламберта, знаетъ ли онъ исторію тюльпановъ.

— Страсть къ тюльпанамъ, которая господствуетъ среди васъ вотъ уже двѣсти лѣтъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ изъ Турціи былъ занесенъ къ вамъ первый цвѣтокъ? Да кто же этого не знаетъ въ Европѣ! Объ этомъ такъ же много говорятъ, какъ и о прекрасныхъ амстердамскихъ ликерахъ, которыхъ мы даже и не попробовали, побывавъ въ городѣ. Кто не знаетъ, что у васъ за одинъ экземпляръ тюльпана Semper Augustus платили по 5.500 флориновъ! Эта страсть къ тюльпанамъ обратилась у вашихъ предковъ, въ особенности

„...Милости просимъ!..“

въ Гарлемѣ, въ настоящую манію; цѣны на тюльпаны то возвышались, то падали и породили своего рода биржевую игру, отъ которой одни богатѣли, другіе разорялись. Эта манія приняла такой заразительный характеръ, что для прекращенія зла или, по крайней мѣрѣ, для уменьшенія его необходимо было вмѣшательство правительства. Безъ сомнѣнія, тюльпанъ — очень красивый цвѣтокъ, но чтобы красота его могла довести до увлеченія такой флегматичный народъ, какъ вы, голландцы, это было бы почти невѣроятно, если бы не было историческимъ фактомъ.

— Мы теперь образумились, хотя и остались поклонниками тюльпановъ, — сказалъ Ламбертъ.

— Да этотъ англійскій дьяволенокъ знаетъ все, о чемъ бы ни заговорили съ нимъ, — сказалъ Лудвигъ, когда Ламбертъ перевелъ ему слова Бэна.

— Какъ только вамъ удастся поддѣть моего кузена Бэна, — сказалъ толстый Путъ, — я обязуюсь украсить вашу шляпу перомъ.

И, обращаясь затѣмъ къ Бэну, спросилъ:

— Скажи, пожалуйста, что тебя болѣе всего здѣсь удивило?

— А вотъ что: что моя тетушка Путъ, такая богатая и почтенная дама, сама все прибираетъ у себя въ домѣ и тратитъ на это половину своего времени. Я еще вчера писалъ матушкѣ, что паркетъ въ вашей залѣ блеститъ не хуже зеркала и что вплоть до столовой я видѣлъ подъ собой двойника своего.

— Какого двойника? — спросилъ Путъ.

— Да отраженіе свое въ полу, такого же другого Бэна, съ тою только разницею, что онъ стоялъ ногами кверху и головой внизъ.

— А сколько же разъ вы, мой другъ, входили въ залу госпожи Путъ? — спросилъ Лудвигъ.

— Всего одинъ разъ,—отвѣтилъ Бэнъ,—при этомъ кузенъ Путъ очень изумился, что мнѣ оказали такую честь въ первый же день моего пріѣзда, и не замедлилъ предупредить меня, что вторично увидѣть этотъ чудесный паркетъ мнѣ не удастся раньше дня свадьбы его сестры.

— Ба! — отвѣтилъ на это Путъ. — Всѣ залы въ Брукѣ похожи на залъ моей матери. Ихъ вѣдь только и отпираютъ для того, чтобы натереть полы, а то тамъ никто и не бываетъ.

— Васъ, Бэнъ, видно, не очень удивили наши деревянныя фигуры и автоматы въ бесѣдкахъ и садахъ. А вѣдь это особенность, бросающаяся въ глаза.

— Объ этомъ я былъ предупрежденъ, — возразилъ Бэнъ: — ваши деревянные лебеди, плывущіе по водѣ, дѣйствительно, могутъ ввести человѣка въ обманъ, но зато деревянный мандаринъ, который глупо качаетъ головой въ саду тетушки Путъ, меня нисколько не прельстилъ. Ваши раскрашенныя и убранныя деревья тоже не въ моемъ вкусѣ.

— Ничего, привыкнете ко всему и со временемъ перемѣните и вкусы и взгляды ваши. Голландія плѣнитъ васъ понемногу.

— Голландца, — да, она можетъ плѣнить, какъ меня плѣняетъ Англія, какъ французы восхищаются Франціей. Я отлично понимаю, милый Ламбертъ, вашу привязанность къ родинѣ, хотя, конечно, съ перваго раза кажется странною горячая любовь къ такой холодной странѣ.

Ламбертъ засмѣялся.

— Ба! ваша англійская кровь стынетъ скорѣе нашей. Вотъ мнѣ такъ не холодно. Посмотрите на этихъ катающихся: они красны, какъ піоны, и счастливы, какъ лорды. Эй, капитанъ! — закричалъ онъ. — Что скажете

вы на мое предложеніе остановиться вотъ въ этой деревушкѣ и немножко обогрѣть ноги?

— Кто озябъ? — спросилъ, оборачиваясь, Петеръ.

— Беньяминъ Добсъ.

— Ну, что же, будемъ отогрѣвать Англію, — отвѣтилъ добродушно Петеръ.

Рѣшили не надолго остановиться.

Подходя къ первому дому, молодые люди наткнулись на очень интересную семейную сцену.

Здоровый толстый голландецъ, который могъ бы служить моделью Теньеру, бѣжалъ изъ дому, преслѣдуемый своей дражайшей половиной, которая наносила ему сковородникомъ частые и чувствительные удары; молодецъ и не думалъ обороняться. Выраженіе лица его жены, этого воина въ юбкѣ, было такъ негостепріимно, что молодые люди рѣшили погрѣться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Ближайшая затѣмъ хижина имѣла болѣе привлекательный видъ. Низкая крыша изъ красной черепицы простиралась и на хлѣвъ, прилѣпившійся къ дому. Чистенькая старушка сидѣла со своимъ вязаньемъ у окна. Въ другомъ окнѣ виднѣлась плотная фигура мужчины съ трубкой во рту. И стекла и занавѣски блестѣли чистотой.

Въ отвѣтъ на скромный стукъ Петера молодая дѣвушка съ розовыми щечками и бѣлокурыми волосами, одѣтая по-праздничному, отворила половину двери, выкрашенной въ зеленый цвѣтъ, и вѣжливо спросила, что ему угодно.

— Не позволите ли вы намъ, барышня, войти въ вашъ домъ и немного обогрѣться? — учтиво спросилъ Петеръ.

— Милости просимъ! — отвѣтила красавица, и другая половина двери отворилась за своей подругой.

Прежде чѣмъ войти въ комнату, молодые люди долго и усердно вытирали ноги о толстый соломенникъ, лежавшій у двери, затѣмъ всѣ, кто какъ могъ, любезно раскланялись со старикомъ и старухой, сидѣвшими у оконъ.

Бэну показалось, что это не живые люди, а два автомата, — такъ церемонно и одинаково, точно по командѣ, они поклонились и сейчасъ же, какъ заведенныя машины, продолжали свои однообразныя занятія: старикъ пускалъ клубы дыма, старуха стучала спицами. Трубка, правда, дымилась какъ будто живая, но человѣкъ, державшій ее, былъ недвижимъ.

Зато дѣвушка съ розовыми щечками работала и двигалась за троихъ. Съ какимъ проворствомъ она выдвигала стулья съ высокими полированными спинками и усаживала молодыхъ людей! Яковъ Путъ былъ тронутъ чуть не до слезъ, когда передъ нимъ очутились на столѣ пряники и жбанъ пива. Дѣвушка отъ души расхохоталась, когда молодцы, точно голодная стая, набросились на пряники и пиво, стараясь, впрочемъ, по мѣрѣ силъ соблюсти приличіе. Но какъ она переконфузилась, когда Петеръ вѣжливо, но твердо отказался отъ предложенной имъ кислой капусты и чернаго хлѣба.

Чтобы утѣшить себя, должно-быть, и выйти изъ замѣшательства, она схватила разорванную перчатку Пута и тутъ же принялась ее штопать, перегрызая своими бѣлыми зубами нитку, смѣясь и приговаривая:

— Такъ, сударь, будетъ теплѣе!

Когда молодые люди утолили свой голодъ, дѣвушка обратилась къ автомату женскаго пола и, получивъ нѣмое разрѣшеніе, разсовала пряники по карманамъ своихъ гостей.

Все это время автоматы дѣлали свое дѣло: старуха стучала спицами, старикъ пускалъ дымъ.

Молодые люди, въ восторгѣ отъ такого радушнаго пріема, поблагодарили хозяевъ и пустились въ дальнѣйшій путь. Вскорѣ они добѣжали до замка Шваненбургъ съ его массивнымъ крыльцомъ и двумя башнями по бокамъ, на вершинахъ которыхъ стоятъ каменныя изображенія лебедей.

— Мы на полдорогѣ, — сказалъ Петеръ. — Снимайте коньки.

— Дѣло въ томъ, — началъ Ламбертъ объяснять своему товарищу, — что здѣсь воды канала Ай и Гарлемскаго озера встрѣчаются, и на калькахъ здѣсь бѣжать и неудобно и небезопасно. Уровень воды въ каналѣ на пять футовъ выше земли, поэтому тутъ воздвигнуты плотины и дамбы, чтобы предохранить мѣстность отъ наводненія, и надо вамъ сказать, здѣшнія плотины и шлюзы нѣчто по устройству своему необыкновенное. Мы пойдемъ по нимъ пѣшкомъ, и вы тогда сами можете судить объ этихъ сооруженіяхъ. Говорятъ, что вода озера самая лучшая для бѣленія полотенъ, она будто содержитъ въ себѣ необходимыя къ тому частицы. Всѣ большія гарлемскія бѣлильни употребляютъ эту воду, и благодаря, можетъ-быть, этому обстоятельству голландскія полотна пользуются всемірною извѣстностью. Я не особенно хорошо все это понимаю, но что мнѣ отлично извѣстно, такъ это то, что здѣсь водятся самые лучшіе и крупные угри. Мнѣ самому приводилось вылавливать здѣсь очень большихъ. И справиться съ ними, знаете, не такъ-то легко, нужна большая сноровка, а то какъ разъ безъ пальца или безъ руки останешься. Если же васъ не интересуютъ угри, такъ полюбуйтесь замкомъ: въ немъ проживаетъ человѣкъ, уважаемый во всей Голландіи, знаменитый инженеръ Бэйренъ. Мы, голландцы, на искусныхъ инженеровъ смотримъ, какъ на благодѣтелей своихъ.

Вѣдь это имъ Голландія обязана тѣмъ, чѣмъ она стала вопреки и назло стихіямъ. Не даромъ Бруннингу поставили монументъ въ Гарлемскомъ соборѣ.

— Благородная черта, — сказалъ Бэнъ, — почитать своихъ великихъ людей и хранить память о нихъ.

ГЛАВА VII.

Несчастіе. — Гансъ.

Былъ часъ дня, когда капитанъ Петеръ со своей командой прибылъ въ Гарлемъ. Хотя они пробѣжали не мало верстъ, тѣмъ не менѣе чувствовали себя бодрыми, какъ молодые орлы. Начиная съ самаго молодого — Лудвига Гольпъ, которому было четырнадцать лѣтъ, и до старѣйшаго изъ нихъ, каковымъ оказывался исполнявшій должность капитана Петеръ ванъ-Гольпъ, семнадцати лѣтъ, — всѣ единогласно признавались, что никогда еще имъ не было такъ весело, какъ въ эту прогулку.

Правда, что Яковъ Путъ подъ конецъ немного задыхался и не прочь былъ возстановить прерванный въ музеѣ сонъ, но непріятность эту легко покрыло его природное добродушіе и веселость. Даже Карлъ Шуммель, во время пути сблизившійся очень съ Лудвигомъ, не портилъ общаго веселаго настроенія. О капитанѣ Петерѣ и говорить нечего — это былъ счастливѣйшій изъ счастливыхъ. Онъ летѣлъ впереди всѣхъ и такъ весело насвистывалъ и напѣвалъ, что встрѣчные невольно останавливались и любовались его оживленнымъ лицомъ.

— Ну, товарищи, — закричалъ онъ, — пора и позавтракать; зайдемъ въ эту кофейню; намъ надо подкрѣ-

пить себя чѣмъ-нибудь посущественнѣе дѣвичьихъ пряниковъ.

Съ этими словами онъ опустилъ руку въ карманъ, какъ бы желая съ гордостью сказать: «У насъ вѣдь есть на что покутить».

— Что съ тобой? — спросилъ Ламбертъ, глядя на него. — Посмотрите, что это съ Петеромъ?

Петеръ, блѣдный, съ широко-раскрытыми глазами, ощупывалъ себя съ видомъ человѣка, потерявшаго сознаніе.

— Онъ боленъ! — вскричалъ Бэнъ.

— Нѣтъ, онъ, должно-быть, потерялъ что-нибудь, — сказалъ Карлъ.

Петеръ беззвучно открылъ ротъ и, наконецъ, съ трудомъ выговорилъ:

— Мой кожаный кошелекъ, гдѣ лежали мои и всѣ наши деньги, пропалъ!

Молодые наши путешественники стояли какъ ошеломленные громомъ. Они были такъ поражены, что не находили словъ.

— Глупо было, — воскликнулъ Карлъ, — отдавать всѣ деньги одному человѣку! Я это говорилъ съ самаго начала... Да посмотри хорошенько въ другомъ карманѣ, Петеръ...

— Я уже всѣ карманы обшарилъ: нѣтъ кошелька!

— Разстегни куртку...

Петеръ машинально послушался: онъ не только разстегнулъ куртку, но снялъ и фуражку и въ ней ощупалъ дно и подкладку, засунулъ опять руки въ карманы...

— Нѣтъ кошелька, друзья мои, — сказалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, — а стало-быть, нѣтъ ни завтрака ни обѣда!.. Что намъ дѣлать? Нельзя продолжать дорогу безъ денегъ. Если бы мы были въ Амстердамѣ,

я какъ-нибудь вывернулся бы и досталъ денегъ; а въ Гарлемѣ у меня нѣтъ ни одной души, у кого бы я могъ занять хоть одну марку. Нѣтъ ли у кого-нибудь изъ васъ здѣсь знакомыхъ, которые могли бы одолжить намъ нѣсколько флориновъ?

Молодые люди безнадежно переглянулись. Нѣчто въ родѣ скорбной улыбки являлось по очереди на ли-

„...Мой кожаный кошелекъ, гдѣ лежали мои и всѣ наши деньги, пропалъ!..“

цахъ ихъ; у Карла эта улыбка перешла въ гримасу, и онъ съ нетерпѣніемъ сказалъ:

— Невозможно, ничего тутъ не подѣлаешь! Я знаю здѣсь не мало богатыхъ людей, но я никогда не рѣшусь занять у нихъ что-либо: отецъ бы мнѣ этого даромъ не спустилъ. Вы знаете его правило, оно написано на нашемъ павильонѣ: «Порядочный человѣкъ не дѣлаетъ долговъ».

— Гмъ...—промычалъ Петеръ, который въ настоящую минуту никакъ не могъ сочувственно отнестись къ подобному правилу.

Должно-быть, мысль о невозможности пообѣдать дѣйствуетъ раздражающе на желудокъ; по крайней мѣрѣ, наша молодежь тутъ-то именно и почувствовала раздирающій голодъ.

— Собственно говоря, это моя вина, — сказалъ Яковъ: — я предложилъ, чтобы всѣ участники прогулки отдали свои деньги Петеру.

— Вотъ еще выдумалъ, — отвѣтилъ Петеръ: — ты тогда предложилъ къ лучшему; во всемъ виноватъ я одинъ.

— Теперь, господа, дѣло не въ томъ; не виновнаго надо искать, а денегъ или хорошую ковригу хлѣба, вотъ что.

Бэнъ произнесъ это такимъ веселымъ и бодрымъ голосомъ, что всѣмъ показалось, будто онъ уже придумалъ какое-нибудь средство помочь бѣдѣ.

— Ну, говорите, говорите, Бэнъ, что намъ дѣлать, какая вамъ мысль пришла въ голову? — закричали всѣ.

— Такой мысли, которую бы можно было сварить или изжарить и съѣсть, у меня нѣтъ, но я могу вамъ предложить нѣчто взамѣнъ. Денегъ нѣтъ, хлѣба нѣтъ, а на нѣтъ и суда нѣтъ! Значитъ, ничего другого не остается, какъ затянуть потуже кушаки и заставить брюхо молчать. На свѣтѣ есть тысячи людей, которымъ не одинъ разъ, какъ намъ, а чуть ли не каждый день приходится голодать. Да вѣдь терпятъ же; ну, и мы будемъ терпѣть по-философски.

— Только-то? — сказалъ печально Лудвигъ. — Я думалъ, что вы, Бэнъ, что-нибудь получше придумаете. Не стоило объ этомъ и распространяться такъ много. Скажите-ка мнѣ, сколько всего денегъ пропало?

— Развѣ ты не знаешь? — отвѣтилъ Петеръ. — Каждый изъ насъ далъ въ кассу по десяти флориновъ; стало-быть, въ кошелькѣ ихъ было всего шестьдесятъ. Ахъ, я дуракъ, дуракъ! Глупѣе меня на свѣтѣ нѣтъ. Маленькій Шиммельпеннинкъ и тотъ былъ бы лучшимъ капитаномъ, чѣмъ я! Я готовъ прибить себя за свою глупость.

— Ну, что жъ, и прекрасно, побей себя хорошенько, — ворчалъ Карлъ. — Дѣло въ томъ, Петеръ, — продолжалъ онъ, — что намъ во что бы ни стало надо добыть денегъ, хотя бы для этого тебѣ пришлось продать свои хваленые часы...

— Продать отцовскіе часы? Ни за что! — вскричалъ Петеръ. — Я продамъ платье, шляпу, все что угодно, чтобы поправить свою оплошность, только не часы! Такъ и знай, Карлъ.

— Полноте, — сказалъ добродушно Яковъ Путъ, — мы ужъ очень большое значеніе придаемъ этому случаю. Поступимъ, какъ намъ совѣтуетъ Бэнъ: подтянемъ кушаки и скорѣй домой, а черезъ день или два повторимъ нашу прогулку.

— Да, хорошо тебѣ, Путъ, говорить такъ, — отвѣчалъ сердито Карлъ: — тебѣ ничего не стоитъ вложить опять десять флориновъ въ складчину, а намъ откуда ихъ взять? Вѣдь мы знаемъ, что въ рукахъ у насъ долго не будетъ такой крупной суммы, стало-быть, намъ придется отказаться отъ вторичной прогулки и сидѣть дома.

Капитанъ, какъ кругомъ виноватый, до сихъ поръ покорно молчалъ, но послѣднія слова Карла задѣли его за живое.

— Молчи! — прервалъ онъ его. — Неужели ты думаешь, что я заставлю васъ платиться за мою вину?

Знай, что у меня дома лежатъ шестьдесятъ гиней моихъ собственныхъ денегъ.

— А въ такомъ случаѣ я, конечно, извиняюсь,—проворчалъ Карлъ: — я не зналъ, что ваша милость такъ богата и великодушна. Стало-быть, намъ и вправду остается подтянуть голодные животы и со стыдомъ бѣжать домой.

— Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ, — сказалъ капитанъ: — можно поступить иначе.

— Какъ? какъ?

— А вотъ какъ: не со стыдомъ, какъ совѣтуетъ Карлъ, а по поговоркѣ: «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ», съ веселыми лицами побѣжимъ домой, — закончилъ онъ, обративъ ко всѣмъ свое открытое, честное лицо съ блестящими голубыми глазами. — При этомъ я отдаю полную честь англійскому благоразумію, такъ какъ первый подалъ этотъ совѣтъ нашъ милый гость, Бэнъ.

Бодрость Петера, которой рукоплескали Бэнъ и Путъ, одушевила, наконецъ, и остальныхъ.

— Ура капитану! Домой, а пообѣдаемъ завтра.

— Теперь, друзья, — прибавилъ Петеръ, — намъ остается только вообразить, что прекраснѣе нашего Брука нѣтъ ничего на свѣтѣ, и рѣшить, что черезъ два часа мы будемъ тамъ. Согласны?

— Согласны! согласны! — закричала компанія и побѣжала назадъ къ каналу.

— Надѣвай коньки! — командовалъ капитанъ. — Готовы ли? Путъ, поди сюда: я помогу тебѣ. Ну, слушай: разъ, два, три, маршъ!

И, покидая Гарлемъ, мальчики были почти такъ же веселы, какъ при входѣ въ него, когда никто еще не зналъ о пропажѣ общей кассы.

При этомъ Бэнъ не могъ удержаться, чтобы не произнести прощальнаго спича Гарлему:

— Прощай, столица тюльпановъ! Въ книгѣ судебъ, вѣрно, было написано, что мнѣ не приведется восхищаться твоими красотами и не дано будетъ времени помочь тебѣ отыскивать твой знаменитый черный тюльпанъ. Прощай, родина Рюисдаля и великаго органиста Мюллера! Не увижу я твоихъ картинъ, не услышу твоего безподобнаго органа. Я лишенъ права сказать своимъ соотечественникамъ, что самъ сосчиталъ пять тысячъ трубъ, на которыхъ Гендель и Моцартъ издавали волшебные звуки. Не забуду я и того, что, лишенный возможности ознакомиться съ тобой, я въ тотъ же день былъ лишенъ возможности пообѣдать.

Ламбертъ одинъ понималъ эту англійскую рѣчь; слушая ее, онъ терялъ понемногу свою мрачность, и судороги пустого желудка уступали на его лицѣ мѣсто добродушной улыбкѣ.

— Это что значитъ?—вскричалъ съ негодованіемъ Карлъ, едва пробѣжавъ полсотни шаговъ.—Кажется, опять этотъ оборвышъ на деревянныхъ конькахъ, съ заплатанными штанами? Смотрите! Чтобъ ему, нищему, провалиться! Куда ни повернешься—всюду онъ! Еще чего добраго нашъ мягкосердый капитанъ прикажетъ намъ остановиться и поздороваться съ нимъ.

— Да, Карлъ, у васъ ужасный капитанъ,—смѣясь, сказалъ Петеръ.—Но, должно-быть, тебѣ почудилось: я что-то не вижу среди бѣгающихъ твоего пріятеля на деревянныхъ конькахъ. Ахъ, нѣтъ, вонъ онъ! Ты правъ, Карлъ. Но что это съ нимъ?

Бѣдный Гансъ! Онъ, видимо, изнемогалъ отъ быстраго бѣга и усталости. Губы его были бѣлы, какъ снѣгъ. Онъ неудержимо летѣлъ впередъ. Казалось, что

его несетъ самъ вѣтеръ. Петеръ окликнулъ Ганса, когда тотъ поравнялся съ ними.

— Здравствуй, Гансъ Бринкеръ! Развѣ не узнаешь насъ?

— Ахъ, это вы! Какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ!

— Этакій наглецъ! — проворчалъ Карлъ и съ этими словами пустился впередъ, оставивъ позади себя и Петера и товарищей, которые остановились вмѣстѣ со своимъ капитаномъ.

— Я тоже очень радъ видѣть тебя, Гансъ, — заговорилъ дружелюбно Петеръ. — Съ тобой точно что-то неладное случилось? Не могу ли я помочь тебѣ чѣмъ-нибудь?

— Да, у меня большая бѣда, сударь, и этой бѣды не избыть мнѣ скоро. Но теперь дѣло не въ моей бѣдѣ, а въ томъ случаѣ, который привелъ меня сюда и задержалъ въ дорогѣ.

При этомъ онъ поднялъ голову и, глядя прямо въ лицо удивленному Петеру, сказалъ:

— На этотъ разъ, кажется, что не вы мнѣ, а я вамъ могу оказать небольшую услугу, г. Петеръ ванъ-Гольпъ!

— Это какимъ образомъ? — рѣзко спросилъ Петеръ, не скрывая своего удивленія.

— А вотъ какимъ: возвративъ вамъ «это», сударь! — и Гансъ протянулъ ему найденный кошелекъ.

— Ура! — закричали мальчики, потрясая озябшими руками.

— Спасибо, Гансъ Бринкеръ, — сказалъ Петеръ такимъ растроганнымъ и благодарнымъ тономъ, что Гансъ почувствовалъ себя болѣе счастливымъ, чѣмъ если бы самъ король поклонился ему.

— Ура Гансу Бринкеру! — закричалъ Бэнъ.

— Ура! ура! — подхватила вся компанія.

Эти шумные возгласы школьниковъ достигли до ушей Карла, который съ худо скрываемой досадой спѣшилъ, между тѣмъ, по дорогѣ въ Амстердамъ. Всякій другой на его мѣстѣ, заслышавъ радостные клики товарищей, которыхъ онъ оставилъ съ повѣшенными носами, тотчасъ вернулся бы къ нимъ назадъ, чтобы узнать причину ихъ радости; не такъ поступилъ Карлъ, онъ только остановился и, не оборачиваясь, выжидалъ, чтобы товарищи приблизились къ нему, тщетно стараясь угадать, что бы такое могло у нихъ случиться. Но кучка шумѣла и не двигалась. Карлъ, рѣшивъ, наконецъ, что только надежда на хорошій обѣдъ могла возбудить такую веселость въ голодныхъ, соблаговолилъ поэтому повернуться и медленно, какъ бы нехотя, направился къ толпѣ товарищей.

Въ это время Петеръ, отведя Ганса въ сторону, допрашивалъ его, какъ онъ могъ догадаться, что кошелекъ принадлежитъ именно ему, Петеру.

— Видите ли, вчера вы изъ этого кошелька дали мнѣ три флорина за деревянную цѣпочку и совѣтовали купить на эти деньги хорошіе коньки. Помните?

— Да, помню.

— Ну, вотъ, когда вы вынимали деньги, я и замѣтилъ, что вашъ кошелекъ изъ желтой кожи.

— А гдѣ же ты его сегодня нашелъ?

— Я вышелъ утромъ изъ дому съ большимъ горемъ на сердцѣ и бѣжалъ по льду, не обращая ни на что вниманія, не глядя по сторонамъ. Вдругъ что-то подвернулось мнѣ подъ ноги, и я растянулся на льду. Когда я всталъ и началъ тереть ушибленное колѣно, то увидалъ что-то желтое, мелькавшее изъ-подъ доски, а доска эта, должно-быть, отъ какой-нибудь разбитой лодки, торчала изъ подо льда.

— А, теперь я вспомнилъ это мѣсто! Когда мы проходили подлѣ замерзшей барки, я вынималъ шарфъ изъ кармана и вмѣстѣ съ шарфомъ вытащилъ, должно-быть, кошелекъ и незамѣтно обронилъ его. Ну, Гансъ, надо сознаться, что ты намъ оказалъ громадную услугу; потеря кошелька разстроила всѣ наши планы, и мы уже было отказались продолжать нашу прогулку. Послушай, ты долженъ теперь взять половину найденныхъ денегъ.

— Ну, ужъ нѣтъ, сударь, этого я не могу.

Петеръ понялъ, что настаивать нечего. Его честной душѣ такой отказъ былъ вполнѣ понятенъ, и онъ, не говоря болѣе ни слова, опустилъ кошелекъ въ карманъ.

— Мнѣ все равно, — сказалъ самъ себѣ Петеръ, — богатъ онъ или бѣденъ, но я готовъ полюбить его всѣмъ сердцемъ. Скажи мнѣ, Гансъ, какое горе у тебя?

— Ахъ, сударь, это слишкомъ грустная и длинная исторія, а я уже и безъ того замѣшкался. Я бѣгу въ Лейденъ просить къ намъ знаменитаго доктора Бекмана.

— Доктора Бекмана! — повторилъ изумленный Петеръ.

— Да, сударь, и мнѣ нельзя терять ни минуты. Прощайте, я уже побѣгу теперь безъ остановки.

— Да, подожди немного, вѣдь и мы туда же. На что же вы рѣшаетесь, товарищи? Пойдемъ мы всѣ въ Гарлемъ или нѣтъ?

— Да, да! — закричали молодые люди, поворачивая опять въ сторону Гарлема.

Петеръ побѣжалъ рядомъ съ Гансомъ; всѣхъ легче, быстрѣе и красивѣе скользили они, едва касаясь ледяной поверхности.

— Вотъ что, — сказалъ Петеръ Гансу, — я и забылъ, что намъ предстоитъ остановиться въ Лейденѣ. Если

„...Прощай, столица тюльпановъ...“

у тебя только словесное порученіе къ доктору, то я охотно его исполню за тебя. Товарищи мои пріустали, и сегодня мы, пожалуй, опоздаемъ, но я обѣщаю тебѣ завтра рано утромъ непремѣнно повидать доктора, если только онъ въ Лейденѣ.

— Ахъ, сударь, вы мнѣ оказали бы громадную услугу. Меня пугаетъ не разстояніе, а мысль, что бѣдная мать остается такъ долго одна.

— Она больна?

— Нѣтъ, сударь, не она, а мой отецъ. Вы, можетъ-быть, слыхали что-нибудь о немъ? Онъ лишился разсудка еще въ ту пору, какъ строили мельницу Шлоссенъ. Тѣло его крѣпко, но сознаніе пропало, и онъ совсѣмъ сумасшедшій. Вчера вечеромъ матушка, стоя на колѣняхъ, раздувала огонь въ печкѣ (а больной ужасно любитъ смотрѣть въ пылающую печь), какъ вдругъ отецъ бросается, какъ звѣрь, на нее и толкаетъ прямо въ огонь; мать въ ужасѣ стала звать на помощь, а онъ, какъ безумный, смѣется надъ ея усиліями вырваться изъ его рукъ. Я былъ на каналѣ, услышалъ крики матушки — и какіе крики! Волосы стали у меня дыбомъ. Я бросился домой и увидалъ страшную картину: платье на матери уже начинало дымиться; отецъ съ звѣрскимъ выраженіемъ хохоталъ; я бросился къ нему, но онъ сильный, и одной рукой отбросилъ меня на другой конецъ комнаты. Если бы была вода тутъ, я бы залилъ огонь, но воды не было. Я силился вырвать мать изъ его рукъ и не могъ. Что оставалось дѣлать? Не помня себя, я кинулся на него съ табуретомъ. Онъ меня вторично отбросилъ; платье на матери уже горѣло; я опять схватился съ отцомъ, но черезъ нѣсколько секундъ былъ смятъ и брошенъ на полъ. Тутъ ужъ я ничего не помнилъ; мнѣ казалось, что мать вся въ огнѣ. Я слышалъ только хохотъ отца. Въ

эту минуту въ комнату вбѣжала Гретель. Господь ее прислалъ!.. Мать уже не кричала, а, видя свой конецъ, молилась Богу... Но Гретель, — какъ она умна и какъ хорошо знаетъ отца! Она бросилась сейчасъ же къ шкапу, налила въ чашку приготовленный для него любимый супъ и поставила чашку передъ нимъ на столѣ. Отецъ увидалъ чашку, въ ту же минуту выпустилъ изъ рукъ мать и, точно ребенокъ, потянулся къ супу. Все кончилось благополучно. Слава Богу, мать почти не обожглась, только платье пострадало. И съ какой ангельской кротостью принялась она тутъ же ухаживать за больнымъ мужемъ, который только что чуть не убилъ ее, и провозилась съ нимъ цѣлую ночь. Подъ конецъ онъ заснулъ, но все хватался за голову, — должно-быть, чувствовалъ въ ней сильную боль. Ахъ, сударь, и зачѣмъ это я все вамъ разсказалъ! Это горе я долженъ бы былъ терпѣть про себя. Всѣмъ извѣстно, что отецъ, когда былъ здоровъ, и мухи не обидѣлъ. Его осуждать нельзя.

Разсказъ этотъ глубоко тронулъ Петера; несчастіе бѣдныхъ Бринкеровъ было такъ велико, что словами утѣшать было невозможно. И Петеръ не нашелся, что сказать; онъ только крѣпко и дружески пожалъ руку Ганса.

Оба юноши бѣжали нѣсколько времени молча.

— Да, это ужасно, мой бѣдный Гансъ, — произнесъ, наконецъ, Петеръ. — А какъ сегодня здоровье твоего отца?

— Очень плохо.

— Зачѣмъ ты идешь за докторомъ Бекманомъ, Гансъ? Въ Амстердамѣ есть много докторовъ, которые могли бы полѣчить твоего отца. А вѣдь Бекманъ — знаменитость и ходитъ только къ богатымъ, да и то заставляетъ себя долго ждать.

— Онъ мнѣ обѣщалъ, сударь, обѣщалъ чрезъ недѣлю повидать моего отца. Но теперь, послѣ этого происшествія, ему стало такъ дурно, что мы не рѣшаемся ждать цѣлую недѣлю. Бѣдный отецъ умираетъ. Ахъ, сударь, если бы вы могли упросить доктора прійти къ намъ поскорѣе. Вѣдь не захочетъ же онъ заставить ждать себя цѣлую недѣлю! Онъ такой добрый!

— Добрый?! — повторилъ Петеръ. — Да онъ слыветъ самымъ непріятнымъ человѣкомъ во всей Голландіи!

— Это онъ только съ виду такой худой да мрачный, вѣчно задумчивый, но у него, должно-быть, очень доброе сердце, я въ этомъ увѣренъ: я прочелъ это въ его глазахъ, когда онъ говорилъ мнѣ: «Будь спокоенъ, дружокъ, я приду!» Передайте доктору все, что я вамъ разсказалъ о нашемъ больномъ, напомните ему его обѣщаніе, и я увѣренъ, что онъ придетъ.

— Надѣюсь и желаю этого отъ всего сердца для тебя, мой милый Гансъ. Я понимаю, какъ тебѣ хочется поскорѣе вернуться домой. Обѣщай мнѣ, что если тебѣ понадобится что-нибудь, ты пойдешь въ домъ моей матери въ Брукъ и скажешь ей, что я приказалъ тебѣ обратиться къ ней; она добрая и умная и можетъ тебѣ быть полезной. Но, прежде чѣмъ мы разстанемся, ты долженъ взять у меня нѣсколько флориновъ не какъ награду за твою честность, а какъ подарокъ друга, которому ты не въ правѣ отказать.

Гансъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ. Я ничего не заработалъ и не могу ничего взять; это правило нашей семьи, этому насъ научили мать и отецъ, когда еще былъ здоровымъ человѣкомъ. Вотъ если бы я нашелъ какую-нибудь работу въ Брукѣ или на южной мельницѣ — я былъ бы очень доволенъ. Но всюду я

получаю одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Погоди до весны!»

— Ахъ, какъ я радъ, что ты заговорилъ объ этомъ! — сказалъ съ живостью Петеръ. — Моему отцу какъ разъ нуженъ работникъ, и главное — нуженъ теперь же. Цѣпочка твоей работы ему очень понравилась. «Этотъ малецъ, — сказалъ онъ, — замѣчательно хорошо рѣжетъ по дереву; онъ можетъ мнѣ пригодиться». Отецъ хочетъ сдѣлать рѣзное крыльцо къ лѣтнему павильону, и за эту работу онъ хорошо заплатитъ, если ты возьмешься за нее.

— Слава Богу! — воскликнулъ просіявшій Гансъ. — О, сударь, какъ бы было хорошо получить такую работу! Я еще никогда не брался за такую большую. Но мнѣ кажется, что я бы сладилъ съ нею. Да, я въ этомъ увѣренъ, я такъ буду стараться...

— О, въ этомъ я, Гансъ, не сомнѣваюсь. Ты пойди и скажи моему отцу, что ты тотъ самый Гансъ Бринкеръ, о которомъ я ему говорилъ, и онъ съ радостью предпочтетъ тебя всякому другому рабочему.

— Благодарю васъ, сударь, — сказалъ Гансъ. — А какъ дома всѣ мои обрадуются!

— Ну-съ, господинъ капитанъ, — крикнулъ Карлъ, стараясь на этотъ разъ быть какъ можно любезнѣе, — мы ждемъ вашихъ приказаній; вѣдь мы, не забудьте, голодны, какъ волки.

Петеръ отдѣлался шуткой и опять обратился къ Гансу:

— Останься, по крайней мѣрѣ, съ нами позавтракать, и я тебя больше не буду удерживать.

Гансъ только взглянулъ на Петера, но, Боже мой, какъ выразителенъ былъ этотъ взглядъ! Тутъ только Петеръ замѣтилъ, что Гансъ отъ усталости и голода едва держится на ногахъ. Очевидно, въ немъ боролся

желудокъ съ сердцемъ, но борьба была непродолжительна: сердце побѣдило.

— Ахъ, сударь, — сказалъ онъ, — моя мать въ эту минуту нуждается въ моей помощи гораздо болѣе, чѣмъ я въ кускѣ хлѣба. Можетъ-быть, отцу стало хуже, а я и такъ много времени потерялъ. Да хранитъ васъ Господь!

И, кивнувъ съ признательностью Петеру, Гансъ повернулся и быстро, не оборачиваясь, какъ бы избѣгая дальнѣйшаго искушенія, стрѣлой понесся къ Бруку.

— Вотъ, безъ сомнѣнія, золотое сердце, — шепталъ Петеръ, глядя на удалявшагося Ганса, пока тотъ не исчезъ изъ виду. — Ну, товарищи, — сказалъ онъ со вздохомъ, — теперь самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это — пойти завтракать.

ГЛАВА VIII.

Три барышни. — Гарлемъ. — Человѣческій голосъ.

Читатели, можетъ-быть, думаютъ, что наши молодые голландцы позабыли и думать о большихъ бѣгахъ, назначенныхъ на 20 число. Ничуть не бывало: молодежь очень часто возвращалась къ этому предмету разговора въ теченіе дня. Даже Бэнъ, который болѣе другихъ развлекался новизной прогулки и всѣмъ, что видѣлъ вокругъ, не забывалъ о призовой парѣ коньковъ, не дававшей ему съ нѣкоторыхъ поръ покоя ни днемъ ни ночью. Какъ истый англичанинъ, онъ не сомнѣвался, что его «англійская ловкость», его «англійская сила», — однимъ словомъ, всѣ его англійскія свойства, несомнѣнно, должны побѣдить на предстоящемъ состязаніи Голландію и всѣхъ голландцевъ. Дѣло въ

томъ, что Бенъ, дѣйствительно, великолѣпно бѣгалъ на велкахъ. Ему, конечно, представлялось въ жизни менѣе случаевъ совершенствоваться въ этомъ искусствѣ, чѣмъ нашимъ юношамъ, но зато ужъ онъ и пользовался этими случаями со всѣмъ усердіемъ. Молодой англичанинъ, благодаря своему хорошему сложенію и системѣ физическаго воспитанія въ Англіи, былъ вообще такъ ловокъ и гибокъ, такъ увѣренъ въ своихъ движеніяхъ, что, очутившись на конькахъ, онъ такъ же легко и свободно началъ скользить на льду, какъ рыба начинаетъ плавать или орелъ летать.

Можетъ-быть, на цѣлыхъ десять верстъ въ окружности только одинъ бѣдный Гансъ, удрученный домашнимъ горемъ, въ этотъ день и слѣдующую затѣмъ ночь ни разу не вспомнилъ о серебряныхъ конькахъ. Даже Гретели, при всей ея любви къ матери и жалости къ больному отцу, у постели котораго она сидѣла, не разъ мерещились они въ воображеніи.

Что же касается Рахили, Гильды и Катринки, то всѣ ихъ помыслы вертѣлись на одномъ: 20 числа будетъ бѣгъ на призы.

Эти три дѣвушки были подруги между собой. Но, несмотря на то, что онѣ были почти ровесницы и принадлежали къ одному и тому же классу общества, несмотря даже на одинаковыя приблизительно способности ихъ, онѣ во многомъ отличались другъ отъ друга.

Вы уже знаете, что четырнадцатилѣтняя Гильда ванъ-Глекъ имѣла доброе и сострадательное сердце.

Рахиль Корбесъ была очень красива и этимъ затмевала Гильду, но характеръ у нея былъ далеко не такой мягкій, какъ у Гильды. Облака гордости и неудовлетвореннаго тщеславія съ неизбѣжной спутницей ихъ — завистью частенько заволакивали ея душу и грозили со временемъ совсѣмъ ее заслонить. Конечно,

облака эти разражались грозой или слезами только на виду у близкихъ домашнихъ: отца, матери, маленькаго брата и горничной. Именно тѣмъ, которые ее больше всего любили, приходилось больше всего страдать отъ неровности ея характера. Иногда достаточно было самой пустой причины, чтобы вызвать цѣлую бурю: малѣйшее противорѣчіе выводило ее изъ терпѣнія. Въ ея глазахъ, какъ и въ глазахъ Карла, всякій предразсудокъ имѣлъ громадный вѣсъ. Такъ, напримѣръ, бѣдная Гретель, по мнѣнію Рахили, не могла обладать такими же правами, какъ она: въ бѣдной дѣвочкѣ она не видѣла человѣка, созданнаго по одному съ ней образу и подобію Божію. Она видѣла въ ней только смѣсь нищеты, грязи и лохмотьевъ. Развѣ смѣютъ люди въ родѣ Ганса и Гретели думать, надѣяться и желать такъ же, какъ люди ея класса? Такимъ нищимъ слѣдовало бы запретить совать свой носъ туда, гдѣ гуляютъ высшія существа. Рахиль позволяла имъ работать на себя, любоваться собой, и то издали — никакъ не болѣе. «Если они возмущаются противъ этого, — думала она, — надо ихъ раздавить. Если они страдаютъ, тѣмъ хуже для нихъ, а мнѣ до этого никакого дѣла нѣтъ!» А между тѣмъ какая она умница эта Рахиль, съ какимъ вкусомъ она умѣетъ одѣваться! Какъ мило поетъ! Сколько нѣжности питаетъ къ своимъ кошкамъ, собакамъ и птицамъ, даже кроликамъ! А съ какимъ искусствомъ она умѣетъ понравиться такимъ милымъ и умнымъ юношамъ, какъ Ламбертъ ванъ-Мупенъ и Лудвигъ ванъ-Гольпъ!

Карлъ въ сущности слишкомъ похожъ на Рахиль, чтобы восхищаться ею. Онъ предпочитаетъ ей Катринку, какъ бы сотканную всю изъ кокетства и прихотей. Она была кокетка ребенкомъ, кокетка дѣвочкой, кокетка въ пансіонѣ, гдѣ дошла уже до старшихъ клас-

„Тсс! дитя!..“

совъ. Она кокетничала съ матерью, съ маленькимъ братомъ, съ любимымъ барашкомъ, сама съ собой, съ своими локонами, — однимъ словомъ, легкомыслію ея не было предѣловъ! Но любила ли она кого-нибудь искренно, серьезно? И сама могла ли внушить настоящую привязанность? Едва ли: въ ея натурѣ было для этого слишкомъ мало серьезнаго. Въ обществѣ ее любили. Голосокъ ея всегда весело звенѣлъ, какъ колокольчикъ; но возможно ли, чтобы онъ всю жизнь такъ беззаботно звенѣлъ!

Какая громадная разница между роскошными помѣщеніями этихъ трехъ названныхъ нами дѣвицъ и бѣдной хижиной Гретели! Рахиль живетъ въ богатомъ домѣ подлѣ Амстердама; въ домѣ ея родителей буфеты полны золотой и серебряной посудой, а стѣны и мебель обиты дорогой шелковой матеріей.

Отцу Гильды принадлежитъ самый большой домъ въ Брукѣ; его прекрасная крыша и крыльцо съ дорогой рѣзьбой и скульптурными украшеніями обращаютъ на себя всеобщее вниманіе.

Жилище Катринки находится въ одной милѣ отъ городка: это — прекрасная деревенская вилла. Садъ, разбитый дорожками на правильные квадратики, имѣетъ такой причудливый видъ, что птицы, вѣроятно, недоумѣваютъ и считаютъ его китайской загадкой. Лѣтомъ этотъ садъ великолѣпенъ: рѣдкіе цвѣты роскошно красуются въ симметрически расположенныхъ рядахъ, точно прусскіе солдаты. Катринка изъ всѣхъ цвѣтовъ отдаетъ предпочтеніе разноцвѣтнымъ гіацинтамъ.

Карлъ былъ правъ и неправъ, когда говорилъ, что Катринка и Рахиль будутъ внѣ себя, если Гретель приметъ участіе въ состязаніи на конькахъ. Онъ слышалъ, какъ Рахиль говорила: «Это уже слишкомъ! Это позоръ!» Слышалъ то же и отъ Катринки, но тонъ ихъ

рѣчи былъ различный. Рахиль говорила по убѣжденію, Катринка вторила ей по легкомыслію. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Катринка услышала мнѣніе Гильды прежде возгласа Рахили, то вмѣсто «это позоръ» колокольчикъ ея вслѣдъ за Гильдой прозвенѣлъ бы: «Конечно, бѣдняжечку надо принять на бѣгъ». А теперь она только твердила: «Неужели эта грязнушка, пасущая гусей, появится среди порядочныхъ людей? Да она всѣхъ насъ осрамитъ и, во всякомъ случаѣ, будетъ пятномъ на нашей картинѣ». Рахиль, богатая и потому властная (насколько это возможно въ школѣ), имѣла много подругъ, которыя поддакивали ей отчасти изъ глупости, отчасти изъ боязни противорѣчить.

А бѣдняжка Гретель! Сегодня ей было особенно тяжело и грустно. Рафъ Бринкеръ, распростертый на постели, жалобно стоналъ. Жена, забывъ недавнее насиліе надъ собой и свой испугъ, примачивала ему виски, освѣжала губы и горячо со слезами молилась о сохраненіи жизни больного.

Такъ было дѣло въ то время, какъ Гансъ съ тоской на сердцѣ бѣгалъ въ Лейденъ просить доктора Бекмана ускорить обѣщанный визитъ. Гретель, дрожа отъ страха, кое-какъ убиралась по хозяйству. Она подмела полъ, выложенный кирпичомъ, принесла торфу для поддержанія огня и растопила льду для домашняго употребленія.

Исполнивъ все это, она усѣлась на скамеечкѣ подлѣ матери и стала упрашивать ее, чтобы она легла отдохнуть.

— Ты, мама, такъ устала, — говорила она шопотомъ: — вѣдь ты не сомкнула глазъ съ самаго припадка. Посмотри, мама, какую хорошую постель я тебѣ приготовила; лягъ, усни немножко. Вотъ твоя кофта; сними

нарядное платье, я его бережно сложу и уложу въ большой сундукъ, прежде чѣмъ ты успѣешь заснуть.

Мама Бринкеръ отрицательно покачала головой, не сводя глазъ съ лица больного.

— Право, мама, я могу за нимъ присмотрѣть, — настаивала Гретель. — Чуть онъ пошевельнется, я сейчасъ же тебя разбужу. Такъ ты блѣдна, и глаза у тебя совсѣмъ красные. Прошу тебя, мама, прилягъ немножко.

Но дѣвочка напрасно уговаривала мать. Та ни за что не хотѣла оставить своего мѣста. Гретель молча глядѣла на нее и въ душѣ спрашивала себя: хорошо ли любить родителей неравно, одного больше, а другого меньше? Не можетъ вѣдь она не сознаться, что отца боится, а мать любитъ, такъ любитъ, чуть не обожаетъ.

«Вотъ Гансъ и отца очень любитъ. Господи, отчего это я не могу любить его такъ же? Вѣдь вотъ не могла же я удержаться отъ слезъ, когда въ прошломъ мѣсяцѣ онъ до крови поранилъ себѣ руки, въ то время, какъ Гансъ вырывалъ у него большой ножъ, да и теперь не могу слышать, когда онъ стонетъ. А можетъ-быть, я и люблю его, и Богъ видитъ, что, жалѣя маму, я совсѣмъ не такая дурная дѣвочка, какъ кажется. Да, я, навѣрно, люблю отца; конечно, не такъ, какъ Гансъ, и это потому, что Гансъ силенъ и ему нечего бояться отца, а я боюсь. Ахъ, Боже мой, Боже мой, должно-быть, ему очень трудно, что онъ такъ стонетъ! И мама бѣдная, какъ она терпѣлива! Она гораздо лучше меня; она вотъ не жалѣетъ такъ, какъ я, объ этихъ деньгахъ, которыя такъ удивительно пропали въ тотъ самый день, когда убился отецъ; мама ни разу даже взглядомъ не попрекнула отца. Ахъ, если бъ только отецъ очнулся на минуту и сказалъ намъ, куда дѣвались всѣ наши деньги, кажется, больше бы ничего и

не надо! Нѣтъ, что я говорю: ничего не надо. Надо, чтобы бѣдный отецъ выздоровѣлъ и не умеръ. Я не хочу, чтобъ онъ сдѣлался такимъ же холоднымъ и неподвижнымъ, какъ маленькая сестра Анни Бауманъ».

И, сложивъ руки, дѣвочка опустилась на колѣни.

«Боже мой, — взмолилась она, — сдѣлай такъ, чтобы отецъ мой не умеръ!»

Сколько времени длилась ея молитва, Гретель не могла бы сказать; она заглядѣлась на потухавшіе уголья въ печкѣ, по которымъ изрѣдка пробѣгало синее пламя, какъ бы желая показать, что оно еще живо. Это наблюденіе навело дѣвочку на мысль, что такъ же и въ неподвижномъ тѣлѣ отца еще мелькаетъ жизнь, и эту жизнь можно такъ же поддержать, какъ поддерживаютъ угасающее пламя въ печи.

Она поднялась, взяла нѣсколько кусковъ торфа и бросила ихъ въ печь. Комната ярко освѣтилась, и Гретель, довольная тѣмъ, что умиравшее пламя ожило и весело разгорѣлось, погрузилась опять въ свои полудремотныя думы.

Сначала она обратила вниманіе на окна и сочла въ нихъ стекла; почти всѣ стекла были разбиты, но замазаны искусными руками Ганса; затѣмъ остановилась взоромъ на чисто отполированной и высоко укрѣпленной полкѣ, тоже работы Ганса; на этой полкѣ лежала толстая въ кожаномъ переплетѣ съ застежками Библія. Это была фамильная драгоцѣнность — подарокъ, сдѣланный ея матери, когда она выходила замужъ.

— Ахъ, если бы Гансъ былъ дома, онъ, навѣрно, сумѣлъ бы устроить такъ, чтобы отецъ не стоналъ.

Тутъ воображеніе Гретели вышло за порогъ хижины.

— Господи, Господи, если болѣзнь эта продолжится, намъ не придется и на конькахъ побѣгать. Надо будетъ

тогда отослать мои хорошенькіе коньки этой доброй барышнѣ. Ни мнѣ ни Гансу не бывать на бѣгахъ.

И глазки бѣдной дѣвочки наполнились слезами. Должно-быть, послѣднюю свою жалобу она, сама того не замѣчая, произнесла вслухъ, потому что глаза матери тихо раскрылись, и она сказала ласково:

— Не плачь, моя дѣвочка: эта болѣзнь, можетъ-быть, совсѣмъ не такъ опасна, какъ мы полагаемъ. Вѣдь ужъ съ отцомъ бывали такіе припадки.

Гретель, пойманная въ своихъ мысляхъ, которыхъ она не должна была бы имѣть въ такую минуту, глубоко вздохнула и заговорила:

— Ахъ, мама, какая я недобрая! Ты вѣдь этого еще не знаешь. Я совсѣмъ, совсѣмъ дурная дѣвочка! У меня иногда бываютъ въ головѣ такія дурныя мысли...

— У тебя, Гретель? Неужели? Ты у меня такая терпѣливая и отважная! — при этомъ мать устремила на свою дочь взглядъ, полный любви и нѣжности, въ которомъ не было ни тѣни тревоги за нее. — Ты наговариваешь на себя, дитя мое! Лучше успокойся и не плачь, а то какъ разъ разбудишь отца.

Гретель приникла головой къ колѣнямъ матери, стараясь удержать свои рыданія. Ея худая загорѣлая ручка обхватила огрубѣвшую въ работѣ руку матери. Рахиль содрогнулась бы отъ одного прикосновенія къ той или другой, а между тѣмъ въ пожатіи этихъ грубыхъ рукъ было столько нѣжности.

Гретель перестала плакать; она глядѣла теперь на отца: ей припоминалась вчерашняя борьба. Взглядъ ея при этомъ дѣлается все жестче, наконецъ, она съ ужасомъ и даже нѣкоторымъ озлобленіемъ, какое бываетъ у дѣтей дѣйствительно несчастныхъ, сказала:

— Вѣдь онъ хотѣлъ тебя сжечь, мама, да, хотѣлъ, я это видѣла, а самъ въ это время смѣялся!..

— Тсс! дитя!

Мать такъ стремительно произнесла это, что даже Рафъ Бринкеръ пошевелился.

Гретель не сказала болѣе ни слова и молча стала перебирать складки материнскаго платья въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно было прожжено.

На башнѣ св. Бавана пробило три часа, когда наши молодые люди, позавтракавъ и отдохнувъ, вышли изъ кофейни.

Петеръ все еще былъ погруженъ въ грустныя размышленія по поводу исторіи бѣднаго Ганса; онъ забылъ даже свое предводительство и очнулся только послѣ окрика Лудвига:

— Что съ тобой, капитанъ? Ты спишь на ходу.

— Ты правъ, Лудвигъ, — сказалъ Петеръ. — Я думалъ совсѣмъ о другомъ, — и, указывая дорогу, прибавилъ: — Сюда, господа.

Они пошли гулять по гарлемскимъ улицамъ, по его кирпичнымъ тротуарамъ, не возвышающимся надъ уровнемъ улицъ. Какъ и Амстердамъ, Гарлемъ имѣлъ въ честь св. Николая праздничный видъ.

Какое-то странное существо приближалось къ нимъ. Это былъ маленькій человѣкъ, одѣтый въ черное, съ короткимъ плащомъ на плечахъ; на головѣ у него былъ парикъ и треугольная шляпа съ длинной креповой вуалью позади.

— Это что такое? — спросилъ Бэнъ. — Что за уродъ!

— А это глашатай. Вѣрно, кто-нибудь въ этой улицѣ умеръ.

— Такъ, это у васъ такой трауръ носятъ?

— Вовсе нѣтъ. Глашатай только присутствуетъ па похоронахъ; его обязанность извѣстить друзей и род-

ственниковъ покойнаго объ его смерти. Городокъ слишкомъ малъ для того, чтобы разсылать приглашенія или печатать объявленія въ газетахъ, какъ это дѣлается у васъ въ большихъ городахъ. Да, но смерть и рожденіе идутъ въ мірѣ рука объ руку; я вижу, что вмѣсто умершаго на свѣтъ явилось новое существо.

Бэнъ вытаращилъ глаза.

— Откуда вы это знаете?

— Развѣ вы не видите краснаго клубочка, вывѣшеннаго вонъ надъ той дверью? — отвѣтилъ Ламбертъ вопросомъ же.

— Вижу.

— Это значитъ родился мальчикъ.

— Почему же мальчикъ?

— Въ Гарлемѣ при рожденіи мальчика вывѣшиваютъ красный клубочекъ, а при рожденіи дѣвочки — бѣлый. Клубочки эти бываютъ очень разнообразны: мнѣ случалось видѣть обшитые кружевами у дверей богатыхъ людей; да и бѣдные стараются вывѣсить если не клубокъ, то какую-нибудь ленту или тесемку понаряднѣй.

— Смотрите! смотрите! — закричалъ вдругъ Бэнъ. — Вонъ у того дома со смѣшной крышей бѣлый клубокъ виситъ: тамъ дѣвочка родилась!

— Я не вижу дома со смѣшной крышей.

— Ахъ, да, — спохватился Бэнъ, — я и забылъ, что вамъ все ваше не можетъ казаться смѣшнымъ. Крыша, про которую я говорю, вонъ тамъ, рядомъ съ зеленымъ строеніемъ.

— Теперь вижу. Да, это обозначаетъ рожденіе дѣвочки. Однако, капитанъ, мы напали на улицу новорожденныхъ; того и гляди, что всѣ эти младенцы заревутъ.

Капитанъ разсмѣялся.

Они почтительно пропустили ее...

— Не бойтесь, я дамъ вамъ послушать музыку болѣе пріятную. Мы какъ разъ во-время подоспѣемъ къ церкви св. Бавана, чтобы послушать органъ. Церковь сегодня отперта.

— Какъ? Лучшій органъ въ Гарлемѣ? — вскричалъ Бэнъ. — Это для меня настоящій праздникъ. Я часто слыхалъ объ этомъ органѣ, о безчисленныхъ его трубахъ и, главное, объ его «человѣческомъ голосѣ» [1]).

Петеръ былъ правъ: церковь была отперта, и хотя службы не было, но кто-то игралъ на органѣ.

Величественные звуки неслись изъ храма, какъ бы навстрѣчу молодымъ людямъ, захватывая ихъ своей волной и привлекая къ себѣ. Звуки эти разрастались все громче и громче и, наконецъ, изобразили цѣлую бурю, море взволнованное и грозное, готовое броситься и затопить берегъ. Но вотъ среди этого рева слышится серебристый звонъ колокольчика, ему отвѣчаетъ другой, третій, и буря, прислушиваясь къ этимъ нѣжнымъ звукамъ, какъ бы смиряется, умолкаетъ, но только на время. Колокольчики раздаются смѣлѣе, но буря просыпается и опять съ удвоенной силой начинаетъ неистовствовать; гремятъ громовые раскаты, становится жутко, и среди этого хаоса вдругъ плачевный отчаянный голосъ, стонущій и молящій о пощадѣ, опять громъ и опять этотъ стонъ, и молодые люди, пораженные, съ недоумѣніемъ спрашиваютъ себя: что это такое? Кто это стонетъ, точно человѣкъ? Кто съ такой пѣвучей мощью и тоской молитъ объ избавленіи? А это и было то, что называется «человѣческимъ голосомъ».

Наконецъ вотъ и отвѣтъ на стоны, такой нѣжный и любвеобильный, какъ материнская ласка. Буря стала

---

[1]) Труба, которая издаетъ звукъ, подобный человѣческому голосу.

утихать, полилась тихая неземная гармонія, невидимыя птицы какъ бы наполнили воздухъ своимъ пѣніемъ. Петеру и Бэну казалось, что они слышатъ пѣніе ангеловъ. Забывъ усталость, они притаили дыханіе и упивались звуками, желая только одного, чтобы они не прекращались. Въ это время кто-то дернулъ Петера за рукавъ.

— Долго ли мы будемъ тутъ стоять? Пора и дальше итти.

— Тсс! — отвѣтилъ Петеръ въ полузабытьи.

— Пойдемъ же, капитанъ, пойдемъ, — настаивалъ Карлъ, дергая Петера за рукавъ.

Капитанъ нехотя повиновался.

— Эта музыка — самое великолѣпное изъ всего, что я видѣлъ или слышалъ въ Голландіи! — воскликнулъ Бэнъ въ восторгѣ. — Это изумительно, божественно!

Выйдя изъ церкви, молодые люди еще остановились на открытой базарной площади, чтобы осмотрѣть бронзовую статую Лоренца Янсона Костера, котораго считаютъ въ Голландіи изобрѣтателемъ книгопечатанія. Это оспаривается тѣми, кто признаетъ творцомъ книгопечатанія Гутенберга и мѣстомъ первыхъ опытовъ въ этомъ искусствѣ — Страсбургъ или Майнцъ. Бэнъ по этому темному вопросу не соглашался съ мнѣніемъ Ламберта, зато съ полной готовностью призналъ, что Вильямъ Бенклесъ, родомъ голландецъ, безспорно, изобрѣлъ наилучшій способъ солить и приготовлять впрокъ сельдей, и что Голландія совершенно права, считая его своимъ благодѣтелемъ, такъ какъ въ значительной степени обязана своимъ благосостояніемъ именно Бенклесу, то-есть искусству солить сельдей.

— Замѣчательное въ самомъ дѣлѣ явленіе, — сказалъ Бэнъ, — обиліе этой рыбы. Не знаю какъ здѣсь, а на берегахъ Англіи наблюдались слои плывущей рыбы въ пять-шесть футовъ толщиной.

— Да, да, — подтвердилъ Ламбертъ: — сельди плывутъ цѣлыми арміями.

Компанія проходила въ это время подлѣ лавочки сапожника.

— Смотрите, Ламбертъ!—закричалъ Бэнъ.—На этой вывѣскѣ стоитъ имя одного изъ вашихъ великихъ людей: Германъ Бёргавъ. Слишкомъ высокая честь для сапожника носить такое громкое имя! А можетъ-быть, это потомокъ великаго человѣка? — И, не дождавшись отвѣта, Бэнъ продолжалъ: — А это еще что за странность?

— О чемъ или о комъ вы говорите, Бэнъ? — спросилъ Ламбертъ. — Вашъ умъ скачетъ, точно кенгуру: никакъ не угадаешь, куда онъ прыгнетъ.

— Съ вашего позволенія, — сказалъ смѣясь Бэнъ, — я говорю объ афишѣ, наклеенной на дверяхъ дома по ту сторону улицы. Развѣ вы не видите? Три человѣка стоятъ и читаютъ ее въ настоящую минуту. Я уже замѣтилъ нѣсколько такихъ афишъ; меня онѣ очень интересуютъ.

— А это бюллетени, то-есть извѣстія о состояніи больного. Такая афиша даетъ знать, что въ домѣ есть больной; этимъ самымъ посторонніе приглашаются не стучать и не звонить и вообще не тревожить больного; семья больного пишетъ въ бюллетенѣ о перемѣнахъ въ ходѣ болѣзни, и такимъ образомъ всѣ друзья и интересующіеся больнымъ могутъ знать, въ какомъ онъ находится положеніи. По-моему, это очень хорошій обычай, и ничего страннаго въ немъ нѣтъ. Однако пойдемте скорѣе, а то мы никогда не дойдемъ до мѣста.

— А какъ смѣшно одѣваются здѣшнія женщины! Ну, посмотрите, пожалуйста, на ихъ шляпы: вѣдь это, ни дать ни взять, колпаки отъ сахарныхъ головъ. Въ

жизнь мою не видѣлъ я ничего подобнаго! Бери кисть и пиши!

— Что тутъ смѣшного, — отвѣчалъ начинавшій сердиться Ламбертъ: — это наши крестьянки! Неужели лучше ваши англійскія нищенки съ отрепанными полинялыми шляпами и дырявыми шалями, которыя босыми ногами шлепаютъ по грязи, точно развѣнчанныя принцессы? Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, или закройте глаза, или оставьте нашу старую Голландію въ покоѣ.

— Полно, полно, другъ Ламбертъ, не сердитесь; ваша Голландія слишкомъ любопытна, чтобы ходить по ней съ закрытыми глазами. Однако компанія наша, если я не ошибаюсь, остановилась. Въ какую же сторону мы поплывемъ теперь, капитанъ Петеръ?

— Да вотъ предполагаютъ миновать Бошъ, — отвѣтилъ капитанъ. — Тамъ въ эту пору смотрѣть не на что. Бошъ — это прекрасный боръ, Бэнъ; въ немъ есть великолѣпныя деревья, находящіяся подъ покровительствомъ закона.

— Кому же придетъ въ голову обижать такія великолѣпныя деревья? — спросилъ Бэнъ.

— Да хоть бы тѣмъ, которые мерзнутъ зимой, — возразилъ Петеръ. — Развѣ у васъ, въ Англіи, не думаютъ о тѣхъ, которые замерзаютъ иногда въ двадцати шагахъ отъ чужого очага?

— Мы очень много думаемъ о нихъ и желали бы всѣмъ помочь, — отвѣчалъ Бэнъ. — Я знаю, что ни въ одной странѣ нѣтъ такъ много убѣжищъ для бѣдныхъ и такъ мало бѣдныхъ, какъ у васъ, въ Голландіи, Петеръ. Вы справедливо можете этимъ гордиться.

— Счастье ваше, что вы хоть это-то признали, — пробурчалъ Карлъ.

Петеръ поспѣшилъ прервать разговоръ, который при характерѣ Карла могъ принять непріятный оборотъ.

— Вамъ, Бэнъ, — сказалъ онъ, — можетъ-быть, хотѣлось бы посмотрѣть естественно-историческій музей, а послѣ мы вернемся на каналъ, если успѣемъ, чтобъ показать вамъ Голубую лѣстницу.

— Про что это онъ говоритъ?—спросилъ Бэнъ Ламберта, боясь, что плохо понялъ предложеніе капитана.

— Голубой лѣстницей называется самая высшая точка на дюнахъ. Оттуда прелестный видъ на океанъ; ни съ какого другого мѣста нельзя лучше судить о значеніи нашихъ знаменитыхъ дюнъ. Надо ихъ видѣть, чтобы оцѣнить, какую страшную массу песку наноситъ море къ берегу. Да, но для этого намъ надо пройти чрезъ Блемендаль, а это порядочно далеко. Что вы на это скажете?

— О, я пойду, куда прикажутъ, хотя мнѣ бы собственно хотѣлось больше всего прямо въ Лейденъ; но мы пойдемъ, куда поведетъ насъ капитанъ. Не такъ ли, Путъ?

— Да, да, — согласился Путъ, которому хотѣлось бы гораздо больше соснуть, чѣмъ карабкаться на Голубую лѣстницу.

Капитанъ изъявилъ свое согласіе итти въ Лейденъ.

— До Лейдена четыре голландскихъ мили, вашихъ англійскихъ, Бэнъ, шестнадцать. Слѣдовательно, намъ нечего терять времени, если хотимъ попасть туда до полуночи. Итакъ, товарищи, рѣшайте: въ Лейденъ или на дюны?

— Въ Лейденъ! Въ Лейденъ!

Черезъ нѣсколько минутъ они покинули Гарлемъ и издали любовались его безчисленными мельницами, которыя одинъ французскій писатель сравнилъ съ роемъ пчелъ, шумящихъ вокругъ улья.

— Если вы хотите, Бэнъ, видѣть Гарлемъ во всей его красѣ, — сказалъ Ламбертъ послѣ нѣкотораго мол-

чанія, — то пріѣзжайте сюда лѣтомъ. Тутъ самые роскошные въ мірѣ цвѣты. Здѣшніе луга и лѣса стоятъ того, чтобы на нихъ посмотрѣть и, главное, по нимъ погулять. Голландскій вязъ здѣсь безподобный, такого вы нигдѣ не найдете. Или вы всѣмъ деревьямъ предпочитаете англійскій дубъ?

Но вотъ уже нѣсколько минутъ, какъ Бэнъ не слушаетъ и не смотритъ ни на что вокругъ. Его мысли невольно обратились къ Лондону и бродятъ теперь въ родительскомъ домѣ. Образы Робби и Женни, его маленькаго брата и сестры, стоятъ въ его глазахъ.

«О, я ихъ непремѣнно привезу въ Голландію, — говоритъ онъ про себя, — только не зимой, а лѣтомъ. Какъ это ихъ, малютокъ, позабавитъ! Ужъ я имъ тогда всего накуплю: и лодку въ аршинъ длиною и мельницу ростомъ съ Женни».

ГЛАВА IX.

Страна въ опасности. — На каналѣ.

Пока Бэнъ мечталъ о братѣ и сестрѣ, вся компанія слушала разсказъ Петера:

— Давно, очень давно на этомъ мѣстѣ стоялъ старинный зàмокъ. Владѣтель этого зàмка былъ такой гордый и жестокій по отношенію къ городскимъ обывателямъ, что они, выведенные изъ терпѣнія, осадили зàмокъ и принудили его сдаться. Въ то время, какъ владѣтель готовъ былъ уже отдаться безусловно въ руки осаждавшихъ, такъ какъ раздраженный непріятель не принималъ никакихъ условій, жена его вышла на стѣну зàмка и просила, чтобы ей, по крайней мѣрѣ, позволили выйти и взять съ собой, что она въ силахъ будетъ снести на себѣ. Такъ какъ жена владѣльца

была всегда милостива и добра къ сосѣдямъ, и противъ нея лично осаждавшіе ничего не имѣли, то они и согласились исполнить ея просьбу. Каково же было ихъ удивленіе, когда на верху лѣстницы показалась эта слабая женщина съ мужемъ на спинѣ. Свирѣпые люди были тронуты; уважая самоотверженную привязанность женщины, они почтительно пропустили ее за ворота и за черту городской земли, которая, къ счастью, была недалеко.

— Неужели ты, Петеръ, вѣришь въ эту сказку? — спросилъ недовѣрчиво Карлъ.

— Конечно, вѣрю. А ты ужъ не потому ли сомнѣваешься въ ней, что тутъ рѣчь идетъ о доблести голландской женщины?

— Совсѣмъ нѣтъ, — смутился Карлъ, — а потому, что едва ли какая женщина можетъ совершить такой подвигъ.

Толстый Путъ, несмотря на свою сонливость, былъ чувствительный малый, и разсказъ Петера слушалъ съ большимъ интересомъ.

— Прекрасная черта! — воскликнулъ онъ. — И я вѣрю ей безусловно. Что до меня, то я только и женюсь на женщинѣ, готовой оказать мнѣ такую же услугу.

— Да поможетъ ей Господь! — сказалъ Карлъ, оглядывая почтенные размѣры Пута. — Вѣдь тебя, Путъ, трое мужчинъ едва поднимутъ.

— Очень можетъ быть, — спокойно отвѣчалъ Путъ. — Конечно, это слишкомъ много требовать отъ будущей госпожи Путъ, но мнѣ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, быть увѣреннымъ въ ея готовности сдѣлать это для меня.

— Да уже за одну только готовность можно будетъ ей присудитъ почетный отзывъ, — смѣясь сказалъ Петеръ. — Или, можетъ-быть, по пословицѣ: «Своя ноша не тянетъ»...

— Петеръ, — перебилъ его Лудвигъ, — не говорилъ ли ты мнѣ, что въ Гарлемѣ родился живописецъ Вувермансъ?

— Да, и Рюисдаль и Бергемъ тоже.

Компанія быстро подвигалась впередъ. Въ то время, какъ ноги Бэна усердно работали, стараясь не отстать отъ товарищей, мысли его снова очутились въ Лондонѣ.

Онъ сталъ громко кричать: „Идите скорѣй, помогите!..“

Если мы послѣдуемъ туда за нимъ, то еще разъ убѣдимся въ томъ, что, несмотря на огромныя разстоянія, симпатія сближаетъ любящія существа и заставляетъ ихъ одновременно думать другъ о другѣ и какъ бы духовно бесѣдовать между собой. Въ то время какъ Бэнъ мечталъ о своемъ маленькомъ братѣ и сестрѣ, они мечтали объ отсутствующемъ Бэнѣ, да и вообще со времени его отъѣзда въ Голландію эта

страна сдѣлалась любимой темой ихъ разговоровъ и любимымъ предметомъ изученія.

Робби и Женни скромно сидѣли въ классной комнатѣ передъ своимъ учителемъ; имъ предстоялъ урокъ чтенія.

— Итакъ, Робби, мы остановились на двѣсти сорокъ второй страницѣ. Пожалуйста, обращайте вниманіе на точки и запятыя. Мало того, чтобъ читать, надо читать съ толкомъ, чтобы всякій видѣлъ, что ты понимаешь, что читаешь. Начинай.

И Робби тоненькимъ звонкимъ голосомъ школьника началъ:

«Урокъ 62. Маленькій гарлемскій герой».

«Много лѣтъ тому назадъ жилъ въ Гарлемѣ одинъ добрый мальчикъ съ бѣлокурыми волосами. Отецъ его былъ надсмотрщикомъ при шлюзахъ. Его обязанность состояла въ томъ, чтобы отъ времени до времени поднимать шлюзъ и выпускать накопившуюся съ моря воду въ каналъ. Въ Голландіи даже маленькія дѣти знаютъ, что только строгое вниманіе и бдительность за шлюзами мѣшаютъ водѣ изъ океана прорваться и затопить страну, и что малѣйшая небрежность надсмотрщика можетъ причинить разореніе странѣ и гибель людямъ».

— Очень хорошо! — остановилъ Робби учитель. — Ну, теперь ты, Женни.

«Въ одинъ прекрасный осенній день, — начала читать дѣвочка голосомъ болѣе положительнымъ, — мальчику, о которомъ мы упомянули (ему было тогда восемь лѣтъ), родители позволили отнести кое-что изъ съѣстного слѣпому старику, жившему на другомъ концѣ плотины. Мальчикъ съ веселымъ сердцемъ отправился въ путь, пробылъ цѣлый часъ со своимъ слѣпымъ другомъ и пошелъ обратно.

«Идя вдоль канала, онъ обратилъ вниманіе на то, какъ высоко, благодаря послѣднимъ дождямъ, подня-

лась вода въ каналѣ. Но, будучи увѣренъ въ прочности шлюзовъ, находившихся на попеченіи его отца, онъ этой быстрой прибыли воды не испугался и продолжалъ итти, напѣвая какую-то дѣтскую пѣсенку.

«Однако, что станется съ отцомъ и матерью, — думалъ онъ, продолжая свои наблюденія и свою пѣсню, — что будетъ съ полями и огородами, если вдругъ вода прорветъ шлюзы? Объ этомъ страшно и подумать. Вода сильна, когда разбушуется. Да, но отецъ все-таки сильнѣе, и это, должно-быть, сердитъ воду. И если она теперь бурлитъ и шумитъ, то это именно потому, что злится на отца за то, что онъ ей ходу не даетъ.

«Но и эти мысли не слишкомъ безпокоили мальчика; онъ рвалъ голубые цвѣты, которые росли по краямъ канала, — ему хотѣлось набрать букетъ для матери, — поднималъ листья и пускалъ ихъ по вѣтру; они крутились и летали въ воздухѣ, какъ бабочки.

«Иногда онъ внезапно останавливался, ему чудился какой-то шелестъ: не кроликъ ли пробирается въ кустахъ? Вѣдь кролики ужасно пугливы, это они отъ него бѣгутъ и прячутся. Частенько онъ улыбался, вспоминая радость слѣпого, когда онъ явился къ нему со своимъ приношеніемъ. «А какъ онъ радъ былъ моему пирогу, больше чѣмъ маминому хлѣбу»...

«Вдругъ лицо мальчика измѣнилось. Онъ бросилъ вокругъ испуганный взглядъ. Что это такое? Онъ и не замѣтилъ, какъ закатилось солнышко и какъ исчезли по дорогѣ тѣни отъ деревьевъ. Становилось совсѣмъ черно, а онъ былъ еще далеко отъ дома и въ такой лощинѣ, что и голубые цвѣточки казались сѣрыми. Онъ ускорилъ шагъ, сердце его забилось сильнѣе при воспоминаніи о тѣхъ опасностяхъ, которымъ подвергаются дѣти, запоздавшія въ темномъ лѣсу. Но въ ту минуту, какъ онъ, вооружившись храбростью, хотѣлъ

пуститься бѣгомъ, его поразилъ шумъ воды, падающей капля за каплей; онъ вздрогнулъ. Широко раскрывъ свои глазенки, онъ озирался, стараясь понять, гдѣ это капаетъ вода. И вотъ, наконецъ, онъ увидѣлъ въ толстой доскѣ шлюза крошечное отверстіе, изъ котораго сочилась вода. Всякій ребенокъ въ Голландіи дрожитъ при одной мысли о щели въ плотинѣ, а сынъ шлюзового мастера и подавно: онъ мгновенно постигъ всю опасность. Если позволить водѣ сочиться черезъ это отверстіе, она не замедлитъ размыть цѣлую дыру, а потомъ и всю плотину, и тогда можетъ произойти страшное наводненіе.

«Быстро, какъ молнія, мальчикъ сообразилъ, что ему дѣлать. Бросивъ цвѣты, онъ взобрался на плотину, сѣлъ верхомъ надъ шлюзомъ, нагнулся, ощупалъ рукой отверстіе и заткнулъ его своимъ тоненькимъ пальчикомъ. И этого оказалось довольно — теченіе пріостановилось.

«— Ага! — воскликнулъ онъ съ дѣтской радостью,— пускай вода сердится и злится, сколько ей угодно, а ужъ я ея здѣсь не пропущу. Не затопить ей Гарлема, пока я тутъ!

«Сначала все шло очень хорошо, но скоро наступила ночь, поднялся холодный туманъ. Нашъ маленькій герой начиналъ дрожать и отъ холода и отъ страха. Онъ сталъ громко кричать: «Идите скорѣй, помогите!» Никто не приходилъ. А между тѣмъ холодъ усиливался. Онѣмѣніе застывшаго въ дырѣ пальчика распространилось на всю руку, все тѣло мальчика стало понемногу ныть, причиняя ему нестерпимую боль. Онъ сталъ опять звать. Неужели никто его не услышитъ?

«— Идите, идите скорѣй, я не могу больше терпѣть, у меня нѣтъ больше силъ! Мама, мама! — кричалъ онъ.

«Все напрасно. Мать его, аккуратная голландка, давно уже затворила двери и рѣшила на утро хорошенько побранить сына за то, что онъ безъ позволенія остался ночевать у слѣпого. Бѣдный мальчикъ пробовалъ свистать, думая, что какой-нибудь школьникъ случайно услышитъ его свистъ; но зубы его стучали въ лихорадкѣ, и онъ не могъ болѣе издать ни одного звука.

«Тогда онъ сталъ призывать Бога на помощь и отвѣтомъ было твердое рѣшеніе остаться тутъ до утра».

— Ну, теперь ты, Робби, — сказалъ учитель.

Глаза Робби заволакивали слезы, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и растроганнымъ голосомъ продолжалъ:

«Луна взошла въ полночь и облила своимъ свѣтомъ фигуру одинокаго ребенка, уже не сидѣвшаго съ гордой осанкой на вершинѣ шлюза, а лежащаго въ изнеможеніи съ пальцемъ, воткнутымъ въ отверстіе. Бѣдняжка поникъ головой и только отъ времени до времени свободной рукой потиралъ онѣмѣвшую руку и вздрагивалъ при малѣйшемъ дѣйствительномъ или кажущемся звукѣ, обращая къ лунѣ свое блѣдное заплаканное личико.

«Бѣдный Робертъ (такъ звали мальчика)! Кто пойметъ, что выстрадалъ и передумалъ онъ въ эту страшную, безконечную ночь. Какую борьбу вынесъ онъ — неустрашимости и самоотверженія, съ одной стороны, съ физической слабостью и утомленіемъ — съ другой, особенно, когда ему мерещилась его теплая постель, отецъ и мать, братья и сестры, которымъ было такъ тепло и уютно теперь. Онъ изнемогалъ, готовъ былъ бросить все, но тутъ же являлась мысль, что, если онъ вынетъ палецъ, вода, такъ долго сдерживаемая, устремится съ двойной силой и непремѣнно зальетъ городъ...

О, да, онъ останется тутъ до утра, если только доживетъ до этого времени. Едва ли. Что это съ нимъ? Какой шумъ въ ушахъ, и какая острая боль въ распухшемъ пальцѣ! Его, пожалуй, и не вынешь теперь изъ дыры. Будь что будетъ, а онъ останется, чтобы другихъ спасти.

«На зарѣ священникъ, проведшій ночь у изголовья больной, возвращался домой. Ему почудился на плотинѣ какой-то слабый стонъ. Онъ подошелъ ближе и увидѣлъ мальчика, корчившагося отъ холода и боли.

«— Съ нами Богъ! — воскликнулъ онъ. — Что ты тутъ дѣлаешь, дитя?

«— Ахъ, батюшка, — отвѣчалъ тотъ, — я держу воду и не позволяю ей прорвать шлюзъ. Мнѣ очень тяжело. Скажите ради Бога кому-нибудь, пусть придутъ мнѣ на смѣну, я больше не могу.

«Священникъ наклонился къ ребенку и первымъ долгомъ освободилъ его: вынулъ его пальчикъ и тутъ же, понимая, какъ это важно, заткнулъ своимъ пальцемъ отверстіе.

«— Боже мой, какъ я доволенъ! — едва могъ произнести измученный мальчикъ, потрясая онѣмѣвшей рукой, и... упалъ въ обморокъ.

«По счастью, священникъ могъ свободною рукою достать изъ кармана платокъ, намочить его въ водѣ и приложить къ вискамъ бѣдняжки; благодаря этому, мальчикъ вскорѣ открылъ глаза.

«— Ну, вотъ и слава Богу, — сказалъ священникъ. — Теперь, дитя мое, сдѣлай еще одно усиліе: дойди къ надсмотрщику шлюзовъ и скажи ему, что тутъ происходитъ. Я боюсь, что хоть я и больше тебя и священникъ, а не смогу такъ долго продержаться, какъ ты: не хватитъ твоего мужества.

«— Будьте покойны,—отвѣчалъ мальчикъ:—шлюзный мастеръ — мой отецъ, онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

«Лишнее говорить, что мастеръ не замедлилъ прибѣжать на плотину и приступить къ работѣ».

— О, — воскликнулъ Робби, — какой славный мальчикъ!

— Да, и какое счастье, — прибавила Женни, вытирая слезы, — что священникъ мимо шелъ.

Странное совпаденіе! Въ ту самую минуту, какъ маленькіе братъ и сестра Бэна произносили эти слова, самъ Бэнъ по другую сторону моря говорилъ Ламберту, разсказавшему ему эту же самую исторію:

— Какое самоотверженіе! Я часто читалъ эту исторію и принималъ ее за легенду, за вымыселъ. Тѣмъ лучше, что это было на самомъ дѣлѣ.

— Конечно, было, я разсказалъ вамъ точь въ точь, какъ не разъ слышалъ отъ моей матери. Во всей Голландіи не найдешь ребенка, который не зналъ бы этой исторіи. Къ тому же, Бэнъ, она совсѣмъ не такъ невѣроятна, какъ вамъ кажется. Этотъ мальчикъ-герой олицетворяетъ собой общественный разумъ Голландіи. Стоитъ явиться какой бы то ни было течи въ государствѣ, касающейся ли чести, или безопасности его, — все равно, какъ тотчасъ явится милліонъ пальцевъ, чтобы заткнуть эту течь и отдать себя въ жертву для спасенія отечества.

— Это ужъ слишкомъ, — сказалъ Бэнъ, — вы преувеличиваете.

— Нѣтъ, это истинная правда, — возразилъ Ламбертъ такимъ невозмутимо-убѣжденнымъ тономъ, что Бэну совѣстно стало оспаривать его.

— Счастлива страна, въ которой всѣ жители такіе горячіе патріоты! — сказалъ онъ, чтобы загладить свое невольное восклицаніе.

— Чтобы не ходить далеко, — вмѣшался въ разговоръ Петеръ, — стоитъ только вспомнить мальчика, который нашелъ наши деньги: этотъ Гансъ, я увѣренъ, изъ такого же матеріала, какъ и мальчикъ, о которомъ только что разсказывалъ Ламбертъ. Я даю руку на отсѣченіе, что Гансъ въ случаѣ надобности сдѣлалъ бы то же самое, что сдѣлалъ сынъ шлюзового мастера.

— У него очень хорошее лицо, это я замѣтилъ, такъ что вы, пожалуй, правы, Петеръ, — отвѣтилъ Бэнъ.

Карлъ сдѣлалъ при этомъ презрительную гримасу; по счастью, никто ея не замѣтилъ. Какъ это можно было уже видѣть, Карлъ не любилъ Ганса. Да и кого можно любить, когда самого себя любишь черезчуръ много.

Наши молодые люди были не одни на льду. Погода была такъ хороша, что мужчины, женщины и дѣти, желая воспользоваться праздничнымъ досугомъ, весело скользили по льду по всѣмъ направленіямъ. Св. Николай, какъ видно, не забылъ нынче наградить дѣтей хорошенькими блестящими коньками. Цѣлыя семьи совершали прогулки по каналу, кто въ Гарлемъ, кто въ Лейденъ, кто просто по сосѣднимъ деревнямъ. Каналъ кипѣлъ жизнью. Бэнъ любовался нарядами дамъ и ихъ увѣренными движеніями по льду. Какая смѣсь одеждъ и лицъ: рядомъ съ платьемъ, сшитымъ по послѣдней парижской модѣ, виднѣлось поношенное праздничное платье, видимо, служившее не одному поколѣнію. Тутъ были львицы изъ Лейдена и бѣдные прибрежные рыбаки, торговки сыромъ изъ Гуда и важныя матроны изъ богатыхъ виллъ, расположенныхъ по Гарлемскому озеру. Нерѣдко виднѣлись наینькахъ сѣдовласые старцы и сморщенныя старушки съ подобіемъ сахарной головы на головѣ. Пяти-шестилѣтнія дѣти тоже на

konькахъ цѣплялись за юбки матерей; многія матери скользили по каналу чуть не съ грудными дѣтьми, которыхъ онѣ привязывали къ спинѣ яркими шалями. Все это двигалось или съ быстротою стрѣлы, или плавно, какъ на парусахъ, смотря по тому, торопился ли кто по дѣлу, или совершалъ пріятную прогулку. Встрѣчные обмѣнивались улыбкой, короткимъ привѣтствіемъ, многіе посвистывали; маленькія дѣти, плотно закутанныя на спинахъ у матерей, взвизгивали, хватаясь за шею матери.

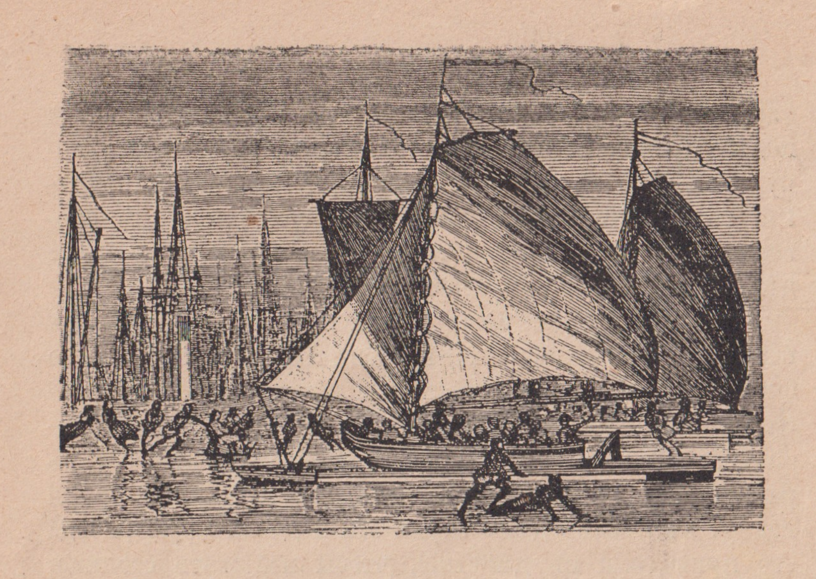
Все это было чрезвычайно разнообразно и живописно.

Подростки, какъ дѣвочки, такъ и мальчики, гонялись другъ за другомъ, прячась иногда за воза, высоко нагруженные хворостомъ или торфомъ и осторожно слѣдовавшіе по отведенному имъ наиболѣе прочному пути.

Тутъ были красавицы съ королевской поступью и ясной улыбкой, а иной разъ слышался трескъ льда подъ тяжестью креселъ-санокъ, на которыхъ возсѣдала какая-нибудь грузная бабушка или сама г-жа бургомистерша со всѣми своими подушками, грѣлками, платками... Такія кресла двигалъ обыкновенно солидный лакей, враждебно глядѣвшій на рѣзвыхъ шалуновъ, то и дѣло подвертывавшихся подъ санки.

Добрые граждане, очевидно, наслаждались миромъ и счастьемъ. Большая часть ихъ имѣла видъ старообразный въ неизмѣнномъ своемъ костюмѣ: шерстяной курткѣ, широкихъ панталонахъ и большихъ серебряныхъ пряжкахъ. На Бэна они производили впечатлѣніе большихъ внуковъ въ одеждѣ своихъ дѣдовъ. У каждаго была во рту трубка, всѣ немилосердно дымили, точно локомотивы. Это было дѣйствительно рѣдкое собраніе трубокъ всевозможныхъ сортовъ, начиная отъ

простой глиняной безъ всякой оправы до оправленныхъ въ янтарь и золото; и форма у нихъ была самая разнообразная: были трубки въ видѣ птицъ, животныхъ, цвѣтовъ и т. д., однѣ — ярко-красныя, другія — снѣжно-бѣлыя; но самыми почтенными считались трубки, принявшія отъ времени темный цвѣтъ зрѣлости. «Чѣмъ темнѣе, тѣмъ славнѣе!» — это служило доказательствомъ, что владѣлецъ уже не мало молодой силы употребилъ на обкуриваніе своей трубки. И какая трубка не возгордится быть такимъ вѣрнымъ слугой и другомъ своего хозяина!



ГЛАВА X.

Лодка на парусахъ. — Яковъ Путъ мѣняетъ планъ.

Нѣкоторое время Бэнъ бѣжалъ молча. Множество новыхъ предметовъ поглотило его вниманіе настолько, что онъ почти забылъ о своихъ товарищахъ. Его ужасно заинтересовали показавшіяся вдали лодки-сани; съ канала было отлично видно, какъ эти чудовища быстро скользили по льду Гарлемскаго озера. Лодки эти имѣли громадные паруса, сравнительно гораздо большіе, чѣмъ употребляются на водѣ. Парусъ утверждался на треугольной рамѣ, снабженной желѣзными лезвеями; широкое основаніе ея помѣщалось на носу, а острый уголъ выходилъ за корму. Лодка была снабжена рулемъ и особымъ механизмомъ для уменьшенія или ускоренія хода и для остановки. Лодки были всѣхъ величинъ и видовъ, начиная съ самой обыкновенной подъ управленіемъ мальчугана и до

блестящей барки для прогулокъ веселой компаніи подъ управленіемъ опытныхъ матросовъ. Матросы, покуривая свои трубочки, клали барку на тотъ или другой галсъ, ставили и убирали паруса, — однимъ словомъ, маневрировали съ такою важностью, какъ будто дѣло происходило въ открытомъ морѣ.

Нѣкоторыя лодки были окрашены въ яркіе цвѣта съ позолотой; на ихъ мачтахъ развѣвались разноцвѣтные флаги. Другія, какъ кипень бѣлыя, съ надутыми бѣлоснѣжными парусами походили на лебедей, быстро уносимыхъ невидимымъ теченіемъ. Воображеніе Бэна такъ разыгралось, что ему чудились даже лебединые крики вдали. На самомъ дѣлѣ звуки эти издавалъ руль, когда его приводили въ дѣйствіе, чтобы избѣжать столкновенія съ какимъ-нибудь встрѣчнымъ возомъ, нагруженнымъ торфомъ. Эти лодки-сани довольно рѣдко попадались на каналѣ, поэтому появленіе ихъ каждый разъ производило нѣкоторое волненіе, особенно между робкими конькобѣжцами. Да и всѣмъ надо было остерегаться ихъ и не зѣвать по сторонамъ. Бэнъ, хотя и любовался ими, какъ невиданнымъ для него зрѣлищемъ, однако, не разъ былъ спугнутъ внезапнымъ приближеніемъ этихъ быстрокрылыхъ птицъ. А между тѣмъ надо было глядѣть въ оба и по другимъ причинамъ: встрѣчныхъ было пропасть; подъ ноги то и дѣло подвертывались маленькія дѣти въ самодѣльныхъ салазкахъ, а тутъ еще новое зрѣлище: нѣсколько мальчиковъ протыкаютъ во льду отверстіе для рыболовныхъ цѣлей. И только что Бэнъ заглядѣлся на ихъ работу, какъ совершенно неожиданно его что-то толкнуло, и онъ очутился на колѣняхъ подкатившей къ нему на креслѣ толстой барыни. Барыня закричала; лакей, который ее везъ, пронзительно свистнулъ; но не успѣлъ Бэнъ опомниться, какъ кресло и барыня пронеслись

мимо, а онъ съ разинутымъ ртомъ и шляпой на отлетѣ приносилъ свое извиненіе... пустому пространству.

Но что это было въ сравненіи съ опасностью, которой онъ подвергся сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ! Гигантская лодка неслась на него на всѣхъ парусахъ, а онъ и не подозрѣвалъ ея приближенія. Когда онъ вдругъ увидалъ ее, то онѣмѣлъ отъ ужаса при мысли, что вотъ насталъ его послѣдній часъ. Золоченый носъ барки былъ уже тутъ, онъ слышалъ крики «берегись!» затѣмъ ударъ — и уже болѣе ничего не видѣлъ, не слышалъ и не сознавалъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то оказался лежащимъ на льду съ болью въ плечѣ. Огромный парусъ задѣлъ его за плечо и отбросилъ на десять футовъ въ сторону.

Слава Богу, онъ живъ и почти невредимъ. Онъ вернется въ свою Англію, обниметъ своихъ дорогихъ родителей, Робби и Женни. Въ минуту опасности предъ глазами его вмѣстѣ съ страшнымъ носомъ барки мелькнули и всѣ дорогія ему лица. Онъ не зналъ, что они ему до такой степени дороги. Оглядѣвшись кругомъ, Бэнъ былъ очень удивленъ, увидавъ въ глазахъ окружающихъ неудовольствіе и какъ бы упрекъ ему въ такой непозволительной неловкости. Что имъ было за дѣло, что онъ только что спасся отъ смерти? Для нихъ онъ былъ только помѣхой въ общемъ весельѣ. Ужъ лучше бы сидѣлъ этотъ мальчишка дома и не выходилъ на каналъ, если не умѣетъ бѣгать.

Ламбертъ накинулся на него:

— Я ужъ думалъ, что вы не встанете, какъ это можно такъ зѣвать и не смотрѣть передъ собой? Вамъ видно, мало того, что сѣли на колѣни къ барынѣ, вы ухитряетесь еще попадать подъ всѣ парусныя сани. Этакъ намъ придется, чего добраго, скоро и похороннаго глашатая приглашать.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ принужденно Бэнъ; но, видя, что у Ламберта губы побѣлѣли и дрожатъ отъ испуга за него, онъ прибавилъ тихо: — Знаете, мой другъ, въ эти немногія минуты я передумалъ гораздо больше, чѣмъ во всю мою жизнь.

Ламбертъ протянулъ ему руку, и оба молча продолжали путь. До ушей ихъ вскорѣ долетѣлъ хотя и слабый по отдаленности, но замѣчательный по гармоніи звонъ колоколовъ.

— Что это такое? — спросилъ Бэнъ.

— А это подобранные церковные колокола, — отвѣтилъ Ламбертъ. — Должно-быть, пробуютъ новый подборъ. Какъ бы я хотѣлъ, Бэнъ, чтобы вы услышали музыку колоколовъ въ новой Дельфтской церкви: это въ самомъ дѣлѣ поразительно. Тамъ всего около пятисотъ колоколовъ и колокольчиковъ, и лучшій звонарь во всей Голландіи играетъ на нихъ. Вѣдь это не шутка — играть на такомъ инструментѣ. Немудрено, что бѣдняга нерѣдко послѣ такого концерта ложится въ постель. Языки этихъ колоколовъ привязаны къ доскѣ, изображающей фортепіанную клавіатуру, кромѣ того, имѣются еще педали, и вотъ, когда идетъ быстрый перезвонъ, звонарь изображаетъ изъ себя тысяченогаго паука.

Пока Ламбертъ и Бэнъ разговаривали о колоколахъ, Петеръ съ товарищами заболтались и отстали отъ нихъ. Замѣтивъ это, они пустились вдогонку.

— Бэнъ отлично бѣгаетъ на конькахъ, — сказалъ Петеръ, — точно природный голландецъ! Англичане вѣдь обыкновенно не очень сильны въ этомъ искусствѣ. Однако скажите, господа, чего вы такъ убѣжали отъ насъ?

— А вы, черепахи, чего отстали отъ насъ?

— Мы немножко поболтали, а потомъ дали Путу вздохнуть.

— Да, бѣдный кузенъ, кажется, совсѣмъ плохъ, — сказалъ Бэнъ тихо Ламберту. — Они хорошо сдѣлали, что пожалѣли его. Боюсь, что онъ принялъ участіе въ нашей прогулкѣ, не разсчитавъ своихъ силъ.

Въ эту минуту навстрѣчу имъ показалась великолѣпная лодка-сани съ распущеннымъ флагомъ и надутыми парусами, двигавшаяся медленно и плавно. На палубѣ была масса закутанныхъ по уши дѣтей. Изъ-за капоровъ и платковъ выглядывали улыбающіяся розовыя отъ мороза дѣтскія личики.

— Зачѣмъ же они всѣ съ открытыми ртами, точно птенчики въ гнѣздѣ? — спросилъ Бэнъ.

— Да они поютъ, — отвѣтилъ Ламбертъ. — Развѣ въ Англіи дѣлаютъ какъ-нибудь иначе, когда желаютъ издать звукъ? Погодите, они подъѣдутъ ближе, и тогда вы сами услышите, что они поютъ — и поютъ очень недурно.

Въ самомъ дѣлѣ, дѣти пѣли хвалебный гимнъ въ честь св. Николая. Сотня дѣтскихъ голосовъ производила очень пріятное впечатлѣніе, и Бэнъ не могъ воздержаться, чтобы не прокричать имъ «браво!»

Послѣдняя нотка замерла въ отдаленіи.

— Какая прелесть! — воскликнулъ Ламбертъ.

— Точно прекрасный сонъ, — прибавилъ Бэнъ. — Да, ваши крошки поютъ какъ ангелы. Ни у насъ, въ Англіи, ни во Франціи никогда, я думаю, не удалось бы достигнуть такихъ результатовъ съ такими маленькими пѣвцами.

Путъ подошелъ къ Бэну, жестомъ выразилъ одобреніе его словамъ (онъ, впрочемъ, такъ же одобрялъ всякое его слово), потомъ жалобно поглядѣлъ на него и заговорилъ;

— Бэнъ, какъ ты полагаешь: послѣ того, какъ мы такъ много пробѣжали на конькахъ, не лучше ли будетъ взять лодку до Лейдена?

— Взять лодку! — удивился Бэнъ. — Съ чего это ты, братецъ, выдумалъ? Вѣдь мы располагали именно на конькахъ добраться до Лейдена, а не на лодкѣ, какъ маленькія дѣти.

— Какъ будто только одни маленькіе ѣздятъ на лодкахъ, — отвѣчалъ сконфуженно Путъ. — Мало ли взрослыхъ на баркахъ. Взгляни хоть на эту — развѣ ты не видишь?

Всѣ расхохотались.

Было бы, конечно, очень забавно взобраться на какую-нибудь лодку, если бы къ тому представился удобный случай; но ни съ того ни съ сего нарушить грандіозный планъ прогулки на конькахъ — этого никому и въ голову не приходило. Начался оживленный споръ. Капитанъ Петеръ счелъ нужнымъ остановить отрядъ.

— Господа, — сказалъ онъ, — мнѣ кажется, что прежде всего мы должны выслушать мнѣніе Якова Пута, такъ какъ и прогулка наша состоялась по его почину.

— Вотъ еще, — возразилъ Карлъ, презрительно поглядывая на Пута. — Кто изъ насъ усталъ? Ужъ, конечно, не Путъ, самый плотный и сильный. А мы тѣмъ лучше выспимся и отдохнемъ въ Лейденѣ, если доберемся туда молодцами на своихъ ногахъ.

Лудвигъ и Ламбертъ внутренно соглашались съ Карломъ. Имъ было тяжело отказаться отъ заманчивой славы, что вотъ, молъ, мы пробѣжали всю дорогу отъ Брука до Гайя и обратно и все на конькахъ. Тѣмъ не менѣе они любезно согласились подчиниться рѣшенію Пута.

Но бѣдный добрякъ сейчасъ же угадалъ общее настроеніе.

Бэнъ заглядѣлся и очутился па колѣняхъ у барыни...

— Нѣтъ, нѣтъ, — заговорилъ онъ, — я сдѣлалъ свое предложеніе, полагая, что оно придется вамъ по вкусу, но теперь вижу, что большинство не раздѣляетъ моего мнѣнія, а потому побѣжимъ дальше. Я, право, совсѣмъ не усталъ.

Молодые люди закричали «ура» и съ новой энергіей весело пустились бѣжать.

Да, весело, за исключеніемъ бѣднаго Пута; онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы скрыть свою усталость, и, молча, почти не дыша, старался не отставать отъ другихъ. Тщетныя усилія! Его плотная фигура дѣлалась какъ будто грузнѣе, а усталыя ноги дрожали отъ этого груза, все болѣе слабѣли и отказывались служить. Наконецъ кровь прилила ему къ головѣ; щеки и уши его пылали, онъ уже съ трудомъ видѣлъ происходившее передъ глазами, кровь немилосердно стучала въ вискахъ.

Съ нимъ сдѣлался обморокъ — этотъ послѣдній актъ чрезмѣрнаго утомленія и напряженія силъ. Несмотря на мужественное сопротивленіе, дрожь охватила его съ головы до пятъ, въ ушахъ и головѣ раздался глухой шумъ, и затѣмъ, потерявъ сознаніе, онъ грохнулся на затрещавшій подъ нимъ ледъ; онъ упалъ, какъ падаетъ быкъ отъ смертоноснаго удара на бойнѣ.

Товарищи обернулись и увидали его распростертымъ на льду. Бэнъ и Петеръ бросились къ нему.

— Яковъ! Яковъ! — кричали они.

Но Яковъ ихъ не слышалъ.

Ламбертъ, Лудвигъ и даже Карлъ поспѣшили къ нимъ. Общими усиліями они кое-какъ приподняли Якова. Его багровое за минуту передъ тѣмъ лицо теперь покрылось мертвенной блѣдностью; оно было точно мраморное, и даже выраженіе всегдашняго добродушія исчезло съ него.

Образовалась толпа. Петеръ разстегнулъ шубу и платье Якова, теръ ему снѣгомъ виски; практическій Бэнъ вдувалъ воздухъ въ полуоткрытый ротъ его.

— Отойдите, пожалуйста, господа, — просилъ Петеръ: — больному нуженъ прежде всего воздухъ.

— Не держите его въ сидячемъ положеніи, — посовѣтовала какая-то женщина изъ толпы: — положите его.

— Поставьте его на ноги! — кричалъ другой.

— Растирайте ему покрѣпче грудь, — говорилъ какой-то рыбакъ. — Валяйте, трите его, не жалѣйте!

— Влейте ему въ ротъ вина, — промычалъ одинъ толстякъ, управлявшій лодкой.

— Да, да, отлично, дайте ему вина! — кричали со всѣхъ сторонъ.

Лудвигъ и Ламбертъ подхватили:

— Вина, вина! У кого есть вино?

Самый заспанный изъ окружавшихъ ихъ голландцевъ началъ таинственно шарить подъ своей тяжелой шубой, не переставая ворчать:

— Да не шумите такъ, господа, не шумите! Этакій срамникъ, въ обморокъ упалъ, точно дѣвочка!

— Намъ нужно вина, а не наставленія ваши! — закричалъ съ нетерпѣніемъ Петеръ, усердно растиравшій съ помощью Бэна грудь Якова.

Лудвигъ съ мольбой протянулъ руку къ старому голландцу, все еще шарившему въ своихъ карманахъ.

— Скорѣе, скорѣе, мингеръ! Онъ умираетъ! Да нѣтъ ли еще у кого-нибудь вина, кто бы съ нимъ легче разстался, чѣмъ этотъ господинъ?

— Онъ умеръ! — произнесъ вдругъ кто-то изъ зрителей.

Эти слова подѣйствовали на старика.

— Ну, вотъ, возьмите, — сказалъ онъ, подавая, наконецъ, склянку, — да осторожнѣе, много не давайте: это очень крѣпко.

И въ самомъ дѣлѣ нѣсколькихъ капель было достаточно. Легкій румянецъ разлился по блѣдному лицу Пута. Глаза открылись наполовину, опять закрылись, потомъ бросили кругомъ недоумѣвающій взглядъ. Онъ машинально отвелъ руки, державшія его, и сконфуженно сталъ приводить въ порядокъ разстегнутое платье.

— Ахъ, какъ ты, милый, напугалъ насъ! — говорилъ Бэнъ, обнимая его.

Въ то же время Петеръ съ другой стороны ласкалъ его, гладя рукой по волосамъ.

— Друзья мои, — заговорилъ, наконецъ, Путъ, тронутый этими ласками, — я... я... просто большой дуракъ, ни на что не годный. Вамъ было бы гораздо лучше оставить меня дома. Сколько хлопотъ я вамъ причинилъ.

— Вотъ еще выдумалъ, — заговорили вдругъ Ламбертъ, Лудвигъ и даже Карлъ. — Мы сами виноваты; надо было дать тебѣ отдохнуть, тогда, навѣрное, ничего бы не случилось.

Нашимъ друзьямъ теперь ничего другого не оставалось, какъ доставить Якова такъ или иначе въ Лейденъ. Разсчитывать, что онъ самъ туда доберется, было немыслимо. Каждый безъ исключенія теперь только о томъ и думалъ, какъ бы взобраться на одну изъ бѣжавшихъ мимо барокъ на парусахъ и устроить тамъ получше бѣднаго Пута. Дулъ южный попутный вѣтеръ, и если бы только судьба послала имъ сговорчиваго лоцмана, все могло бы устроиться какъ нельзя лучше.

Петеръ окликнулъ первую бѣжавшую мимо лодку: матросы, стоявшіе у руля, даже не взглянули на него. Еще три барки промчались мимо, — правда, онѣ были переполнены народомъ. Затѣмъ еще маленькая лодочка промчалась какъ стрѣла, и наши путешественники не успѣли моргнуть глазомъ, какъ ея и слѣдъ простылъ. Въ отчаяніи они уже рѣшились итти до ближайшей деревни, поддерживая на рукахъ Пута.

Въ это самое время показалась новая лодка. Петеръ окликнулъ ее, почти не разсчитывая на успѣхъ, и замахалъ шляпой.

Парусъ опустили, раздался шумъ тормоза, и съ мостика послышался пріятный голосъ:

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Не можете ли вы взять насъ къ себѣ въ лодку? — заговорилъ Петеръ, торопясь и нагоняя лодку, которая остановилась нѣсколько впереди.

— Мы вамъ хорошо заплатимъ за это, — сказалъ Карлъ.

— А сколько васъ?

— Шестеро.

— Ладно, ладно, — сказалъ хозяинъ судна. — Сегодня вѣдь праздникъ св. Николая, полѣзайте въ лодку! А этотъ молодой человѣкъ, вѣрно, нездоровъ? — прибавилъ онъ, указывая на Пута.

— Да, отъ усталости... Вѣдь мы бѣжимъ отъ самаго Брука, — отвѣтилъ Петеръ. — А вы ѣдете въ Лейденъ?

— Это смотря по вѣтру. Теперь онъ попутный. Ну, карабкайтесь скорѣе.

Бѣдный Яковъ! Если бы ему теперь явилась на помощь будущая госпожа Путъ, было бы какъ разъ кстати. Соединенными силами молодымъ людямъ едва удалось поднять и втащить Якова въ лодку. Когда всѣ взобрались на палубу, капитанъ, не переставая курить

свою трубку, распустилъ парусъ, отпустилъ тормозъ и, скрестивъ руки, усѣлся у руля.

— Ахъ, — весело закричалъ Бэнъ, — какъ мы быстро идемъ! Вотъ это называется «итти». Ну, что, Яковъ, лучше ли тебѣ?

— Да, гораздо лучше, спасибо, братецъ.

— Черезъ десять минутъ ты будешь совсѣмъ здоровъ. Отъ такой быстрой ѣзды точно крылья растутъ.

Путъ утвердительно кивнулъ головой, хлопая отяжелѣвшими вѣками.

— Но ты, Яковъ, не вздумай, пожалуйста, заснуть: слишкомъ холодно, чего добраго, замерзнешь.

— Я не засну, — отвѣчалъ увѣренно Яковъ.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ онъ уже храпѣлъ. Карлъ и Лудвигъ, глядя на него, расхохотались.

— Однако надо его разбудить, — сказалъ Бэнъ: — это очень опасно, — онъ можетъ замерзнуть. Яковъ, Яковъ!..

Капитанъ Петеръ счелъ своимъ долгомъ вступиться, такъ какъ товарищи Бэна бросились помогать ему и неистово тормошили Якова.

— Оставьте его въ покоѣ, не тормошите. Послушайте, развѣ человѣкъ, когда замерзаетъ, храпитъ такъ, какъ онъ храпитъ? Его надо только укрыть потеплѣе. Вотъ какой-то плащъ. Вы позволите? — обратился онъ къ хозяину.

Тотъ безмолвно изъявилъ свое согласіе.

— Ну, вотъ и прекрасно, — говорилъ Петеръ, бережно укутывая Якова плащомъ. — Теперь оставьте его въ покоѣ; онъ отдохнетъ и проснется бодрый и веселый, какъ бѣлка. Далеко ли мы отъ Лейдена, капитанъ?

— Не далѣе какъ на пару трубокъ, — отвѣчалъ голосъ, выходившій изъ облака табачнаго дыма. — Пуфъ,

пуфъ... можетъ-быть, на полторы трубки только... пуфъ, пуфъ... если попутный вѣтеръ продолжится... пуфъ, пуфъ...

— Что это онъ тамъ толкуетъ, Ламбертъ? — спросилъ Бэнъ, закрывавшій свои уши отъ пронзительнаго вѣтра, который рѣзалъ лицо.

— Онъ говоритъ, что мы отъ Лейдена на разстояніи почти двухъ трубокъ. Большая часть жителей канала мѣряетъ разстояніе временемъ, которое нужно для того, чтобы выкурить трубку, двѣ, три.

— Какъ это смѣшно, — сказалъ Бэнъ.

— Мало ли что. А развѣ у васъ, въ Англіи, нѣтъ ничего смѣшного? — обидѣлся Ламбертъ. — Есть, да еще хуже, вотъ хоть бы...

— Замѣчательно, — перебилъ его Петеръ, — что человѣкъ находитъ смѣшныя стороны только у другихъ, а не у себя.

— Ну, полно! Не будемъ ссориться изъ-за пустяковъ. Вы совершенно правы, и я вамъ скажу, что способъ ѣздить на лодкѣ подъ парусомъ по льду мнѣ нисколько не кажется смѣшнымъ, напротивъ — великолѣпнымъ, хотя у насъ, въ Англіи, онъ и не практикуется.

Лодка, дѣйствительно, летѣла; попадавшіеся по пути предметы мелькали необыкновенно быстро, и не успѣли молодые люди хорошенько оглядѣться, какъ уже на горизонтѣ показались остроконечныя крыши лейденскихъ домовъ.

Теперь, когда городъ былъ въ виду, пора было разбудить Якова. Не безъ труда растолкали его, но затѣмъ онъ вполнѣ оправдалъ предсказаніе Петера, — всталъ бодрый и веселый.

Хозяинъ барки сталъ было отказываться, когда Петеръ съ горячей благодарностью хотѣлъ вручить ему деньги.

— Нѣтъ, господа, не надо, — говорилъ онъ: — дѣло дѣломъ, а услуга пусть останется услугой.

Петеръ настаивалъ.

— Это такъ, — сказалъ онъ, — но неужели вы откажетесь купить для Николина дня гостинцевъ вашимъ дѣтямъ, которыхъ у васъ, вѣрно, не мало?

— О, что до этого, то ихъ у меня достаточно, хоть лодку нагружай. Благодарю васъ, что вспомнили о нихъ.

И онъ безъ дальнихъ разговоровъ протянулъ свою ладонь за деньгами.

Затѣмъ онъ сложилъ парусъ, опустилъ тормозъ, винтъ врѣзался въ ледъ и поднялъ ледяную пыль; лодка остановилась.

— До свиданія, капитанъ, до свиданія! — закричали молодые люди, схватили коньки и одинъ за другимъ попрыгали за бортъ. — Большое вамъ спасибо!

— До свиданія, до свиданія! — говорилъ ласково капитанъ и вдругъ спохватился. — Постойте, постойте, а мой плащъ?

Въ это время Бэнъ помогалъ своему кузену спуститься съ лодки.

«Чего это капитанъ такъ кричитъ?» подумалъ онъ и, взглянувъ на Пута, мгновенно догадался.

— Яковъ, да ты чужой плащъ уносишь!

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ смущенно Путъ, сбрасывая съ себя плащъ, сослужившій ему такую большую службу. — Бэнъ, голубчикъ, ты легче меня, отнеси плащъ капитану и поблагодари его за меня.

— Теперь, друзья мои, — сказалъ Петеръ, — главное — найти гостиницу.

ГЛАВА XI.

Мингеръ Клифъ и его запасы. — „Красный Левъ" становится опаснымъ.

Молодые люди вскорѣ нашли скромную гостиницу на Бридстритѣ. Какое-то чудовище въ видѣ льва было нарисовано на вывѣскѣ съ подписью «Красный Левъ. Хозяиномъ этой гостиницы былъ нѣкто Гуго Клифъ; ноги у него были короче чубука.

Наши шестеро школьниковъ страшно проголодались къ этому времени. Завтракъ въ Гарлемѣ только разбудилъ ихъ аппетитъ, разыгравшійся затѣмъ отъ быстраго бѣга на конькахъ и переѣзда на баркѣ.

— Ну-съ, почтеннѣйшій хозяинъ, давайте намъ какъ можно скорѣе все, что у васъ есть лучшаго изъ съѣстного, — произнесъ Петеръ не безъ важности.

— Я могу подать все, что вамъ угодно будетъ потребовать, — отвѣчалъ съ почтительнымъ поклономъ мингеръ Клифъ.

— Въ такомъ случаѣ давайте намъ поскорѣе сосисокъ и колбасъ.

— Увы, сударь, сосисокъ больше нѣтъ, и колбаса вся вышла!

— Ну, такъ каштановой похлебки, да побольше.

— Ахъ, молодой господинъ, и этого нѣтъ!

— Наконецъ дайте яицъ, да только поскорѣе.

— Зимнія яйца — плохое кушанье, — возразилъ хозяинъ, поднимая глаза въ потолокъ.

— И яицъ нѣтъ! Ну, такъ хоть бутерброды съ икрой...

Трактирщикъ всплеснулъ толстыми руками.

— Съ икрой! Да знаете ли вы, что икра здѣсь продается на вѣсъ золота?

Петеръ частенько ѣдалъ дома сандвичи съ икрой и не имѣлъ понятія о томъ, что стоитъ подобное кушанье.

— Да что же, наконецъ, у васъ есть, мингеръ?

— Что у меня есть? Да рѣшительно все, — невозмутимо отвѣчалъ Клифъ. — Во-первыхъ, ржаной хлѣбъ, во-вторыхъ, картофель, потомъ селедки, да самыя жирныя во всемъ Лейденѣ.

— Что вы на это скажете, друзья? — спросилъ Петеръ товарищей. — Годится?

— Конечно! — закричали ему въ отвѣтъ проголодавшіеся молодцы. — Пусть даетъ, что хочетъ, только бы поскорѣй.

Трактирщикъ удалился и съ тѣмъ же невозмутимымъ видомъ принесъ хлѣба и селедокъ; но куда дѣвалась его невозмутимость, когда онъ увидѣлъ, съ какой быстротой исчезли этотъ хлѣбъ и эти селедки. За селедками послѣдовалъ картофель, и онъ исчезъ такъ же быстро, затѣмъ въ видѣ десерта залежавшіеся и засохшіе пряники, которые трактирщикъ въ виду крайности вытащилъ изъ личнаго своего запаса и торжественно преподнесъ сверхъ счета. Наконецъ, уничтоживъ все поданное, молодые люди встали изъ-за стола и объявили, что сыты.

«Счастье, что такъ, — подумалъ про себя хозяинъ: — въ буфетѣ не осталось ни крошки».

Потирая руки, онъ обратился къ гостямъ съ вопросомъ:

— Господамъ потребуются постели?

— Постели? — спросилъ не безъ ироніи Карлъ. — Развѣ у насъ такой сонный видъ?

— Я этого не говорю, но вѣдь наступитъ же время, когда вы не откажетесь отъ хорошихъ постелей, а

мнѣ надо это напередъ знать, чтобы распорядиться согрѣть ихъ. Еще, слава Богу, никто въ гостиницѣ «Краснаго Льва» не ложился въ сырую постель.

— Что же, въ самомъ дѣлѣ, капитанъ, вернемся мы сюда на ночь или нѣтъ?—спросилъ Карлъ, обращаясь къ Петеру.

Трактиръ былъ не изъ блестящихъ, а Петеръ былъ избалованъ. Но что же дѣлать? Вѣдь условлено было не прихотничать.

— Почему нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Поѣли мы здѣсь хорошо, быть-можетъ, и выспимся хорошо.

— Такъ вотъ, хозяинъ, можете приготовить намъ комнаты къ девяти часамъ.

— У меня есть прекрасная комната съ тремя кроватями, вы отлично въ ней помѣститесь,—сказалъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ г. Клифъ.

— И отлично.

Какъ только вышли на улицу, Карлъ не менѣе выразительно засвисталъ.

— Что ты?—спросилъ Лудвигъ.

— Такъ, ничего. Господинъ хозяинъ «Краснаго Льва» и не подозрѣваетъ, какую битву мы учинимъ въ его прекрасной комнатѣ. Попрыгаютъ у насъ и подушки, и тюфяки, и все, что попадется подъ руку.

— Ну, ужъ нѣтъ,—сказалъ Петеръ,—я не позволю никакого безобразія; мы не лорды какіе-нибудь, чтобы бить и разорять, а потомъ за все платить. Кто бьетъ, тотъ вѣдь и платитъ, не забывайте этого. А мнѣ, господа, нужно оставить васъ на нѣкоторое время. Я долженъ до ночи разыскать доктора Бекмана, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ бѣдный Гансъ. Если онъ въ Лейденѣ, то я найду его безъ труда, такъ какъ онъ всегда, насколько мнѣ извѣстно, останавливается здѣсь въ гостиницѣ «Большого Орла». А что

касается васъ, друзья мои, то послѣ такого большого перехода отчего бы вамъ не улечься теперь же? Вы находите, что еще слишкомъ рано? Такъ что же вы намѣрены дѣлать? Хорошо, если бы вы показали нашему другу Бэну здѣшній музей. Я думаю, что онъ былъ бы не прочь.

— Отличная мысль, — сказали Лудвигъ и Ламбертъ.

Яковъ Путъ предпочелъ итти съ Петеромъ. Напрасно Бэнъ уговаривалъ его остаться дома и хорошенько отдохнуть. Онъ объявилъ, что чувствуетъ себя какъ нельзя лучше и что ему очень хочется взглянуть на городъ, котораго онъ еще никогда не видалъ.

— О, это ему не можетъ повредить, пускай идетъ, — сказалъ Ламбертъ. — А каковъ денекъ выдался: гдѣ-гдѣ мы не побывали и чего не повидали! Просто не вѣрится, что еще сегодня утромъ мы были въ Брукѣ.

— Я тоже очень пріятно провелъ время, — произнесъ Путъ, съ трудомъ удерживая зѣвоту, — но только мнѣ кажется, что мы уже цѣлую недѣлю въ дорогѣ.

Карлъ засмѣялся и пробормоталъ что-то въ родѣ того, что Яковъ походя спитъ.

— Тутъ мы разстанемся, господа. Время и мѣсто свиданія — восемь часовъ, гостиница «Краснаго Льва».

«Кабы Богъ далъ мнѣ встрѣтить доктора, — думалъ Петеръ, — и поскорѣе послать его къ отцу Ганса. То-то радость была бы ему!» И онъ попросилъ Пута, если можно, итти немного скорѣе.

Вечеромъ молодые люди сошлись у пылающаго очага въ гостиницѣ. Карлъ съ товарищами пришли первыми; вскорѣ за ними подоспѣли и Петеръ съ Яковомъ. Петеръ былъ очень огорченъ, что ему не удалось повидать доктора Бекмана, хотя во многихъ мѣ-

Гостиница „Краснаго Льва“.

стахъ, гдѣ онъ справлялся, ему говорили, что утромъ видѣли доктора въ Лейденѣ.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть, —сказалъ ему хозяинъ «Большого Орла», когда Петеръ обратился къ нему за справками. — Докторъ останавливается у меня всякій разъ, какъ бываетъ въ городѣ. Если бы кто-нибудь изъ городскихъ его дѣйствительно видѣлъ на улицѣ, то здѣсь не было бы отбою отъ желающихъ съ нимъ посовѣтоваться. Это вамъ наврали, — его нѣтъ и не было сегодня въ Лейденѣ.

— Говорятъ, онъ великій хирургъ? — замѣтилъ Петеръ.

— Да, самый знаменитый во всей Голландіи, а что толку въ томъ! Посмотрѣли бы, какой онъ бука. Недотрога! Это не христіанинъ, не человѣкъ, а медвѣдь какой-то! Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, онъ обозвалъ меня «скотомъ» здѣсь, при всемъ честномъ народѣ!

— Неужели?—воскликнулъ Петеръ, стараясь изобразить изумленіе и негодованіе.

— Да, сударь, скотомъ! — повторилъ трактирщикъ, сердито пыхтя своей трубкой. — Если бъ онъ не платилъ мнѣ такъ щедро и не привлекалъ такую кучу народа въ трактиръ, такъ я, кажется, лучше утопилъ бы его, чѣмъ далъ бы ему у себя комнату.

Трактирщикъ, однако, спохватился, не слишкомъ ли ужъ онъ разболтался передъ незнакомымъ человѣкомъ, и, перемѣнивъ тонъ, дѣловито спросилъ:

— Такъ что же вамъ, господинъ, нужно? Поужинать и постели? Слава Богу, всего этого въ гостиницѣ «Большого Орла» довольно.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, — поспѣшилъ успокоить его Петеръ, — но въ настоящую минуту мнѣ ничего, кромѣ доктора Бекмана, не нужно.

— Ищите его на лунѣ, а въ Лейденѣ его нѣтъ.

Но Петера не такъ-то легко было обезкуражить. Выслушавъ цѣлый потокъ грубыхъ рѣчей, онъ все-таки добился или, вѣрнѣе, купилъ у суроваго трактирщика позволеніе написать два слова доктору, и тотъ обѣщалъ вручить эту записку г. Бекману тотчасъ по его появленіи. Дѣлать нечего, надо было этимъ удовольствоваться.

Петеръ и Путъ вернулись въ дурномъ расположеніи духа въ трактиръ «Краснаго Льва».

Большая зала нижняго этажа въ гостиницѣ «Краснаго Льва» — гордость и радость хозяина. Онъ никогда не говоритъ про эту комнату: «Уберите и почистите ее», такъ какъ она, по его мнѣнію, образецъ великолѣпія и голландской чистоты. Дѣйствительно, все, что въ ней можно разглядѣть сквозь наполняющій ее табачный дымъ, представляетъ верхъ чистоты, которой только могутъ достигнуть щетка и мыло. Нельзя того же сказать про путешественниковъ, которыхъ въ данную минуту двое: оба флегматичные, плохо одѣтые, въ деревянныхъ башмакахъ, сидятъ у пылающей печи и молча сосутъ свои коротенькія трубки. Мингеръ Клифъ въ мягкихъ суконныхъ туфляхъ, короткихъ кожаныхъ панталонахъ и широкой зеленой курткѣ ходитъ по залѣ взадъ и впередъ. Прибавьте къ этому наваленную въ углу кучу коньковъ и шесть хорошо одѣтыхъ юнцовъ, безцеремонно развалившихся на деревянныхъ стульяхъ, и вотъ вамъ картина блестящей залы «Краснаго Льва» вечеромъ 6 декабря 18** года. На столѣ ужинъ: опять пряники, ржаной хлѣбъ, голландскія сосиски, бутылка утрехтской воды и кофейникъ съ какой-то подозрительной бурдой.

Но молодые люди слишкомъ голодны, чтобы критически относиться къ угощенію, — для нихъ все хорошо.

Только одинъ Бэнъ корчитъ гримасу. Зато Путъ, уморившійся въ поискахъ за докторомъ, ѣстъ съ особеннымъ аппетитомъ, приговаривая, что онъ давно такъ вкусно не ѣлъ. За десертомъ имъ пришло въ голову посчитать свои капиталы и урегулировать предстоящіе расходы. Покончивъ съ этимъ, они собрались на отдыхъ. Петеръ пошелъ впереди за мальчикомъ, несшимъ коньки и подсвѣчникъ, за нимъ и остальная компанія направилась въ хваленую комнату съ тремя кроватями.

Одинъ изъ двухъ гостей, находившихся въ залѣ, подошелъ къ буфету и спросилъ себѣ пива въ то время, какъ Лудвигъ выходилъ изъ залы.

— Не нравится мнѣ что-то этотъ господинъ,— шепнулъ онъ Карлу.

— Ба! Старый пьяница и все тутъ, — отвѣчалъ Карлъ, котораго одолѣвала дремота.

Лудвигъ засмѣялся не совсѣмъ искренно.

— Пьяница или нѣтъ, а только онъ мнѣ кажется подозрительнымъ.

— Вернись и посмотри на его товарища, — отвѣчалъ Карлъ: — быть-можетъ, тотъ тебѣ больше понравится.

— Нѣтъ, тотъ спитъ сномъ праведнаго.

Разговаривая такимъ образомъ, молодые люди добрели до прекрасной комнаты о трехъ кроватяхъ.

Толстая маленькаго роста дѣвушка ожидала ихъ у двери; она раскланялась и тотчасъ удалилась. Въ рукахъ у нея было какое-то орудіе съ деревянной рукояткой.

— Вотъ это я люблю, — сказалъ Ламбертъ Бэну.

— Что это такое?

— Грѣлка. Въ ней еще видны горячіе уголья, стало-быть, наши постели нагрѣты.

— Какія нѣженки голландцы, — сказалъ Бэнъ. — Я всю жизнь обхожусь безъ этого нагрѣванія.

Лудвигъ принялся между тѣмъ разсказывать Петеру содержаніе одной картины, видѣнной имъ на улицѣ и произведшей на него сильное впечатлѣніе. Онъ видѣлъ ее на выставкѣ у продавца эстамповъ во время прогулки. Это была очень посредственная гравюра, изображавшая двухъ свирѣпаго вида пиратовъ, связанныхъ другъ съ другомъ, спина къ спинѣ. Должно-быть, они совершили какое-нибудь ужасное преступленіе, потому что моряки готовились сбросить ихъ съ палубы въ море. Видъ у этихъ разбойниковъ былъ такой страшный и кровожадный, что онъ, Лудвигъ, надо сознаться, испытывалъ нѣкоторое удовлетвореніе, думая объ ожидающей ихъ казни. Онъ позабылъ бы, вѣроятно, объ этой картинѣ, если бы лицо человѣка въ нижней залѣ не напомнило ему собой одного изъ связанныхъ пиратовъ.

И вотъ, надурачившись вдоволь, какъ подобаетъ вырвавшемуся на свободу школьнику, и козлинымъ прыжкомъ очутившись въ нагрѣтой постели, Лудвигъ, тѣмъ не менѣе, къ собственному удивленію, сталъ про себя молиться, чтобы Господь избавилъ его ночью отъ тяжелыхъ сновидѣній, навѣянныхъ воспоминаніемъ о картинѣ.

Комната была холодная и мрачная. Огонь только что затопленнаго камина, казалось, самъ дрожалъ еще отъ холода и никого не могъ согрѣть. Окна съ мелкими стеклами блестѣли безъ занавѣсокъ; налощенный полъ тоже блестѣлъ какъ желтый листъ. У стѣны смирно стояло три соломенныхъ стула, соотвѣтственно числу кроватей. Все это напоминало скорѣе больничный покой, чѣмъ спальню. Во всякое другое время наши молодцы не вдругъ бы примирились съ мыслью лечь подвое на узкой кровати, но тутъ они были такъ утомлены, что, недолго думая и безъ всякихъ возраженій, улеглись попарно.

Одинъ Лудвигъ, какъ мы видѣли, сохранилъ еще нѣкоторую живость, а прочіе сейчасъ же разсудительно стали укладываться, поворочались немного и присмирѣли.

— Доброй ночи, товарищи! — крикнулъ изъ-подъ одѣяла Петеръ.

— Доброй ночи! — откликнулись всѣ, кромѣ Пута: онъ уже храпѣлъ рядомъ съ своимъ капитаномъ.

— Эй, вы, не чихайте такъ громко, — крикнулъ Карлъ: — Лудвигъ и безъ того дрожитъ со страху при малѣйшемъ шорохѣ!

— Неправда, — тихо протестовалъ Лудвигъ.

Между ними завязался споръ, который кончился словами Карла:

— Что до меня, то я не понимаю даже, что такое «страхъ». Напрасно ты, Лудвигъ, волнуешься.

Лудвигъ счелъ за лучшее не отвѣчать на это, тѣмъ болѣе, что ему очень хотѣлось спать.

Было около полуночи. Огонь въ каминѣ погасъ. Луна свѣтила въ окна, и свѣтъ ея отражался на гладкомъ желтомъ полу; поднимаясь все выше и выше, она какъ будто заглядывала во всѣ углы комнаты. Но, помимо луннаго блеска, на полу виднѣлось еще что-то, а наши заснувшіе молодцы и не подозрѣвали этого. Яковъ Путъ потихоньку да понемножку стащилъ на себя все одѣяло, и товарищу его Петеру снится по этому случаю, что онъ катается на конькахъ въ Ледовитомъ океанѣ.

Я сказалъ, что на полу виднѣлся не одинъ лунный свѣтъ; дѣйствительно, нѣчто тихо и безшумно ползло отъ двери.

Ахъ, Лудвигъ, Лудвигъ! Вотъ когда тебѣ слѣдовало бы проснуться. Разбойникъ, котораго ты видѣлъ на картинѣ, оказывается дѣйствительностью...

Но Лудвигъ спитъ, хотя сонъ его тревоженъ.

И храбрый Карлъ, который ничего не боится, тоже спитъ. Онъ видитъ себя во снѣ побѣдителемъ на бѣгахъ.

Ну, а Путъ? А Ламбертъ? А Бэнъ? Что же они не просыпаются? Увы, нѣтъ! Неужели никто изъ нихъ не предчувствуетъ опасности? Нѣтъ, они всѣ бредятъ бѣгами и призомъ. Картинка проносится во снѣ ихъ, улыбаясь и смѣясь; отъ времени до времени имъ слышатся величественные чудные звуки гарлемскаго органа, и на лицахъ ихъ блуждаетъ блаженная улыбка.

А «нѣчто» подползаетъ все ближе и ближе.

Петеръ, капитанъ Петеръ, опасность близка!

Петеръ не слышитъ голоса своего ангела-хранителя, но ему почудилось во снѣ, что онъ падаетъ съ ледяной горы, и онъ проснулся. Какъ ему холодно! Не открывая глазъ, онъ силится завладѣть принадлежащей ему по праву половиной одѣяла, но всѣ его старанія напрасны: одѣяло, простыня, накидка для ногъ—всѣмъ завладѣлъ ненасытный Яковъ. Тогда Петеръ открываетъ глаза и невольно оборачивается къ окну.

«Какая чудная луна... — думаетъ онъ. — Славный день будетъ завтра... Но что это? Что такое?..»

Онъ замѣтилъ черную движущуюся массу на полу.

Первымъ его движеніемъ было закричать караулъ и разбудить товарищей, но онъ во-время остановился. Онъ замѣтилъ въ рукѣ человѣка что-то блестящее, должно-быть, лезвее ножа. Страшно! Но Петеръ былъ не изъ робкихъ, и присутствіе духа не покинуло его.

Когда человѣкъ подымалъ голову, Петеръ закрывалъ глаза и притворялся спящимъ, но какъ только онъ опускалъ голову, Петеръ пронизывалъ его глазами.

Масса подвигалась и уже была въ одномъ шагѣ отъ кровати Петера. Тутъ разбойникъ положилъ ножъ на

полъ и протянулъ руку за платьемъ Петера, лежавшимъ на стулѣ. Планъ въ головѣ Петера созрѣлъ мгновенно. Онъ, какъ молодой тигръ, вскочилъ съ постели и осѣдлалъ ошеломленнаго вора, затѣмъ схватилъ лежавшій на полу ножъ и приставилъ его къ горлу злодѣя.

— Если ты шевельнешь хоть однимъ пальцемъ, я воткну тебѣ ножъ въ горло.

Затѣмъ, повернувшись къ спящимъ, закричалъ:

— Вставайте! Бэнъ, Ламбертъ, Лудвигъ, Карлъ, помогите! Путъ, проснись!

И въ то же время онъ всею тяжестью своего небольшого тѣла, но съ удесятеренной въ виду опасности силой давилъ лежавшаго подъ нимъ негодяя, не отнимая ни на минуту отъ его шеи ножа.

Разбойникъ хотѣлъ было вырваться, но почувствовалъ уколъ ножа и смирился. Петеръ ощущалъ въ себѣ силу гиганта. Путъ отъ его крика повернулся на другой бокъ, но проснуться не могъ.

— Вставайте! Вставайте! — кричалъ Петеръ, не мѣняя своего положенія. — Ради Бога! Что съ вами, умерли вы, что ли?

Нѣтъ, они не умерли. Ламбертъ и Бэнъ были уже на ногахъ.

— Что такое? Что случилось?

— А вотъ что: я держу разбойника, — отвѣчалъ спокойно Петеръ. — Онъ хотѣлъ насъ обокрасть, а въ случаѣ нужды и убить. Вотъ что, друзья: вытащите-ка изъ переплета кровати веревку. Не спѣшите, воръ не уйдетъ: я его держу крѣпко, а попытается бѣжать, такъ уложу на мѣстѣ.

Теперь, когда Петеръ былъ не одинъ и съ оружіемъ въ рукахъ, онъ отлично сознавалъ, что опасность ми-

новала, что она грозитъ одному только вору. А тотъ рычалъ и ругался, не смѣя пошевелиться.

Лудвигъ тоже вскочилъ. У него въ карманѣ былъ превосходный складной ножъ. Вотъ прекрасный случай употребить его въ дѣло. Во мгновеніе ока онъ обрѣзалъ веревку изъ постельной рамы, и въ рукахъ молодцовъ очутилось новое и надежное орудіе.

— Теперь, господа, — командовалъ Петеръ, — приподнимите руки этого негодяя и свяжите ихъ покрѣпче за спиной. Отлично! Извините, пожалуйста, если вамъ неловко... но что же дѣлать?..

— Свяжемъ ему и ноги, — предложилъ Бэнъ.

И возбужденные мыслью о пережитой опасности, они скрутили вору и ноги, такъ что ему и думать нечего было о сопротивленіи или бѣгствѣ.

Плѣнный перемѣнилъ тонъ: вмѣсто угрозъ и брани начались стоны и упрашиванія.

— Пощадите, господа, бѣднаго человѣка. Я — лунатикъ.

— Ладно, ладно, — возразилъ Ламбертъ, затягивая узлы. — Ты лунатикъ... ты спалъ... ну, мы тебя разбудимъ.

Воръ выругался и опять заговорилъ плачевнымъ голосомъ:

— Развяжите меня, милые господа, у меня дома пятеро человѣкъ дѣтей. Клянусь св. Бавономъ, я каждому изъ васъ дамъ по десяти флориновъ, если только вы меня выпустите.

— Нѣтъ, голубчикъ, ты ихъ на судѣ предлагай если хочешь.

Изъ устъ негодяя опять полились ругательства и угрозы.

— А ты бы, господинъ воръ, лучше помолчалъ, — сказалъ Ламбертъ, — иначе ты своими разговорами раз-

строишь нервы капитану, и ножъ, который онъ держитъ въ рукахъ, чего добраго, поближе познакомится съ твоей шкурой.

Воръ проникся этимъ предостереженіемъ и мрачно замолчалъ.

Въ это время привсталъ съ постели и Путъ и, не открывая глазъ, спросилъ:

— Что тутъ за шумъ?

— Что тутъ? — переспросилъ Лудвигъ, наполовину дрожа, наполовину смѣясь. — Работа тутъ есть даже и для тебя, милый Путъ. Вставай скорѣе да придави этого человѣка своей тушей, а мы пока одѣнемся, а то иззябли до полусмерти.

— Какого человѣка? — вскричалъ Путъ.

Но, окинувъ глазами картину, онъ уже все понялъ, величественно сошелъ съ постели и, весь закутанный въ одѣяло, грузно опустился на спину лежавшаго вора.

— Ну, теперь, друзья, онъ привинченъ, — одѣвайтесь.

— Молодецъ Путъ! — раздался общій возгласъ.

И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ великолѣпенъ.

Между тѣмъ Бэнъ зажегъ свѣчу.

Предусмотрительный Петеръ счелъ нелишнимъ осмотрѣть карманы вора; онъ вытащилъ оттуда заряженный пистолетъ.

— Храбрый Путъ, я снимаю тебя съ караульнаго поста: эта игрушка упраздняетъ твою должность. Одѣвайся. — И затѣмъ, обращаясь къ вору, прибавилъ: — Въ виду этихъ двухъ вещей — ножа и пистолета, которыми вы снабдили насъ, вы, конечно, понимаете, что угрожаетъ вамъ, если вы вздумаете бунтовать. Бэнъ, вручаю вамъ пистолетъ, — не спускайте глазъ съ этого молодца, пока мы съ Ламбертомъ сходимъ за полиціей.

— Встрѣча съ разбойникомъ, — сказалъ Бэнъ, вооружаясь пистолетомъ, — да еще съ настоящимъ! Я ужасно радъ!

— Да, но куда дѣвался Карлъ? — спросилъ кто-то.

— И вправду, гдѣ онъ? Что-то не видно было, чтобы онъ принималъ участіе въ нашей драмѣ.

— Да онъ, можетъ-быть, дрался съ разбойникомъ, ужъ не убитъ ли онъ? — сказалъ Лудвигъ.

— Не безпокойся, не таковскій онъ, — возразилъ Петеръ. — Посмотрите-ка лучше подъ кроватями.

Но и тамъ Карла не было.

Въ это время послышался грохотъ на лѣстницѣ. Бэнъ побѣжалъ отворить дверь. Трактирщикъ, какъ бомба, ввалился въ комнату, въ рукахъ у него было тяжелое ружье; двое или трое проѣзжихъ слѣдовали за нимъ; потомъ явилась дочь его съ кочергой въ одной рукѣ и подсвѣчникомъ въ другой, позади всѣхъ блѣдный, какъ смерть, доблестный Карлъ.

— Вотъ вашъ гость, — сказалъ Петеръ хозяину, указывая на лежавшаго на полу вора.

Хозяинъ прицѣлился. Дѣвушка громко вскрикнула.

— Не стрѣляйте, — остановилъ его Петеръ: — онъ крѣпко скрученъ. Перевернемъ его и посмотримъ ему въ лицо.

Тутъ Карлъ храбро выступилъ впередъ.

— Да, — заговорилъ онъ угрожающимъ голосомъ, — мы его повернемъ такъ, что ему не поздоровится. Слава Богу, что мы его поймали.

— Ба, ба! — наивно удивился Лудвигъ. — Гдѣ же это ты былъ, Карлъ, все время?

— Гдѣ я былъ? Я ходилъ народъ звать, тревогу бить.

Молодые люди насмѣшливо переглянулись; но они были слишкомъ заняты, чтобы сейчасъ же проучить Карла, къ тому же онъ былъ храбръ въ настоящую

минуту и съ помощью трехъ товарищей отлично перевернулъ вора.

Лудвигъ взялъ свѣчу и приблизилъ ее къ лежавшему теперь навзничь злодѣю, изрыгавшему ужасныя проклятія.

— Надо поближе разсмотрѣть этого Адониса, — сказалъ онъ.

Но не успѣлъ онъ окончить своей фразы, какъ отскочилъ, чуть не выронивъ подсвѣчника. Передъ глазами его былъ человѣкъ, котораго онъ утромъ видѣлъ на картинѣ и затѣмъ внизу за пивомъ. Неужели предчувствія сбываются?

— Друзья мои, — сказалъ Петеръ, — насъ судьба подѣломъ наказала; мы имѣли неосторожность считать нашъ капиталъ въ присутствіи этого человѣка, и онъ захотѣлъ воспользоваться свѣдѣніями, которыя мы ему великодушно доставили, — значитъ, мы сами отчасти виноваты въ происшедшемъ; мы ввели въ искушеніе его жадность, подставили лѣстницу вору.

Дочь трактирщика вышла изъ комнаты и вскорѣ возвратилась съ парой огромныхъ деревянныхъ башмаковъ въ рукахъ.

— Посмотри, отецъ, — сказала она, — вотъ его противныя лодки. Это тотъ самый человѣкъ, котораго мы помѣстили въ комнатѣ рядомъ съ молодыми господами. Мы поступили очень неосторожно, устроивъ молодыхъ гостей такъ высоко и далеко отъ себя, что въ случаѣ несчастія мы ихъ ни видѣть ни слышать не могли.

— Негодяй! — кричалъ трактирщикъ, дѣлая видъ, что не понимаетъ упрековъ дочери. — Мошенникъ, онъ обезчестилъ мой домъ. Сейчасъ бѣгу за полиціей.

Не прошло и четверти часа, какъ явились полицейскіе. Обязавъ г. Клифа на утро явиться вмѣстѣ съ молодыми людьми, они увели плѣннаго.

Читатель, пожалуй, думаетъ, что нашимъ героямъ было уже не до сна. Ошибается: Лудвигъ и Карлъ легли на полу. Не спалось только бѣдному Карлу: его самолюбіе что-то грызло.

«Какого же дурака я сыгралъ», говорилъ онъ себѣ, ворочаясь съ боку на бокъ.

ГЛАВА XII.

На судѣ. — Дворецъ въ лѣсу. — Дружескій пріемъ.

Дочь трактирщика поднялась ни свѣтъ ни заря и принялась усердно хлопотать о завтракѣ для молодыхъ господъ. У хозяина былъ громкій китайскій бубенъ, которымъ онъ обыкновенно будилъ рабочихъ; инструментъ этотъ равнялся, по крайней мѣрѣ, дюжинѣ колоколовъ; но въ это утро дѣвушка не допустила ударять въ него, чтобы не безпокоить спящихъ.

— Дайте выспаться бѣднымъ господамъ, а я пока успѣю имъ приготовить завтракъ.

И только въ десять часовъ капитанъ и за нимъ вся его армія спустились въ нижній этажъ.

— Давно пора, — насмѣшливо замѣтилъ имъ хозяинъ: — заставлять себя ждать въ судѣ не приходится. Нечего сказать, удружили, поддержали честь гостиницы! — Но, спохватясь, договорилъ серьезно: — Надѣюсь, господа, что вы будете свидѣтельствовать по чести и совѣсти и покажете на судѣ, что въ гостиницѣ «Краснаго Льва» васъ накормили превосходно и помѣщеніе дали удобное...

— Само собой разумѣется, — возразилъ успѣвшій уже оправиться отъ смущенія Карлъ. — Мы скажемъ, что нашли у васъ, сверхъ того, прекрасное обще-

ство джентльменовъ, которые, впрочемъ, имѣютъ дурную привычку дѣлать непрошенные визиты немножко поздно...

Г. Клифъ пристально взглянулъ на него и ограничился однимъ многозначительнымъ: гмъ! гмъ!

Не такъ поступила бойкая трактирщица: она подскочила къ Карлу и, тряся у него подъ носомъ бронзовыми подвѣсками въ ушахъ, сказала:

— Надо полагать, эти визиты, молодой господинъ, были вамъ не очень-то пріятны, судя по тому, какъ быстро вы отъ нихъ сбѣжали къ намъ въ кухню...

— Дерзкая! — прошипѣлъ Карлъ, сжимая кулаки.

А поваренокъ за спиной дѣвушки такъ и покатывался со смѣху.

Послѣ завтрака г. Клифъ съ дочерью и молодые люди отправились въ судъ. Показанія хозяина неуклонно вертѣлись на восхваленіяхъ гостиницы «Краснаго Льва»; онъ утверждалъ, что до этой злополучной ночи никогда ни одно происшествіе не омрачало его заведенія и что домъ его — самый почтенный во всемъ городѣ. Молодые люди по очереди показывали, что имъ было извѣстно о ночномъ происшествіи, согласно утверждая, что воръ былъ одинъ изъ посѣтителей трактира, котораго они видѣли въ тотъ вечеръ въ общей залѣ.

Лудвигъ былъ немного удивленъ, убѣдившись, что воръ — человѣкъ средняго роста, отнюдь не гигантъ, какимъ онъ представлялся ему ночью. Путъ объявилъ, что проснулся отъ борьбы, происходившей между Петеромъ и воромъ; остальные, напротивъ, показали, что воръ не оказывалъ ни малѣйшаго сопротивленія послѣ того, какъ ему пригрозили ножомъ. Трактирщица заставила покраснѣть Петера и улыбнуться судей, когда

положительно заявила свое мнѣніе, что всѣ молодые господа обязаны своимъ спасеніемъ «вотъ этому красавчику», и она указала пальцемъ на Петера; у разбойника былъ длинный острый ножъ и пистолетъ, и онъ могъ всѣхъ прикончить; молодой красавчикъ только изъ скромности молчитъ, а навѣрное, ему таки пришлось поработать съ воромъ.

Въ концѣ-концовъ, послѣ того, какъ всѣ показанія были записаны, судьи отпустили свидѣтелей, а обвиняемаго отправили въ тюрьму.

— Негодяй! — вскричалъ Карлъ, когда всѣ вышли на улицу. — На твоемъ мѣстѣ, Петеръ, я бы его тутъ же придушилъ.

— Счастье его, въ такомъ случаѣ, что онъ попалъ въ болѣе милостивыя руки, — спокойно отвѣтилъ Петеръ. — Кажется, ужъ онъ разъ былъ осужденъ за кражу со взломомъ. На этотъ разъ кража ему не удалась, тѣмъ не менѣе онъ сломалъ задвижку, къ тому же былъ вооруженъ, — это увеличиваетъ его вину.

— Ахъ, бѣдняжка! Ты его точно родного брата жалѣешь, — сказалъ насмѣшливо Карлъ.

— Да онъ и мнѣ и тебѣ, Карлъ Шуммель, братъ; ты, кажется, объ этомъ забылъ. Богъ знаетъ, что было бы съ нами, если бы мы были бѣдны, не обезпечены и ничему хорошему не научены. Мы, можно сказать, въ хлопкахъ выросли, такъ усердно насъ отъ самаго рожденія ограждали отъ порока. Можетъ-быть, иная среда, лучшіе родители, — и изъ этого человѣка вышло бы что-нибудь иное. Дай Богъ, чтобы наказаніе его исправило, а не погубило.

— Аминь, воистину такъ, Петеръ, — сказали его товарищи. — Ты дѣйствовалъ храбро и говорилъ великодушно.

— Гмъ! — промычалъ Карлъ. — Конечно, это очень мило и великодушно извинять такого изверга, но я не виноватъ, что созданъ иначе. Такая ужъ у меня натура, что всѣ эти прекрасныя идеи отскакиваютъ отъ меня, какъ отъ стѣны горохъ.

— Напрасно ты хочешь казаться хуже, чѣмъ ты есть на самомъ дѣлѣ, — замѣтилъ добродушно Путъ. — У каждаго изъ насъ достаточно природныхъ недостатковъ и нѣтъ никакой надобности еще прилыгать на себя изъ хвастовства. Если у тебя, Карлъ, въ самомъ дѣлѣ было столько пороковъ, сколько ты себѣ приписываешь, то, полагаю, никто не пожелалъ бы считать тебя своимъ другомъ, а между тѣмъ ты и сейчасъ видишь противное.

Карлъ, сбитый съ позиціи, замолчалъ.

— Друзья мои, — сказалъ Петеръ, — мнѣ необходимо разыскать доктора Бекмана, а вы пока поводите Бэна по Лейдену. Интересный городъ, Бэнъ. Вѣдь это, знаете, классическій городъ философіи и всякой учености. Здѣшній университетъ можно упрекнуть только развѣ въ нѣкоторой рутинности: такъ, напримѣръ, онъ осудилъ философію Декарта за несогласіе ея съ философіей Аристотеля. Лейденъ — отечество знаменитыхъ издателей Эльзевировъ. Ихъ прекрасныя книги...

— Напечатанныя на французской бумагѣ, французскими литерами, — сказалъ Бэнъ. — Знаю, знаю!

— Однако этотъ Бэнъ рѣшительно все знаетъ, — замѣтилъ Петеръ. — Теоретически онъ лучше насъ знаетъ нашу страну. Бэнъ, вы положительно дѣлаете честь своимъ англійскимъ учителямъ.

Бэнъ скромно поклонился. Петеръ продолжалъ:

— Лейденъ выдержалъ самую жестокую послѣ Гарлема осаду испанцевъ.

Бойкая трактирщица подскочила къ Карлу.

— Жаль только, что одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ испанцевъ не принималъ участія въ этой осадѣ, а ему какъ разъ были бы здѣсь враги по плечу. Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, донъ-Кихоту не сразиться со всей этой арміей вѣтряныхъ мельницъ? Мнѣ кажется, Лейденъ самый вѣтреный городъ въ свѣтѣ.

— Недостаетъ только, чтобы Бэнъ зналъ, сколько мельницъ въ Лейденѣ.

— Знаетъ: девяносто восемь; но, конечно, онъ ихъ не считалъ. Да неужели же вы, Ламбертъ, думаете, что англичанинъ, собирающійся посѣтить такую любопытную страну, какъ ваша Голландія, не запасается всевозможными свѣдѣніями изъ путеводителей? На одной изъ этихъ вѣтряныхъ мельницъ родился Рембрандтъ. Жераръ Дау, Метцу, Міэрисъ тоже родились въ Лейденѣ... Бергавъ, Іоаннъ Лейденскій...

— Будетъ, будетъ! — закричали всѣ. — Что за память!

— Согласенъ, — сказалъ Бэнъ. — Но разъ я нахожусь въ Лейденѣ, я желалъ бы познакомиться съ городомъ не изъ однѣхъ только книгъ. Надѣюсь, вы будете столь любезны, что поможете мнѣ въ этомъ.

— О, да, мы будемъ столь любезны! — закричали всѣ. — Идемте, Бэнъ. Съ вами нашъ трудъ даромъ не пропадетъ.

Послѣ того, какъ наши юноши осмотрѣли всѣ памятники и достопримѣчательности города, о которыхъ мы не будемъ распространяться, у нихъ возгорѣлся споръ.

Мельница Лейдендорфъ, гдѣ родился Рембрандтъ, находилась въ милѣ разстоянія отъ города. Бэну очень хотѣлось посѣтить ее. Но до мельницы была миля, а до трактира, гдѣ готовился завтракъ и куда долженъ

былъ вернуться Петеръ, было всего два шага; поэтому, въ силу поговорки: «Голодное брюхо къ ученью глухо», большинство рѣшило, что Бэнъ ничего не потеряетъ, если не увидитъ названной мельницы, такъ какъ ничего особеннаго она изъ себя не представляетъ, а всѣ выиграютъ, если поторопятся къ столу.

Вернулись въ трактиръ. Какой роскошный завтракъ ихъ ожидалъ! Всѣ были веселы, за исключеніемъ Петера. Докторъ Бекманъ былъ всюду, только не тамъ, гдѣ онъ его искалъ. По всѣмъ справкамъ выходило, что докторъ утромъ оставилъ городъ.

Петеръ былъ въ отчаяніи, что не исполнилъ порученія Ганса.

Компанія, между тѣмъ, работала усердно, затѣмъ рѣшила, что послѣ такого великолѣпнаго завтрака въ Лейденѣ больше дѣлать нечего; всѣ начали привязывать коньки. Друзья наши находились теперь въ 13 миляхъ отъ Гайя, немного болѣе усталые, чѣмъ наканунѣ, когда они покидали Брукъ, но бодрость у всѣхъ была налицо. Тронулись въ путь.

На полномъ ходу они поминутно лазили въ карманы и вытаскивали оттуда пряники, которые затѣмъ исчезали съ необыкновенной быстротой у нихъ на зубахъ. Это неимовѣрное истребленіе пряниковъ поразило Бэна.

Пробѣжали 12 миль; еще нѣсколько усилій — и они у цѣли. Ламбертъ предложилъ для разнообразія войти въ Гайя со стороны лѣса.

— Отлично, — былъ общій отвѣтъ.

Коньки были сняты въ одну минуту.

Лѣсъ Гайя — большой паркъ въ двѣ мили длины, знаменитый толщиной и ростомъ своихъ великолѣп-

ныхъ буковъ. Въ центрѣ парка находится прелестный домикъ, гдѣ иногда гоститъ королева.

Домъ этотъ для дворца очень простъ снаружи, но изящно убранъ внутри и украшенъ превосходными картинами Іордана. На окружающій его лѣсъ привыкли смотрѣть, какъ на нѣчто священное. Тутъ даже дѣтямъ не позволяютъ сломать прутика, звукъ топора здѣсь никогда не раздается. Войны и мятежи — и тѣ щадятъ эту святыню.

И въ этотъ зимній вечеръ, о которомъ мы говоримъ, лѣсъ Гайя былъ необыкновенно хорошъ. Заходящее солнце никогда еще не казалось Петеру такимъ прекраснымъ, да и самый Гайя никогда еще не манилъ его къ себѣ такъ сильно: тамъ жила его сестра, и въ домѣ ея онъ разсчитывалъ найти не только удобный, но и роскошный пріемъ для себя и товарищей.

— Наконецъ-то, господа, мы отдохнемъ какъ слѣдуетъ. Такой ночлегъ, какой мы имѣли въ гостиницѣ «Краснаго Льва», учитъ еще болѣе цѣнить родной кровъ.

И въ самомъ дѣлѣ, сестра Петера оказала молодымъ людямъ самый радушный пріемъ. Послѣ недолгой бесѣды съ милой и умной хозяйкой ихъ пригласили къ обильному столу, и юноши съ восторгомъ уписывали вкусныя изящно-поданныя кушанья, запивая ихъ виномъ.

Сестра Петера очень скоро узнала похожденія молодой компаніи со всѣми подробностями. Ничто не было забыто: что пропускалъ одинъ, то дополнялъ другой. Для такой Одиссеи требовалось, дѣйствительно, не менѣе пяти-шести разсказчиковъ.

— Остается тебѣ, Петеръ, — сказала сестра, когда они кончили свой разсказъ, — сообщить о своихъ при-

ключеніяхъ родителямъ въ Брукѣ и въ видѣ заключенія прибавить, что вы всѣ попали въ плѣнъ.

Молодые люди съ недоумѣніемъ переглянулись. Петеръ понялъ и смѣясь отвѣтилъ, что ничего такого онъ въ Брукъ не напишетъ, такъ какъ они завтра чуть свѣтъ должны выступить обратно.

Но гостепріимная хозяйка рѣшила иначе, и не такъ-то легко заставить голландку отказаться отъ разъ задуманнаго плана. Она такъ усердно уговаривала товарищей брата, такъ соблазняла ихъ обѣщаніями разныхъ удовольствій и забавъ, что юноши распустили уши и болѣе не противорѣчили. Было рѣшено, что они пробудутъ въ Гайѣ два дня.

Они стали разсказывать хозяйкѣ о предстоящемъ состязаніи на конькахъ и упрашивать ее присутствовать на праздникѣ. Г-жа ванъ-Гендъ, въ свою очередь, охотно дала себя уговорить.

— Итакъ, — сказала она Петеру, — я буду свидѣтельницей твоего торжества, — вѣдь конькобѣжца искуснѣе тебя я не встрѣчала.

Петеръ покраснѣлъ и закашлялся. Но слово было сказано, — его не вернешь. Петеръ смолчалъ. За него отвѣтилъ Карлъ:

— Петеръ, конечно, бѣгаетъ прекрасно, но борьба будетъ не легкая. Вся молодежь въ Брукѣ бѣгаетъ отлично и приметъ участіе въ состязаніи, не исключая босоногой команды.

Послѣднее замѣчаніе было пущено по адресу Ганса.

— Тѣмъ интереснѣе будутъ бѣга, — отвѣтила г-жа ванъ-Гендъ. — Я, конечно, каждому изъ васъ желаю быть побѣдителемъ.

Тутъ появился мингеръ ванъ-Гендъ, зять Петера. Какъ только онъ дружески со всѣми поздоровался и заявилъ, что онъ очень радъ, что жена догадалась задержать ихъ, всѣмъ стало очень весело. Видно было, что мингеръ ванъ-Гендъ что̀ думаетъ, то и говоритъ.

Переговорили обо всемъ, побывали и въ Анверѣ и вернулись обратно, заглянули чуть не во всѣ уголки Голландіи, но вѣдь и языки устаютъ, и имъ нуженъ отдыхъ. Время за ужиномъ пролетѣло незамѣтно, пробилъ часъ ко сну.

Быть-можетъ, кой-кому хотѣлось и еще поболтать, но въ домѣ ванъ-Генда порядки были строгіе, и послѣ ласковаго «спокойной ночи» ничего не оставалось, какъ только разойтись.

На утро всѣхъ раньше поднялся Петеръ. Зная аккуратность зятя, онъ озаботился поднять всѣхъ вовремя. Всего труднѣе было, конечно, разбудить Пута, это удалось не безъ насилія. Петеръ съ помощью Бэна и Ламберта подняли Якова и въ одной рубашкѣ опустили на холодный паркетъ.

Петеръ написалъ матери, что возвращеніе ихъ замедлилось на два дня. Въ письмѣ этомъ онъ просилъ передать Гансу, что, несмотря на всѣ усилія и къ величайшему его сожалѣнію, ему не удалось нигдѣ найти доктора Бекмана, но что онъ оставилъ въ той гостиницѣ, гдѣ всегда останавливается докторъ, убѣдительную просьбу вмѣстѣ съ письмомъ Ганса — навѣстить какъ можно скорѣе больного. «Скажите ему, — писалъ Петеръ, — что я непремѣнно справлюсь о докторѣ и на обратномъ пути черезъ Лейденъ. Бѣдный Гансъ почему-то увѣренъ, что докторъ не замедлитъ прійти, какъ только узнаетъ о болѣзни старика, а мнѣ плохо вѣрится, чтобы суровый докторъ исполнилъ его желаніе. Не лучше ли было бы послать къ больному какого-

нибудь другого доктора изъ Амстердама, если только вдова Бринкеръ согласится промѣнять на кого-либо царя хирургіи, вскружившаго ей голову.

«Вы знаете, мама, — писалъ дальше Петеръ, — что я всегда считалъ домъ сестры самымъ тихимъ и спокойнымъ въ мірѣ, но съ нашимъ прибытіемъ все измѣнилось; сестра говоритъ, что мы разогрѣли домъ ея на всю зиму. Мужъ ея необыкновенно милъ и любезенъ со всѣми нами. Онъ жалѣетъ, что не всегда гнѣздо его наполнено птенцами въ родѣ насъ. Онъ обѣщалъ намъ дать покататься на его чудныхъ вороныхъ лошадяхъ. Онѣ смирны, говоритъ онъ, какъ маленькіе котята. Бэнъ отличный наѣздникъ, да и вашъ сынъ не плохой. Яковъ поѣдетъ на смирномъ пони. Съ тремя наемными лошадьми въ придачу вся наша компанія, подъ предводительствомъ зятя, объѣдетъ всѣ улицы города и всѣ мѣста для прогулки около города. Любимая сестрина лошадь хромаетъ, а на другую она сѣсть не хочетъ, поэтому она не приметъ участія въ нашей прогулкѣ. Если бы не забота о Гансѣ и докторѣ Бекманѣ, я былъ бы теперь совершенно счастливъ. Лудвигъ уже и securityнаваніе намъ придумалъ: «Брукская кавалерія». Надѣюсь, что въ общемъ наша кавалерія будетъ имѣть внушительный видъ. Гай со своими широкими улицами, большими площадками и чуднымъ лѣсомъ, кажется, созданъ для подобныхъ прогулокъ».

Брукская кавалерія не ошиблась въ расчетѣ: она, дѣйствительно, произвела въ городѣ впечатлѣніе.

По возвращеніи съ прогулки молодые люди собрались въ залѣ и окружили огромную изразцовую голландскую печь. Они нашли, что это вещь необыкновенно удобная: тутъ, не толкая другъ друга и не рискуя обжечь своего носа, они всѣ могли отлично погрѣть свои спины и руки. Этой печью можно бы

было, кажется, согрѣть весь городъ, — такъ она была велика; бѣлоснѣжные бока ея и мѣдныя ручки блестѣли ослѣпительно. И только неблагодарный Бэнъ про себя вспоминалъ веселые французскіе камины съ фантастической игрой пламени, съ которыми онъ познакомился во время своего пребыванія во Франціи.

Бэнъ нашелъ, что Гай изъ всѣхъ голландскихъ городовъ наименѣе голландскій, нѣкоторые кварталы напомнили ему Францію, Нанси скорѣе всего, и даже Англію. Даже наиболѣе замѣчательное въ Гайѣ произведеніе искусства — «урокъ анатоміи» Рембрандта — совсѣмъ иного стиля, чѣмъ «ночной обходъ» его же въ Амстердамѣ.

Музей въ Гайѣ полонъ достопримѣчательностей: историческихъ памятниковъ, иностранныхъ рѣдкостей, любопытныхъ коллекцій китайскихъ, японскихъ и вообще восточныхъ, не считая залъ съ картинами. Но всѣ эти чудеса понемногу сглаживаются, блѣднѣютъ въ памяти, и только «уроку анатоміи» Рембрандта и «волу» Поттера суждено было навсегда запечатлѣться въ памяти Бэна. Несправедливо было бы не сказать о томъ, какъ Бэнъ вспомнилъ о своемъ братцѣ и сестрицѣ, глядя на искусное и отчетливое воспроизведеніе въ страшно уменьшенномъ видѣ острова Дезимы въ Японіи. Онъ смотрѣлъ и дивился на эти сотни крошечныхъ людей въ національныхъ костюмахъ: одни стояли, другіе нагибались и поднимали разные орудія и инструменты; всѣ были заняты, всѣ работали съ усердіемъ; въ открытыя двери хижинъ можно было видѣть всю внутреннюю обстановку ихъ жизни, — иллюзія была полная. Въ другой залѣ его поразилъ игрушечный домъ съ куклами, устроенный въ большой раковинѣ, — это цѣлое хозяйство голландской семьи, это вся Голландія. Какая прекрасная и назидательная игрушка не только для ма-

Заняли его и маленькія телѣжки, запряженныя собаками.

леньких дѣтей, но и для большихъ! Какой это чудесный подарокъ былъ бы для Гретели, Гильды, Катринки и даже для гордой Рахили!

Бѣгая по улицамъ Гайя, Бэнъ удивленъ былъ необыкновенной безшумностью, съ которой голландскіе рабочіе выполняютъ свои работы. Нельзя быть тише и скромнѣе: ни суеты, ни пѣсенъ, ни разговоровъ, — все дѣлается молча. Извѣстное движеніе трубкой, рукой, головой — вотъ достаточные для нихъ краснорѣчивые сигналы.

Цѣлыя барки, полныя сыру или бочекъ съ зельдями, разгружались и переносились въ магазины, и при этомъ рабочими не произносилось ни одного живого слова. Прохожіе должны сами о себѣ заботиться, чтобы не получить толчка при такихъ работахъ: голландецъ за работой считаетъ себя въ правѣ не обращать вниманія на прохожихъ. Такимъ образомъ философъ Путъ получилъ цѣлый кругъ сыру на голову и позволилъ себѣ при этомъ только поморщиться. Бэнъ сталъ было его утѣшать, но онъ флегматично замѣтилъ, что «это ничего».

— Такъ зачѣмъ же ты сдѣлалъ гримасу, когда сыръ стукнулъ тебя по головѣ?

— А я не люблю этого сорта сыра, — отвѣтилъ Путъ.

ГЛАВА XIII.

День покоя. — Возвращеніе. — Дѣвочки и мальчики.

Вниманіе Бэна мимоходомъ остановилось на гнѣздахъ аистовъ. Эти птицы пользуются здѣсь, какъ и въ Альзасѣ, особыми правами: ихъ почитаютъ чуть ли не священными. Никто не рѣшится помѣшать аисту устраивать гнѣздо на своей крышѣ, какъ бы это ни было

стѣснительно, хотя бы онъ устраивалъ его въ печной трубѣ; напротивъ, на крышѣ ставятъ иногда старое колесо, чтобы привлечь птицъ къ своему дому. Въ данную минуту гнѣзда были пусты: обитатели ихъ улетѣли на зиму въ теплые края.

Не ускользнуло отъ Бэна и изображеніе на дверяхъ всякой аптеки головы турка съ ужасной гримасой человѣка, готовящагося принять противное лѣкарство.

Заняли его и маленькія телѣжки, запряженныя собаками, въ которыхъ торговцы молокомъ или селедками развозятъ по городу свой товаръ; распродавъ его, они усаживаются сами въ пустыя телѣжки, и собака везетъ своего лѣниваго хозяина домой. Яковъ Путъ по этому поводу разсказалъ Бэну, что въ Гайѣ есть школы для собакъ, гдѣ болѣе усердныя и смышленыя получаютъ даже награды, и предлагалъ осмотрѣть такое заведеніе, но все видѣть и все узнать оказывается всюду и во всѣ времена невозможнымъ.

Какъ всему бываетъ конецъ, такъ и пребыванію нашихъ молодыхъ людей въ Гайѣ наступилъ конецъ. Они и такъ ужъ провели три дня и три ночи подъ гостепріимнымъ кровомъ ванъ-Гендовъ и за это время ни разу не вспомнили о своихъونькахъ. Послѣдній день былъ посвященъ отдыху передъ походомъ. Кстати и въ городѣ суета и движеніе замѣнились полнымъ затишьемъ. Воскресный звонъ колоколовъ привелъ юношей къ мыслямъ другого рода. Этотъ звонъ, какъ бой часовъ, вѣщаетъ одно и то же сердцу каждаго человѣка.

И молодежь, сопровождаемая супругами ванъ-Гендъ, направила шаги свои по улицамъ, заполоненнымъ народомъ, къ одной изъ старинныхъ городскихъ церквей, гдѣ и выслушала воскресное богослуженіе.

Въ понедѣльникъ, рано утромъ, молодые люди простились съ своими хозяевами и пустились въ обратный

путь. Петеръ отсталъ: онъ замѣшкался, прощаясь съ сестрой и выслушивая ея порученія къ семьѣ. Бэнъ видѣлъ, какъ его цѣловала сестра съ такою же нѣжностью, съ какой и съ нимъ прощалась его маленькая Женни. Братскіе поцѣлуи, что въ Англіи, что въ Голландіи, видно, одинаково сладки.

Карлъ, Путъ и Ламбертъ уже были на каналѣ; постукивая коньками, они выражали свое нетерпѣніе и ворчали на Петера.

Когда, наконецъ, Петеръ появился, всѣ трое накинулись на него.

— А ужъ мы думали, что, благодаря тебѣ, мы и къ концу года не доберемся до Брука.

Это было если не возмущеніе, то, во всякомъ случаѣ, нарушеніе дисциплины.

— Если вы воображаете, что очень пріятно быть командиромъ такой непослушной арміи, то ошибаетесь. Я готовъ сію минуту отказаться отъ командованія и стать въ ряды. Хочешь, Карлъ, на мое мѣсто? Я охотно передамъ тебѣ знаки своей власти.

Карлъ, будучи честолюбивъ, не говорилъ «нѣтъ». Но тутъ раздалось въ честь Петера громкое ура, которое мы позволимъ себѣ перевести такъ: «Держи карманъ — промѣнять кривую лошадь на слѣпую».

Видя, что бунтъ прекратился, Петеръ, успѣвшій тѣмъ временемъ привязать коньки, быстро приподнялся и крикнулъ:

— Дорога свободна. Представьте себѣ, что это день бѣга, господа. Впередъ! Настоящимъ командиромъ будетъ тотъ, кто прибѣжитъ первый!

Всѣ ринулись впередъ, и въ первые полчаса, кажется, никто не проронилъ ни слова. Точно шесть Меркуріевъ съ окрыленными ногами неслись по льду. Они летѣли

какъ вихрь, корпусомъ впередъ, такъ бѣшено, что мирные граждане, бѣжавшіе на конькахъ по своимъ дѣламъ, и даже самъ сторожъ кричали имъ остановиться. Но разъ пущенная стрѣла останавливается только падая.

Вотъ это-то чуть не случилось прежде всѣхъ съ Путомъ, за нимъ съ Лудвигомъ, потомъ съ Карломъ,

„Впередъ!"

а наконецъ, и съ самимъ Ламбертомъ. Ламбертъ насилу отдышался.

— Очевидно, — сказалъ онъ, указывая на Бэна и Петера, бѣжавшихъ далеко впереди, — они никогда не остановятся. Каковы ноги, каковы легкія!

— Это безуміе, — ворчалъ Карлъ, — такъ утомлять себя въ началѣ пути. Да это цѣлое состязаніе! Смотрите, Петеръ отстаетъ.

— Вотъ еще выдумалъ! — вступился за своего брата Лудвигъ. — Попробуй-ка самъ его обогнать.

— Я утверждаю, что Бэнъ обогналъ его.

— А я отвѣчаю, чѣмъ хотите, что Петеръ впереди! — закричалъ Лудвигъ. — Да вотъ Ламбертъ скажетъ правду, онъ не будетъ лукавить. Вѣдь Петеръ впереди?

— Кажется, да, — отвѣтилъ Ламбертъ, вглядываясь. — На такомъ разстояніи очень трудно судить.

Яковъ тоже ни въ чемъ не былъ увѣренъ и, будучи врагомъ всякаго спора, успокоительно замѣтилъ:

— Да не все ли равно, кто впереди? Есть изъ-за чего тутъ сердиться.

— Никто и не сердится, — фыркнулъ Карлъ.

— Вотъ теперь они на поворотѣ и ихъ обоихъ хорошо видно. Ну-ка, Карлъ, скажи, кто впереди?

И Лудвигъ захлопалъ въ ладоши.

— Да здравствуетъ капитанъ! — закричали Ламбертъ и Путъ.

Карлъ нехотя пробурчалъ:

— Да, Петеръ теперь впереди, а прежде все Бэнъ былъ впереди.

Колѣно канала, вѣроятно, было мѣстомъ, которое себѣ намѣтили бѣгуны, такъ какъ, добѣжавъ до него, оба остановились.

Въ виду совершившагося факта, больше спорить было нечего, и отставшіе пустились догонять опередившихъ.

Подходя къ нимъ, они увидѣли, что Бэнъ стоитъ задыхающійся, взволнованный передъ Петеромъ и со смѣсью досады, изумленія и восторга говоритъ ему по-англійски:

— Вы настоящая птица льдовъ, Петеръ ванъ-Гольпъ; вы первый побѣдили меня на бѣгу, увѣряю васъ.

Петеръ понималъ по-англійски, хотя говорить не могъ; за этотъ комплиментъ онъ поблагодарилъ Бэна молчаливымъ поклономъ, къ тому же онъ съ трудомъ переводилъ духъ.

— Кузенъ Бэнъ, — сказалъ Путъ, — ты себѣ надѣлаешь бѣдъ: ты красенъ, какъ раскаленный кирпичъ.

— Не бойся за меня, — отвѣчалъ Бэнъ: — холодный воздухъ освѣжитъ меня, а усталости я не чувствую.

— Тѣмъ не менѣе вы, милый Бэнъ, побѣждены, разбиты, да еще какъ! — сказалъ по-англійски Ламбертъ. — Я задаю себѣ вопросъ: что будетъ въ день настоящаго бѣга?

Бэнъ покраснѣлъ и съ вызывающимъ видомъ отвѣчалъ:

— Это была только шутка, а въ день бѣговъ мы еще посмотримъ. Предупреждаю васъ, что я рѣшилъ побѣдить во что бы то ни стало.

— Это цѣль каждаго изъ бѣгущихъ, — сказалъ Петеръ. — Вы, какъ и всякій другой, постараетесь побѣдить; мы, съ своей стороны, тоже постараемся. Не такъ ли, Карлъ?

— Конечно, такъ!

Когда молодые люди добрались до деревни Ворбургъ, стоящей на полпути отъ Гайя до Гарлема, имъ пришлось остановиться для совѣщаній. Вѣтеръ, дувшій имъ навстрѣчу довольно умѣренно, теперь усилился до того, что не было возможности бѣжать ему навстрѣчу. Флюгера, казалось, были въ заговорѣ и смѣялись надъ ними.

— Съ такой бурей не совладаешь, — сказалъ Лудвигъ. — Вѣтеръ врывается въ ротъ и рѣжетъ горло точно бритвой.

— Такъ закрой ротъ, — отвѣтилъ нелюбезно Карлъ, у котораго грудь была здорова, какъ у молодого быка: —

тогда можно очень хорошо и противъ вѣтра бѣжать. Я того мнѣнія, что можно продолжать путешествіе.

— Это рѣшать слабѣйшимъ, а не сильнѣйшимъ, — сказалъ Петеръ.

Разсужденіе было очень вѣрное, но оно не пришлось по вкусу Лудвигу, возбудившему вопросъ объ остановкѣ.

— Какіе такіе слабѣйшіе? — сказалъ онъ. — Между нами нѣтъ слабыхъ. Развѣ это слабость — признать, что этакій вѣтеръ сильнѣе насъ всѣхъ?

— Лудвигъ правъ, — сказалъ Ламбертъ.

Въ эту самую минуту посыпалъ градъ съ такой силой, что непобѣдимый Карлъ попятился, толстякъ Путъ чуть не задохся, а Лудвигъ еле устоялъ на ногахъ.

— Это рѣшаетъ споръ! — крикнулъ Петеръ. — Долой коньки и маршъ въ Ворбургъ!

Молодые люди нашли здѣсь гостиницу, при ней крытый дворъ, гладко вымощенный кирпичами, и, что всего лучше, полную игру кеглей. Пока хозяинъ приготовлялъ имъ поѣсть, они успѣли сыграть цѣлую партію, въ которой Путъ покрылъ себя славой. Огромные, величиной съ голову, шары онъ бросалъ какъ мячики и легко сбивалъ тяжелыя кегли, до которыхъ другіе сплошь да рядомъ не могли даже добросить шаровъ, — настолько разстояніе было велико; а толстый Путъ каждый разъ валилъ ихъ по нѣскольку штукъ. Но Путъ былъ очень скромный побѣдитель: въ отвѣтъ на похвалы онъ показывалъ свои ручищи и говорилъ, что тутъ искусства не нужно, — сама природа помогаетъ.

Эту ночь капитанъ Петеръ и команда его спали крѣпкимъ сномъ. Ни одинъ воръ не помѣшалъ ихъ отдыху, и такъ какъ ихъ размѣстили въ разныхъ комнатахъ, то даже обыкновенной возни съ подушками не было.

И позавтракали же они, выспавшись, удивили хозяина! Когда онъ узналъ, что они изъ Брука, то проникся глубокимъ уваженіемъ къ родинѣ такихъ здоровыхъ желудковъ.

Вѣтеръ набушевалъ и успокоился въ своей колыбели — открытомъ морѣ. Повидимому, надо было ожидать снѣга, но пока погода стояла хорошая.

Молодые люди послѣ такого хорошаго отдыха шутя добѣжали на конькахъ до Лейдена. Тутъ они остановились не надолго. Петеръ на этотъ разъ покинулъ городъ съ болѣе легкимъ сердцемъ, стыдясь немного за преждевременное свое осужденіе доктора Бекмана. Хозяинъ гостиницы разсказалъ ему, что знаменитый докторъ былъ у него въ домѣ, прочелъ записку Петера и письмо Ганса и, прочитавъ, взялся за голову со словами: «Бѣдные, бѣдные люди! Сейчасъ иду въ Брукъ».

Въ этотъ день на каналѣ между Лейденомъ и Гарлемомъ народу было немного; только близъ Амстердама наши пріятели наткнулись на большую толпу. Оказалось, это была громадная машина для рѣзанія льда, которую въ нынѣшнемъ году въ первый разъ приводили въ дѣйствіе. Тяжелую машину тащили шесть лошадей; рѣзаки дѣйствовали исправно. Впрочемъ, эта встрѣча не задержала нашихъ путешественниковъ: ледъ рѣзали къ одному берегу, оставляя довольно мѣста для конькобѣжцевъ.

— Господа, трижды «ура» родному крову! — закричалъ Ламбертъ, когда они очутились въ виду Амстердама.

— Ура, ура, ура! — раздалось въ воздухѣ.

Этотъ способъ привѣтствія былъ нововведеніемъ, занесеннымъ Ламбертомъ изъ Англіи. Бэнъ былъ въ восторгѣ и выкрикивалъ такія «ура», которыя, казалось, должны были быть слышны въ самомъ Лондонѣ.

Вступленіе нашей команды въ Амстердамъ произвело поэтому нѣкоторое впечатлѣніе, особенно на уличныхъ мальчишекъ.

Ламбертъ прежде всѣхъ былъ у своего дома.

— До свиданія, товарищи! — сказалъ онъ. — Чудесную прогулку мы совершили.

— До свиданія! — кричали ему въ отвѣтъ.

Петеръ окликнулъ Ламберта:

— Ты не забылъ, что завтра въ классъ?

— Знаю, знаю! Вакаціи кончились хорошо, и ученіе пойдетъ хорошо. Когда весело отдохнешь, веселѣй и за работу приниматься.

Брукъ былъ уже виденъ. Какія счастливыя встрѣчи ожидали ихъ! Катринка была на каналѣ,—Карлъ былъ въ восторгѣ. Петеръ обрадовался Гильдѣ. И Рахиль была тутъ. Лудвигъ и Путъ чуть не растянулись на землѣ, — такъ стремительно они бросились пожать протянутую имъ ручку красавицы.

Молодыя голландки очень сдержанны, и только глаза у нихъ болтливы. Трудно было рѣшить въ первую минуту, которая изъ молодыхъ дѣвушекъ болѣе другихъ обрадовалась возвращенію молодыхъ людей.

Была тутъ и скромная Анни Бауманъ. Не менѣе другихъ красивая, но до крайности робкая, она держалась въ сторонѣ и имѣла видъ очень печальный: друзей, которыхъ она надѣялась тутъ встрѣтить, не оказывалось.

Съ самаго кануна Николина дня она впервые здѣсь, на каналѣ. Все это время она жила въ Амстердамѣ и такъ усердно день и ночь ходила за бабушкой, что ей дали, наконецъ, нѣсколько часовъ отдыху, которымъ она и воспользовалась, чтобы прибѣжать въ Брукъ. Ей очень хотѣлось увидать поскорѣе кого-нибудь изъ Бринкеровъ. Но не суждено, видно, исполнитъся ея

желанію: никого изъ Бринкеровъ на каналѣ нѣтъ, время идетъ, и въ ушахъ доброй дѣвочки раздается голосъ больной бабушки, требующей ея помощи и услуги. Надо бѣжать назадъ.

Куда же запропастилась Гретель? Странно, что она не нашла свободной минуты выбѣжать на каналъ! Такіе вопросы задавала себѣ Анни, уже скользя обратно въ Амстердамъ. Бѣдняжка Гретель! Какъ, должно-быть, тяжело ей видѣть страданія отца, когда-то такого добраго и нѣжнаго! Ужасная вещь — сумасшествіе!

Такъ Анни ничего и не узнала: не отъ кого было. Сосѣди мало заботились и толковали о Бринкерахъ. Конечно, если бы хорошенькая Гретель не пасла гусей, у нея и друзей было бы больше. Вѣдь изъ всѣхъ дѣтей фермеровъ и крестьянъ только Анни Бауманъ не стыдилась дружиться съ дѣвочкой изъ семьи идіота; она одна и словомъ и дѣломъ помогала своей бѣдной подругѣ.

Когда другія дѣти начинали подтрунивать надъ ея привязанностью къ семьѣ идіота, то Анни, если дѣло шло о Гансѣ, только краснѣла, а если задѣвали Гретель, она выходила изъ себя и заставляла молчать злые языки.

— Пасетъ гусей!—говорила она.—Ну, такъ что жъ? Въ этомъ занятіи нѣтъ ничего постыднаго, и всѣ вы гораздо болѣе къ нему пригодны, чѣмъ она. Отецъ мой не разъ, глядя на Гретель въ прошлое лѣто, жалѣлъ, что такая терпѣливая дѣвочка съ такими умными глазками не находитъ себѣ лучшей работы и должна пасти гусей. И пасетъ ихъ она отлично: ея гуси и жирнѣе и чище всѣхъ другихъ. Ужъ она не станетъ ихъ стегать, какъ ты, Янсонъ, или давить, какъ Кэтъ.

Послѣднее замѣчаніе вызывало громкій смѣхъ, и всѣ насмѣшки обращались на помянутыхъ Янсона и

Кэтъ, а довольная своей защитой Анни поспѣшно удалялась. Досада не вдругъ покидала ея сердечко, и теперь, должно-быть, скользя по Амстердаму, она вспомнила эти нападки, потому что лицо ея хмурилось, и она сердито покачивала головой, оглядываясь на оставленную на каналѣ толпу дѣтей. Но скоро досада ея прошла, и ея милое личико засвѣтилось такой добротой, что, встрѣчая ее, не одинъ фермеръ, я думаю, пожелалъ назвать ее своею дочерью.

Въ этотъ вечеръ въ Брукѣ было нѣсколько оживленныхъ семейныхъ кружковъ, гдѣ разсказамъ не было конца. Молодые люди по возвращеніи съ прогулки нашли всѣхъ своихъ въ добромъ здоровьѣ.

Тѣмъ не менѣе, когда на утро раздался ранній звонъ училищнаго колокола, Лудвигъ объявилъ, что онъ въ жизнь свою не слышалъ звука болѣе противнаго. Петеръ — и тотъ пришелъ въ уныніе отъ этого звона. Карлъ нашелъ, что безбожно поднимать человѣка, когда и солнышко еще не встало. Что касается Пута, то онъ простился съ Бэномъ и покорно взвалилъ себѣ за плечи ранецъ, который показался ему на этотъ разъ вдвое тяжелѣе обыкновеннаго.

ГЛАВА XIV.

Операція. — Гретель и Гильда.

Посмотримъ, что дѣлается у Бринкеровъ. Благодаря путешествію юныхъ товарищей и желанію нашему хотя немного познакомиться съ Голландіей, мы совсѣмъ удалились отъ обитателей этой бѣдной хижины.

Неужели Гретель и ея мать оставались неподвижными съ тѣхъ поръ, какъ мы ихъ покинули? Прошло

четыре дня, а печальная группа ихъ, повидимому, все та же. Рафъ Бринкеръ выглядитъ еще блѣднѣе; лихорадка миновала, но онъ попрежнему безсознательно относится ко всему окружающему. Во всякомъ случаѣ, перемѣна въ домѣ есть: мы оставили одну группу, теперь находимъ двѣ, и во второй группѣ двое чужихъ.

Докторъ Бекманъ тутъ и что-то говоритъ вполголоса высокому молодому человѣку, внимательно его слушающему. Это его помощникъ. Гансъ тутъ же у окна; онъ терпѣливо ждетъ, когда съ нимъ заговорятъ.

— Видите ли, Волленгавенъ,— говоритъ докторъ, — это такой случай...

Тутъ докторъ пустился объяснять болѣзнь на такомъ удивительномъ языкѣ, смѣси латыни съ голландскимъ, что передать его невозможно. Однако черезъ нѣсколько минутъ, когда самъ докторскій помощникъ вытаращилъ глаза и разинулъ ротъ, принципалъ удостоилъ объясниться удобопонятнѣе.

— Это,— продолжалъ онъ,— должно-быть, такой же случай, что и у Рипа Дондердуина. Тотъ упалъ съ мельницы и отъ сотрясенія мозга сначала казался только ошеломленнымъ, а потомъ сталъ вполнѣ идіотомъ; какъ и этотъ человѣкъ, онъ все хватался за голову. Мой ученый другъ, докторъ ванъ-Шоппенъ, произвелъ операцію надъ этимъ Дондердуиномъ, подъ черепомъ открылъ причину страданій и удалилъ ее. Это была замѣчательная операція!

Тутъ докторъ снова удалился въ латынь.

— Что жъ, больной выздоровѣлъ? — почтительно спросилъ помощникъ.

Докторъ Бекманъ нахмурился.

— Не въ этомъ дѣло, — сказалъ онъ. — Кажется, больной умеръ. Но зачѣмъ вы отвлекаетесь отъ сути? Сама по себѣ эта операція... такъ любопытна...

И вновь пошли мудреныя слова...

— Но, мингеръ, — продолжалъ настойчиво, хотя и скромно помощникъ (онъ зналъ, что доктора надо скорѣе вернуть на землю, иначе онъ залетитъ слишкомъ далеко въ своихъ научныхъ соображеніяхъ), — не забудьте, что вамъ сегодня предстоитъ еще три визита: надо отнять ногу въ Амстердамѣ, сдѣлать глазную операцію въ Брукѣ и еще вправить плечо на каналѣ...

— Нога можетъ подождать, — возразилъ докторъ. — Да, это тоже чрезвычайно интересный случай...

И этимъ случаемъ докторъ увлекся, заговорилъ даже громко, забывъ совершенно, гдѣ онъ и для чего пришелъ.

Волленгавенъ еще разъ попытался остановить его.

— А что вы думаете объ этомъ больномъ, который лежитъ на постели? Можно ли ему помочь?

— О, да, — отвѣчалъ докторъ, спохватившись и приходя въ себя, — конечно, то-есть я надѣюсь...

— Если кто-нибудь въ Голландіи можетъ ему помочь, то это, конечно, не кто другой, какъ вы, — сказалъ помощникъ.

Докторъ нахмурился. Онъ ненавидѣлъ комплименты. Онъ посовѣтовалъ студенту поменьше говорить и подозвалъ къ себѣ Ганса. Дѣло въ томъ, что онъ не выносилъ разговоровъ съ бабами, особенно по вопросамъ хирургіи.

— Никакъ нельзя, — говорилъ онъ, — предугадать, когда этимъ нѣжнымъ созданіямъ вздумается вскрикнуть или упасть въ обморокъ.

Итакъ, онъ разъяснилъ Гансу положеніе Рафа Бринкера и сообщилъ, что намѣренъ сдѣлать для его излѣченія...

Гансъ внимательно слушалъ его, то краснѣя, то блѣднѣя, по временамъ бросая полные тревоги взоры на больного.

— Это можетъ убить отца, говорите вы, мингеръ?

— Да, дитя мое, но что-то мнѣ говоритъ, что мы его спасемъ, а не убьемъ. Ахъ, если бъ въ Голландіи воспитывали дѣтей иначе, не оставляли бы ихъ въ полномъ невѣдѣніи самыхъ важныхъ вещей, я могъ бы подробно объяснить тебѣ болѣзнь твоего отца, но это безполезно: ты меня не поймешь.

Гансъ ничего не отвѣчалъ.

— Да, это безполезно, — повторилъ докторъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. — Какъ только предлагаешь серьезную операцію, которую признаешь неизбѣжной, единственный тебѣ вопросъ только и будетъ: «Не убьетъ ли это больного?»

— Отъ этого вопроса зависитъ судьба всего нашего семейства, мингеръ, — произнесъ съ достоинствомъ сквозь слезы Гансъ.

Докторъ быстро взглянулъ на него.

— Ты правъ, мой мальчикъ, а я не болѣе какъ старый дуракъ. Правда, никто не желаетъ смерти своего отца. Съ моей стороны глупо такъ говорить.

— Онъ умретъ, если предоставить болѣзнь ея ходу?

— Гмъ! Давленіе на мозгъ будетъ усиливаться и, наконецъ, убьетъ его.

Докторъ хрустнулъ пальцами.

— А операція *можетъ* спасти его? — продолжалъ Гансъ. — Выздоровленіе пойдетъ быстро или нѣтъ? — спросилъ онъ.

Докторъ начиналъ терять терпѣніе.

— Оно можетъ послѣдовать мгновенно, можетъ и затянуться. Поговори съ матерью, дружокъ; пускай она рѣшитъ. А я тороплюсь, у меня минуты сочтены.

Гансъ подошелъ къ матери и Гретели. Дѣвочка впилась въ него глазами такъ, что онъ не вдругъ собрался съ духомъ заговорить и, только отвернувшись, могъ сказать твердымъ голосомъ:

— Гретель, я хочу наединѣ поговорить съ матушкой.

Маленькая Гретель, которая не могла отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что творилось вокругъ, бросила на брата негодующій взглядъ, однако послушалась.

Мать и сынъ остались вдвоемъ у окна, между тѣмъ какъ докторъ и его помощникъ шопотомъ совѣщались надъ постелью больного. Обезпокоить его они не боялись: онъ казался слѣпъ и глухъ, только слабые стоны его свидѣтельствовали, что онъ живъ и страдаетъ. Гансъ говорилъ серьезно, вполголоса, чтобы Гретель не слышала.

Мать съ сухими, запекшимися, полуоткрытыми губами слушала сына, внимательно устремивъ на него взглядъ и какъ бы стараясь на лицѣ его прочесть то, чего онъ не досказывалъ словами. Разъ она было всхлипнула; но тотчасъ удержалась; Гретель вздрогнула при этомъ, но затѣмъ убѣдилась, что мать слушаетъ спокойно, и сама успокоилась.

Когда Гансъ кончилъ, мать обернулась. Она съ невыразимой тоской взглянула на блѣднаго недвижимаго мужа и молча опустилась на колѣни. Она все предоставляла волѣ Божіей.

Что это значитъ? Бѣдная Гретель! Она ничего не понимала и вопросительно глядѣла на брата. Гансъ былъ на ногахъ, но и онъ опустилъ голову,— очевидно, молился. Она посмотрѣла на доктора: тотъ осторожно ощупывалъ голову больного и весь былъ погруженъ въ свое занятіе; посмотрѣла на помощника: тотъ отвернулся и закашлялся. Гретель остановила свои взоры

на плачущей матери. Давно бы такъ, бѣдная дѣвочка! Поди, встань рядомъ съ ней на колѣни, обойми ее, помолись вмѣстѣ съ ней, помолись Тому, Кто Одинъ все можетъ и твоему горю можетъ помочь.

Когда мать поднялась съ колѣнъ, докторъ, въ глазахъ котораго свѣтилось участіе, рѣзко спросилъ ее:

— Ну, что же, рѣшаетесь на операцію?

— Больно ему будетъ?.. Очень?..

— Не знаю... Полагаю, что нѣтъ. Итакъ?..

— Это можетъ его спасти, сказали вы, а можетъ тоже, говоритъ мнѣ сынъ, и...

— Да, я говорилъ, что больной можетъ и не вынести операціи. Но мы надѣемся на противное.

Докторъ посмотрѣлъ на часы. Помощникъ выражалъ нетерпѣніе.

— Ну-съ, госпожа Бринкеръ, время идетъ. Да или нѣтъ?

Гансъ обнялъ мать и припалъ головой къ ея плечу.

— Докторъ ждетъ отвѣта, мама, — шепнулъ онъ.

Уже давно бѣдная женщина управлялась во всѣхъ дѣлахъ однимъ своимъ умомъ; посовѣтоваться ей было не съ кѣмъ. На Ганса она до сихъ поръ смотрѣла, какъ на мальчика, еще ребенка. Но тутъ она вдругъ почувствовала себя такой слабой и нерѣшительной. Какъ тутъ было не опереться на сильную и нѣжную руку, обнимавшую ее, и она съ мольбой обратилась къ Гансу:

— Скажи, что же дѣлать?..

— Что Господь тебѣ укажетъ, мама, — отвѣтилъ сынъ, опуская голову.

Краткая, но горячая молитва вознеслась изъ глубины сердца бѣдной женщины, и молитва эта была услышана. Г-жа Бринкеръ обратилась къ доктору со словами:

— Дѣлайте, сударь, я согласна.

— Гмъ!—промычалъ докторъ, какъ бы желая этимъ сказать: «Долго же вы обсуждали этотъ вопросъ».

Затѣмъ онъ сталъ наставлять своего помощника. Тотъ съ почтеніемъ слушалъ и съ изумленіемъ глядѣлъ на слезу, блестѣвшую на глазахъ суроваго хирурга. Мысленно онъ торжествовалъ и готовился разсказать своимъ товарищамъ объ этомъ чудѣ.

Все это время Гретель смотрѣла на происходившее, трепещущая и подавленная неизвѣстностью; но когда она увидѣла въ рукахъ доктора кожаный футляръ, изъ котораго онъ вынулъ нѣсколько острыхъ блестящихъ инструментовъ, она съ крикомъ бросилась къ матери.

— Мама, мама, что имъ сдѣлалъ бѣдный отецъ? За что они хотятъ его рѣзать?

— Не знаю, не знаю, — отвѣчала растерянно Бринкерша, — не знаю!

— Такъ нельзя, — сурово сказалъ докторъ, глядя въ упоръ на Ганса. — Мать и дѣвочка должны уйти изъ комнаты. Мальчикъ можетъ остаться.

Бринкерша выпрямилась, глаза ея блеснули рѣшимостью, какъ будто ни слезы ни страхъ ей были незнакомы; тихимъ, но твердымъ голосомъ она сказала:

— Я останусь подлѣ моего мужа, мингеръ.

Докторъ изумился: кто смѣетъ ему прекословить? Но, взглянувъ на нее, онъ тотчасъ смягчился.

— Можете остаться.

А Гретель уже исчезла по знаку Ганса: она забилась въ самый дальній уголъ, загороженный скамейкой. Она спряталась тамъ, разсчитывая, что кто жъ ее, крошку, тамъ увидитъ въ темнотѣ.

Докторъ снялъ верхнее платье, налилъ воды въ тазъ и поставилъ его подлѣ постели; потомъ обратился къ Гансу:

— На тебя можно положиться?

— Я готовъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Хорошо. Стань у изголовья, мать сядетъ вотъ тутъ, съ правой стороны, — продолжалъ онъ. — Помните: ни криковъ ни обмороковъ.

Она отвѣтила однимъ взглядомъ. Онъ удовлетворился этимъ.

— Теперь, Волленгавенъ...

Ахъ, эти ужасные инструменты! Онъ подалъ ихъ. Гретель не могла ихъ видѣть равнодушно; она стремительно выскочила изъ своей засады, схватила пальтишко и убѣжала изъ дома...

Былъ часъ рекреаціи. Съ первымъ ударомъ училищнаго колокола каналъ, казалось, самъ издалъ радостное восклицаніе; одна минута — и на немъ зашевелилась огромная толпа дѣтей обоего пола. Это былъ чистый калейдоскопъ. Цѣлыя дюжины пестрыхъ ребятишекъ скользили по льду, сталкивались, пересѣкались безъ конца.

Веселость, которая была въ классахъ подъ ключомъ, тутъ отворила двери и вылилась наружу пѣснями, криками, шумнымъ говоромъ. Латынь, грамматика и вообще вся школьная премудрость осталась въ школѣ и не смѣла тутъ мѣшать дѣтскому веселью. Самъ учитель на это время былъ не болѣе, какъ имя существительное, о которомъ никто и думать не хотѣлъ. Веселиться, такъ веселиться; бѣгать, такъ бѣгать.

Благо ледъ крѣпокъ, а то имъ все равно, находится ли Голландія у сѣвернаго полюса, или у экватора. И не ломать же голову надъ силой инерціи и силой тяжести, когда все дѣло въ томъ, чтобы ловко избѣжать толчка и паденія.

Въ минуту самаго шумнаго веселья кто-то изъ дѣтей закричалъ:

— Это что тамъ такое?

— Гдѣ? Гдѣ? — отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Да развѣ вы не видите что-то черное подлѣ хижины идіота?

— Ничего не вижу, — говорилъ одинъ.

— А я вижу, — кричалъ другой. — Это собака!

— Какая собака? — запищалъ тоненькій, знакомый намъ голосъ. — Или это одѣтая собака, чучело изъ лохмотьевъ?

— Глупости ты говоришь, Вустъ, — отвѣтилъ другой голосъ. — Ты, какъ и всегда, врешь; это — Гретель, которая пасла гусей, а теперь гоняетъ крысъ.

— Какая же тутъ разница, — воскликнулъ Вустъ: — что Гретель, что чучело изъ тряпокъ — развѣ это не одно и то же?

— Хотѣлъ бы я знать, во что бы ты, Вустъ, былъ одѣтъ, если бы у тебя не было родителей?

— Ужъ досталось бы Вусту, если бы братъ ея Гансъ былъ тутъ, — замѣтилъ одинъ худенькій мальчикъ, весь закутанный по случаю безпрерывнаго насморка.

Такъ какъ Ганса не было, то Вустъ нимало не испугался.

— Эхъ, ты, — обратился онъ къ мальчику, сдѣлавшему ему замѣчаніе, — очень я боюсь твоего Ганса! Цѣлую дюжину такихъ прибью, да и тебя, сопляка, въ придачу.

„Встань, милая дѣвочка, — говорилъ ласковый голосъ, — встань“.

— Какъ бы не такъ! — отвѣтилъ тотъ обиженно; но, чувствуя свою слабость, благоразумно сталъ утекать на конькахъ.

Въ это время кто-то предложилъ бѣжать на-перегонки, и дѣти, забывъ размолвку, дружно бросились, какъ угорѣлые, по одному направленію съ веселымъ гиканьемъ.

Только одна изъ всей этой шумной толпы осталась на мѣстѣ, пожалѣла несчастное существо, прижавшееся къ стѣнѣ хижины. До бѣдной Гретели доносились взрывы дѣтскаго хохота, но ей было не до того. Сквозь этотъ смѣхъ ей слышались глухіе стоны, все громче и громче раздававшіеся изнутри дома. Неужели эти жестокіе люди въ самомъ дѣлѣ убиваютъ ея отца?

Мысль эта заставила ее вскочить въ ужасѣ.

«Нѣтъ, надо войти туда! — но тутъ же она опустилась въ изнеможеніи. — Вѣдь мать и Гансъ тамъ. А я не довольно сдержанна, пожалуй, закричу. Какъ они были блѣдны оба, Гансъ плакалъ. И зачѣмъ этотъ противный докторъ удержалъ его тамъ, а меня выслалъ? — думала она. — Я прижалась бы къ мамѣ, обняла бы ее. Она вѣдь такъ любитъ, когда я ласкаюсь къ ней, и глядитъ на меня тогда такъ хорошо, точно всѣ печали свои забываетъ, забываетъ даже и то, какъ меня только что бранила... Какъ тамъ стало тихо... Господи! Что, если отецъ и мать и Гансъ всѣ умерли?..»

И Гретель, дрожа отъ холода, уткнула лицо въ колѣни и зарыдала такъ горько, что, казалось, сердце у нея разрывалось.

Бѣдная дѣвочка вѣдь такъ измучилась за послѣдніе дни: она справляла всѣ мелкія домашнія работы, утѣшала несчастную мать, не отходившую отъ постели больного; не спала ночей вмѣстѣ съ нею. Въ головѣ

ея зашевелились новыя мысли. Зачѣмъ Гансъ не сказалъ ей ничего? Не объяснилъ ей? Вѣдь дѣло идетъ тоже объ ея отцѣ, и она уже не маленькая. Вѣдь она, а не кто другой, сумѣла отозвать отца отъ матери въ тотъ ужасный вечеръ, когда онъ чуть не сжегъ ее. Гансъ, хотя и старше ея, а не могъ этого сдѣлать. Такъ зачѣмъ же онъ обращается съ нею, какъ съ маленькой, глупенькой дѣвочкой?

Но что значитъ эта тишина въ домѣ послѣ стоновъ? Все смолкло. Эта непонятная мертвая тишина ее пугала. И притомъ, какъ холодно! Если бы Анни Бауманъ осталась и не убѣжала въ Амстердамъ, Гретель не была бы такъ одинока и всѣми брошена. Ноги ея страшно озябли; вся кровь прилила къ сердцу. Ей казалось, что она не на землѣ, а какъ бы носится въ воздухѣ.

Нѣтъ, невозможно оставаться въ этомъ положеніи. Можетъ-быть, она нужна матери. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, Гретель привстала на мгновеніе и протерла глаза. Отчего это небо такое ясное и голубое? Отчего въ хижинѣ такая нѣмая тишина? И кто это осмѣлился засмѣяться тамъ?

Но бѣдняжка не замедлила опять упасть на землю. Члены ея отекли. Въ головѣ была страшная путаница. Все было какъ въ туманѣ. Какой странный ротъ у доктора! Вотъ изъ цаплина гнѣзда на крышѣ высовываются длинные клювы и что-то кричатъ ей прямо въ уши! А какъ блестѣли въ кожаномъ футлярѣ эти маленькіе ножи и пилки, блестѣли лучше серебряныхъ коньковъ... А какъ хороша ея новая кофта, такой у нея еще не бывало... Что же, вѣдь Богъ до сихъ поръ берегъ ея отца. Онъ и теперь не покинетъ его, только бы эти двое господъ ушли поскорѣе. Ахъ! это, кажется, они на крышѣ? Нѣтъ, это мама и Гансъ. Какъ

стало вдругъ темно, ничего нельзя разобрать; птицы поютъ... Да какія же птицы зимой, когда все замерзло... И сколько она ихъ насчитала: двадцать... сто... двѣсти. Послушай ихъ пѣніе, мама. Мама, мама, разбуди меня, когда нужно будетъ итти на бѣгъ, а то я устала все плакать и плакать...

Вдругъ чья-то рука опустилась ей на плечо.

— Встань, милая дѣвочка,— говорилъ ласковый голосъ,— встань. Что ты тутъ лежишь? Вѣдь ты этакъ замерзнешь!

Гретель медленно открыла глаза. Ее такъ клонило ко сну, что она нисколько не удивилась, увидѣвъ наклоненное къ ней милое личико Гильды ванъ-Глекъ: все это она уже видѣла во снѣ; она опять закрыла глаза.

Тутъ Гильда принялась звать ее, дергать, трясти изо всѣхъ силъ. Это былъ уже не сонъ. Ей стало даже больно.

— Гретель, Гретель Бринкеръ! — кричала Гильда.— Проснись! Нельзя тутъ засыпать, нельзя!

Нѣтъ, это не сонъ, а дѣйствительность. Гретель смотритъ: надъ нею стоитъ Гильда и трясетъ ее за плечи; тутъ и домъ ихъ, и гнѣздо на крышѣ, и карета доктора на берегу канала. Она начинаетъ все видѣть ясно. Рукамъ очень больно: ихъ колетъ точно иголками, и ноги ломитъ ужасно. Гильда заставляетъ ее встать.

Наконецъ Гретель пришла въ себя.

— Я, должно-быть, заснула, — пробормотала она сконфуженная, протирая глаза обѣими руками.

— Да, да,— сказала Гильда, стараясь улыбнуться бѣдной дѣвочкѣ, хотя ей было вовсе не до улыбки.— Но теперь ты, кажется, совсѣмъ проснулась. Обопрись на мою руку, Гретель, вотъ такъ. Подвигайся немножко: ты на ходу согрѣешься настолько, что тебѣ безъ вреда

можно будетъ встать передъ огнемъ. Вотъ такъ; а теперь я сведу тебя домой.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Туда я не пойду: тамъ докторъ Бекманъ, онъ меня выгналъ.

Гильда ничего не знала о томъ, что происходило въ домѣ Бринкера, тѣмъ не менѣе отъ разспросовъ удержалась.

— Хорошо, Гретель,—сказала она,—походимъ пока здѣсь; только постарайся итти немного скорѣе. Я вѣдь давно увидала тебя и думала, что ты просто отдыхаешь. Ну, впередъ, впередъ! Не останавливайся.

И добрая дѣвушка заставляла Гретель двигаться безъ остановки, поддерживая ее одной рукой и стараясь въ то же время другой разстегнуть свою шубку, чтобы одѣть ею полузамерзшую дѣвочку.

Гретель угадала ея намѣреніе.

— О, барышня, —сказала она умоляющимъ голосомъ, — не дѣлайте этого. Нѣтъ, оставьте себѣ шубу. Посмотрите, мнѣ не холодно, я вся горю, то-есть я не горю, но у меня въ рукахъ и ногахъ точно иголки колютъ. Пожалуйста, не раздѣвайтесь для меня, прошу васъ.

Волненіе бѣдной дѣвочки было такъ велико, что Гильда поспѣшила ее успокоить.

— Хорошо, Гретель, я останусь въ своей шубѣ, но съ тѣмъ условіемъ, что ты будешь все время двигаться, шевелить руками и ногами, чтобы согрѣть всѣ свои члены. Вотъ такъ! Еще, еще, хлопай руками, топочи ногами, вотъ, вотъ! Теперь твои щеки порозовѣли. Я думаю, Гретель, что теперь докторъ Бекманъ позволитъ тебѣ войти въ домъ, я увѣрена въ этомъ. Или отцу твоему стало хуже?

— Ахъ, барышня,—заговорила со слезами Гретель,— тамъ теперь два доктора и оба съ ножами. Мама ихъ

ждала; она была такъ перепугана, что слова не могла выговорить. Слышите, какъ онъ стонетъ? — добавила она, объятая внезапнымъ ужасомъ. — У меня такъ шумитъ въ головѣ, что я ничего не могу разобрать. Можетъ-быть, отецъ уже умеръ! Ахъ, какъ бы я хотѣла убѣдиться, что это онъ еще стонетъ!

Гильда прислушалась. Домъ былъ въ двухъ шагахъ, но оттуда не долетало до нихъ ни малѣйшаго звука. Что-то говорило ей, что Гретель имѣетъ право всего ожидать и всего опасаться; она побѣжала къ окну.

— Вы тутъ ничего не увидите, — сказала ей, всхлипывая, Гретель.—Мама заклеила окна бумагой; а вонъ въ томъ окнѣ бумага прорвалась и можно видѣть, что дѣлается внутри, если только вы не боитесь глядѣть.

Гильда подошла къ другому окну, при этомъ замѣтила, въ какомъ отчаянномъ состоянiи была постройка. Но тутъ она остановилась.

«Какое я имѣю право, — подумала она, — заглядывать въ окна чужого дома, двери котораго для меня заперты».

— Знаешь что, Гретель, — сказала она вслухъ: — лучше сама посмотри. Ты увидишь, что онъ спитъ, спокойно спитъ, и больше ничего.

Гретель хотѣла было подбѣжать, но ноги ея не послушались, она зашаталась. Гильда поспѣшила къ ней на помощь.

— Ты замерзла совсѣмъ и больна, — сказала она, обнимая Гретель.

— Нѣтъ, я не больна, а вотъ только тутъ мнѣ очень тяжело, — сказала Гретель, прикладывая руку къ сердцу, — такъ тяжело, что я и плакать не могу: глаза всѣ высохли.

Зато глаза Гильды были полны слезъ. Свѣтъ изъ окна упалъ на ея лицо, и Гретель увидѣла эти слезы.

— Ахъ, — вскричала она, — какая вы добрая: вы плачете о насъ. Богъ увидитъ ваши слезы. О, теперь я увѣрена, что Онъ сжалится надъ нами, и отецъ выздоровѣетъ.

И Гретель стала цѣловать руки Гильды, заглядывая въ то же время въ окно. Бумага была, дѣйствительно, прорвана въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и въ эти дыры пробивался свѣтъ. Гретель приникла къ стеклу.

— Видишь ты что-нибудь? — спросила Гильда.

— Да. Отецъ не шевелится; голова его обвязана бинтами, и всѣ смотрятъ на него. Ахъ, барышня, — вскрикнула Гретель, отскакивая отъ окна, — теперь я должна итти къ мамѣ. Хотите итти со мной?

Гильда минуту колебалась, но потомъ рѣшила, что не слѣдуетъ исполнять просьбы Гретели.

Она взяла въ обѣ руки голову дѣвочки, поцѣловала ее нѣжно, какъ родную сестру, и сказала:

— Мнѣ кажется, я не должна туда входить, Гретель, по крайней мѣрѣ, теперь... но скоро, скоро я приду...

Послышался звонъ колокола.

— До свиданія, — сказала Гильда.

Долго послѣ того мерещилась Гретели ангельская улыбка, съ которой Гильда произнесла это «до свиданія».

Тѣнь не могла бы войти въ домъ тише, чѣмъ вошла туда Гретель. Молча, почти не дыша, подкралась она къ матери.

Все было тихо въ комнатѣ. Слышалось только дыханіе доктора и трескъ искръ въ печи. Руки матери были холодны, какъ ледъ; жгучій румянецъ выступилъ пятнами на щекахъ; глаза были какъ у серны: блестящіе, грустные, боязливые.

ГЛАВА XV.

Пробужденіе. — Новое горе.

Больной на постели чуть-чуть пошевелился; всѣ вздрогнули. Докторъ наклонился къ нему.

Еще движеніе, — широкая ладонь Бринкера зашевелилась, приподнялась тихонько къ головѣ и ощупала наложенныя повязки. Онъ сдѣлалъ это не машинально, какъ вчера, когда все хватался за голову, а сознательно, какъ всякій больной, который хочетъ отдать себѣ отчетъ въ своемъ состояніи.

Самъ докторъ едва переводилъ духъ, слѣдя за движеніями больного. Глаза Бринкера раскрылись, губы зашевелились, онъ заговорилъ:

— Тише, тише (странно прозвучалъ въ ушахъ Гретели этотъ голосъ), поднимите-ка эту мачту, друзья! Теперь бросайте землю. Вода поднимается быстро, нельзя терять времени.

Жена Бринкера, какъ пантера, бросилась къ мужу, схватила его руки и крикнула:

— Рафъ, Рафъ, говори, — я слушаю!

— Это ты, Метти? — спросилъ онъ слабымъ голосомъ. — Что со мной было? Мнѣ кажется, я расшибся и заснулъ. Гдѣ маленькій Гансъ?

— Вотъ я, отецъ! — закричалъ Гансъ какъ полоумный.

Докторъ удержалъ его.

— Онъ приходитъ въ себя, онъ узнаетъ насъ! — кричала Бринкерша въ восторгѣ. — Боже! Наконецъ-то! Гретель, Гретель, иди скорѣе къ твоему отцу!

„Развѣ сегодня праздникъ?“

Напрасно докторъ приказывалъ имъ молчать, старался удалить ихъ. Тщетныя усилія!

Гансъ и мать его наклонились надъ постелью больного, такъ неожиданно возвращеннаго къ жизни. Гретель не проронила ни слова, она удерживала дыханіе, но она все видѣла, и изъ ея большихъ глазъ текли радостныя слезы. Отецъ говоритъ такимъ слабымъ голосомъ, нужно быть какъ можно тише, чтобы слышать этотъ шопотъ.

— А дитя спитъ, Метти?

— Дитя! — повторила Бринкерша. — О, Гретель, это онъ о тебѣ говоритъ! Второе его слово для второго изъ дѣтей, а первое для «маленькаго» Ганса, какъ онъ его называлъ. Десять лѣтъ спалъ! Мингеръ, вы спасли насъ всѣхъ. Вѣдь онъ десять лѣтъ не узнавалъ меня и ничего не понималъ. Дѣти, что же вы не благодарите господина доктора?

Бѣдная женщина была внѣ себя. Докторъ не отвѣчалъ ей, только глазами указалъ на небо, откуда снизошла эта милость. Какъ благородно и вмѣстѣ трогательно было въ эту минуту лицо суроваго доктора! Оно точно преобразилось. Мать, дѣти и самъ помощникъ въ умиленіи глядѣли на него, какъ на святого.

Всѣ стали на колѣни у постели больного. Бринкерша взяла руку своего мужа, и теплая благодарственная молитва вознеслась къ Богу изъ глубины души этихъ изстрадавшихся людей. Докторъ склонилъ голову: онъ тоже молился.

— Что это вы всѣ молитесь? — спросилъ больной. — Развѣ сегодня праздникъ?

Да, конечно, великій праздникъ! Жена отвѣтила ему наклоненіемъ головы, — говорить она не могла.

— Такъ надо прочитать главу изъ Евангелія...—выговорилъ Рафъ Бринкеръ съ трудомъ. — Не понимаю,

отчего, — продолжалъ онъ, — но я чувствую большую слабость...

Гретель достала съ полки толстую Библію. Докторъ взялъ у нея книгу изъ рукъ и, передавая помощнику, шепнулъ:

— Читайте, надо успокоить ихъ всѣхъ, или онъ умретъ.

Когда чтеніе было кончено, Бринкерша таинственнымъ знакомъ дала понять всѣмъ, что мужъ ея уснулъ.

— Теперь, госпожа Бринкеръ, — тихо сказалъ докторъ, надѣвая теплыя перчатки, — больному нуженъ полный покой, вы понимаете — *полный!* Завтра я навѣдаюсь. Не давайте ему ничего ѣсть сегодня.

И, поспѣшно поклонившись, онъ вышелъ за дверь вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ.

Карета была недалеко. Кучеръ все время проѣзжалъ лошадей вдоль по каналу.

Гансъ вышелъ вслѣдъ за докторомъ.

— Да благословитъ васъ Господь, мингеръ, — сказалъ онъ, краснѣя, дрожащимъ голосомъ. — Я никогда не буду въ силахъ отблагодарить за такую услугу: я не могу, но если бы...

— Нѣтъ, ты можешь, другъ мой, и вотъ какимъ образомъ, — заговорилъ докторъ сурово, — собери весь свой умъ и всѣ силы къ тому времени, какъ проснется отецъ. Всѣ эти слезы, охи да вздохи могутъ утомить и здороваго, а не то что больного, который стоитъ чуть не на краю гроба. Если ты желаешь, чтобы отецъ остался живъ, добейся отъ матери и отъ сестры, чтобы онѣ ничѣмъ его не утруждали, не тревожили бы ни сердца ни мозга больного.

Сказавъ это, докторъ Бекманъ повернулся къ Гансу спиной и быстро зашагалъ къ своей каретѣ, оставивъ

Ганса съ открытымъ ртомъ и широко раскрытыми глазами. У бѣднаго мальчика была только одна мысль въ головѣ: «Я не сумѣлъ поблагодарить его».

Гильда получила строгій выговоръ за то, что явилась въ классъ спустя много времени послѣ призыва колокола. Надо сказать правду, что послѣ того, какъ Гретель вошла въ домъ, Гильда не рѣшилась уйти, не узнавъ, чѣмъ кончилось дѣло въ домѣ Бринкеровъ — горемъ ли, радостью ли. Она оставалась у дверей до тѣхъ поръ, пока не раздался радостный возгласъ Ганса: «Вотъ я, отецъ!» Только тогда она вернулась въ школу, но не была въ состояніи отвѣтить урока, когда ее спросили. Да и какъ могла она спрягать латинскій глаголъ, когда голова ея и сердце были полны однимъ: «Бѣдные люди спасены!»

Какъ мы уже говорили, слѣдующее за возвращеніемъ нашихъ путешественниковъ утро было очень тяжелое. Каждый ударъ школьнаго колокола билъ по слуху ихъ самымъ непріятнымъ образомъ.

— Колоколъ вретъ, — ворчалъ толстый Путъ, пряча голову въ подушки, — навѣрное, вретъ! Слишкомъ рано. Ночь только что началась. Да замолчитъ ли онъ, наконецъ?

Мингеръ Лудвигъ поступилъ умнѣе: онъ не проснулся вовсе и продолжалъ спать. Но не безпокойтесь: всѣхъ ихъ придутъ разбудить. Въ Голландіи менѣе чѣмъ гдѣ-либо вчерашнее удовольствіе оправдываетъ сегодняшнюю лѣнь.

Карлъ сердито швырялъ свое платье и никакъ не могъ найти того, что ему было нужно.

Ламбертъ одѣвался, скрѣпя сердце.

Что касается Петера, то онъ успѣлъ отдохнуть, скорехонько одѣлся и счелъ своей обязанностью пробить зорю каждому изъ своихъ вчерашнихъ подчиненныхъ.

Благодаря ему, всѣ они на перекличкѣ въ классѣ могли громко отозваться: «Здѣсь!»

Когда въ полдень вся школьная ватага высыпала на каналъ, наши путешественники болѣе чѣмъ кто-либо имѣли право сказать со вздохомъ: «Какъ трудно работать послѣ слишкомъ веселаго отдыха».

Одинъ Петеръ сохранилъ веселое расположеніе духа. Онъ узналъ отъ Гильды, что маленькая Гретель утѣшилась, а Гансъ весело крикнулъ: «Вотъ я, отецъ!» Этого ему было достаточно, чтобы заключить, что Рафъ Бринкеръ спасенъ. Новость эта успѣла въ тотъ же день облетѣть нѣсколько миль въ окружности. Люди, которые прежде никогда не думали о Рафѣ Бринкерѣ и говорили о немъ, пожимая плечами съ явнымъ пренебреженіемъ, теперь одинъ передъ другимъ хвалились знаніемъ всѣхъ подробностей его исторіи. Не было конца различнымъ розсказнямъ объ этомъ событіи.

Дѣло въ томъ, что Гильда, возбужденная бесѣдой съ Гретелью, остановилась на минутку поговорить съ докторскимъ кучеромъ, который въ нетерпѣніи постукивалъ ногами и похлопывалъ рукавицами. Сердце ея было переполнено, ей захотѣлось утѣшить бѣднаго иззябшаго человѣка, и она сказала ему, что докторъ, вѣроятно, скоро выйдетъ, и тутъ же проболталась, что въ этомъ домѣ докторъ, должно-быть, — она, навѣрное, не знаетъ, — совершилъ чудо: возвратилъ разсудокъ человѣку, потерявшему его десять лѣтъ тому назадъ. Она даже въ этомъ увѣрена, потому что всѣ въ домѣ повеселѣли, и больной теперь, должно-быть, сидитъ и разговариваетъ не хуже адвоката.

Конечно, это была большая нескромность со стороны Гильды, и она это сознавала, но не каялась: вѣдь такъ пріятно распространять хорошія вѣсти. Есть, къ

сожалѣнію, люди, которые находятъ не менѣе удовольствія разносить дурныя вѣсти.

Молодая дѣвушка побѣжала по каналу съ твердымъ намѣреніемъ впасть въ тотъ же грѣхъ и разсказать свою новость всей школѣ.

Какъ разъ въ это время, точно изъ земли, выросъ на каналѣ Янсонъ Кольпъ, первый собиратель новостей, вѣрнѣе — первый сплетникъ въ округѣ. Не прошло и двухъ секундъ, какъ онъ, угадывая чутьемъ источникъ новостей, стоялъ уже передъ докторскимъ кучеромъ, собиравшимъ вожжи, и немедленно началъ нападеніе.

— Скажи, пожалуйста, что такое дѣлается въ домѣ идіота? Твой хозяинъ тамъ?

Кучеръ принялъ таинственный видъ.

— Что же, — не унимался Янсонъ, — старикъ Бринкеръ умеръ? Да?

Кучеръ былъ непроницаемъ.

— Да говори же ты, старая лысина, а я схожу домой и принесу тебѣ большую коврижку, если только ты умѣешь ротъ раскрывать.

«Старая лысина» проголодался какъ волкъ, коврижка подѣйствовала на него.

Искуситель замѣтилъ это и приналегъ еще.

— Ну, валяй, дружище! Что новаго? Умеръ старикъ, что ли?

— Нѣтъ, здоровъ, разсудокъ къ нему вернулся, — выпалилъ кучеръ.

Янсонъ даже подпрыгнулъ отъ радости. Каждое слово онъ ловилъ на лету, приговаривая:

— Не можетъ быть!

Тутъ онъ увидѣлъ группу школьниковъ и, забывъ все на свѣтѣ, въ томъ числѣ и кучера и обѣщанную ему коврижку, со всѣхъ ногъ бросился дѣлиться новостями.

И вотъ, благодаря фантазіи разсказчиковъ, прежде чѣмъ закатилось зимнее солнце, по всей округѣ было извѣстно, что докторъ Бекманъ, случайно проѣзжая мимо дома Бринкера, зашелъ къ больному и задалъ ему черной, какъ чернила, микстуры; шесть человѣкъ должны были держать его, чтобы заставить проглотить лѣкарство. Затѣмъ идіотъ моментально вскочилъ на ноги въ полномъ разсудкѣ, да такъ быстро, что докторъ растянулся на полу. Потомъ онъ сѣлъ и сталъ говорить рѣчь, да такъ складно и хорошо, точно адвокатъ. Съ Бринкершей отъ радости случился нервный припадокъ. Гансъ кричалъ: «Вотъ я, отецъ, вашъ сынъ!» Маленькая Гретель тоже кричала: «Отецъ, отецъ, вотъ и я, ваша дочь!» Затѣмъ доктора, блѣднаго какъ смерть, снесли въ карету.

Когда на другой день докторъ Бекманъ вошелъ въ хижину Бринкера, онъ не могъ не замѣтить господствовавшаго въ ней радостнаго настроенія. Бринкерша сіяющая сидѣла у постели мужа съ вязаньемъ въ рукахъ; Гретель просѣвала муку для хлѣбовъ.

Докторъ побылъ недолго, осмотрѣлъ больного, разспросилъ кое о чемъ, повидимому, остался доволенъ отвѣтами и, пощупавъ пульсъ, сказалъ:

— А пульсъ слабый, очень слабый, сударыня. Нужно хорошее питаніе. Теперь вы можете дать ему поѣсть. Конечно, немного, но то, что вы ему дадите, должно быть очень питательно и перваго сорта.

— У насъ есть ржаной хлѣбъ, мингеръ, и каша, — весело отвѣтила Бринкерша: — это всегда была его любимая ѣда.

— Та-та-та, — отвѣтилъ докторъ, нахмуривъ брови, — ничего этого ему нельзя давать. Ему нуженъ сокъ свѣжей говядины, бѣлые сухари и хорошая малага. Гмъ... гмъ... Да ему, кажется, холодно. Покройте его

хорошенько, только чѣмъ-нибудь легкимъ и теплымъ. А гдѣ же малецъ?

— Гансъ ушелъ въ Брукъ искать работы, мингеръ. Онъ скоро вернется. Не угодно ли присѣсть?

Показался ли доктору табуретъ слишкомъ жесткимъ, или ему не понравилась грустная тѣнь, омрачившая лицо Бринкерши при его словахъ, только онъ насупился, смущенно оглядѣлся и промычалъ про себя: «Однако случай, изъ ряду вонъ выходящій», и исчезъ за дверью, прежде чѣмъ хозяйка успѣла ему что-либо сказать.

Невѣроятнымъ казалось бы, чтобы визитъ доктора-благодѣтеля могъ принести съ собой новое горе въ хижину, а между тѣмъ это было такъ. Гретель мѣсила тѣсто съ какимъ-то ожесточеніемъ. Бринкерша наклонилась къ изголовью мужниной постели и горько плакала.

Гансъ не замедлилъ вернуться.

— Мама, что съ тобой? — тревожно спросилъ онъ. — Развѣ отцу хуже?

Она повернула къ нему заплаканное лицо, не скрывая своего отчаянія.

— Да, онъ можетъ умереть съ голоду, докторъ сказалъ.

Гансъ поблѣднѣлъ.

— Что это значитъ, мама? Такъ дай ему поскорѣе поѣсть. Гретель, давай сюда кашу.

— Нѣтъ, нѣтъ! — заговорила мать испуганнымъ голосомъ. — Это можетъ его убить, это слишкомъ тяжелая пища для него. О, Гансъ, онъ умретъ, если мы будемъ его кормить тѣмъ, что ѣдимъ сами. Ему нужно хорошей говядины, крѣпкаго вина и мягкое, теплое одѣяло. О, Боже мой, что намъ дѣлать? Что намъ дѣлать? —

повторяла она, ломая руки. — Въ домѣ мѣднаго гроша нѣтъ.

Слезы Гретель такъ и капали въ тѣсто.

— Докторъ сказалъ, что отцу *необходимы* всѣ эти вещи? — переспросилъ Гансъ.

— Да, сказалъ, — отвѣтила мать.

— Такъ вотъ что, мама, не плачь. Отецъ получитъ все это. Я сегодня же до вечера достану и говядины и вина, а одѣяло возьми съ моей постели; я буду спать въ соломѣ.

— Хорошо, Гансъ; но твое одѣяло, хоть и очень тонкое, все-таки тяжело для него. Докторъ очень настаивалъ на томъ, чтобъ его покрыть чѣмъ-нибудь легкимъ. Нѣтъ, онъ умретъ! Вѣдь нашъ запасъ торфа совсѣмъ выходитъ. Отецъ сколько его сжегъ: только отвернешься, онъ и броситъ въ печку.

— Ну, что жъ, мама, мы срубимъ нашу иву и ею будемъ топить. Я непремѣнно что-нибудь принесу сегодня вечеромъ. Въ Амстердамѣ *должна* быть работа, здѣсь, въ Брукѣ, я ея не нашелъ. Не бойся, мама: самое страшное вѣдь миновало. Теперь, когда Господь возвратилъ отцу разумъ, мы можемъ все перенести.

— Ахъ, — могла только сказать Бринкерша, утирая слезы, — все это правда!

— Конечно. Посмотри, какъ онъ спокойно спитъ. Неужели ты думаешь, что Господь, только что возвративъ его намъ, дастъ ему умереть съ голоду? Я увѣренъ, мама, что достану все нужное отцу, — такъ увѣренъ, какъ будто мои карманы были полны золотомъ. Такъ не плачь же.

И, торопливо обнявъ мать, Гансъ схватилъ коньки и пустился вонъ изъ дома.

Бѣдный мальчикъ! Разочарованный въ поискахъ за работой, разстроенный домашними новостями, онъ все

еще не падалъ духомъ, не терялъ надежды какъ-нибудь поправить бѣду и бодро посвистывалъ дорогой.

Никогда еще нужда не ложилась такъ тяжело на семью бѣдныхъ Бринкеровъ. Запасъ топлива почти весь вышелъ, Гретель мѣсила послѣднюю муку. Они едва вспоминали объ ѣдѣ въ эти послѣдніе дни. Бринкерша была увѣрена, что она и дѣти во всякое время могутъ заработать себѣ на необходимое и выйти изъ бѣды, а потому вся безъ раздѣла отдалась радости по случаю выздоровленія мужа. Она даже позабыла сообщить Гансу, что нѣсколько монетъ, хранившихся въ ея чулкѣ, израсходованы.

Теперь Гансъ очень упрекалъ себя, что не остановилъ доктора, котораго встрѣтилъ на пути, и не поговорилъ съ нимъ.

«Тутъ есть какая-то ошибка, — думалъ онъ. — Докторъ знаетъ, что мы не въ состояніи дать отцу ни говядины, ни вина, ни тонкаго одѣяла. А правда, отецъ очень слабъ. Надо, непремѣнно надо найти работу. Если бы мингеръ ванъ-Гольпъ вернулся изъ Роттердама, работа у меня была бы. Да вѣдь господинъ Петеръ просилъ меня въ случаѣ нужды обратиться къ нему. Пойду. Ахъ, если бы не зима»...

Размышляя такимъ образомъ, Гансъ добѣжалъ до канала, надѣлъ коньки и направился къ жилищу ванъ-Гольпъ.

— Отцу необходимо теперь же имѣть говядину и вино, — бормоталъ онъ. — Но когда же я успѣю заработать деньги, чтобы купить все это сегодня же? Рѣшительно другого средства нѣтъ, какъ итти къ господину Петеру. Что стоитъ ему дать намъ немного мяса и вина? А потомъ, когда отецъ поѣстъ, я побѣгу въ Амстердамъ и заработаю что нужно на завтрашній день.

Но тутъ другія мысли зашевелились въ его головѣ; отъ нихъ сильнѣе забилось его сердце и вспыхнули щеки.

— А вѣдь это называется просить милостыню. Бринкеры, благодаря Бога, никогда еще до этого не доходили. Неужели я буду первый? Бѣдный отецъ, придя въ себя, узнаетъ, что его семья побиралась. Какъ это ему будетъ тяжело, ему, такому благоразумному и бережливому! Нѣтъ, — воскликнулъ Гансъ, — этого не будетъ! Во сто разъ лучше развязаться съ этими часами. Я подъ нихъ могу занять денегъ въ Амстердамѣ, — разсуждалъ онъ, поворачивая назадъ къ дому, — въ этомъ не будетъ ничего постыднаго. Можетъ-быть, я тутъ же найду работу и выкуплю ихъ. Развѣ поговорить объ этомъ съ отцомъ?

Послѣдняя мысль заставила его припрыгнуть отъ радости. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не посовѣтоваться съ отцомъ? Онъ теперь совсѣмъ разумный человѣкъ. Можетъ-быть, онъ проснется бодрый и веселый и объяснитъ, что ничего особеннаго въ этихъ часахъ нѣтъ и что ихъ можно продать, какъ всякую цѣнную вещь. Отлично!

ГЛАВА XVI.

Выздоровленіе. — Тысяча флориновъ.

Гансъ пустился во весь духъ домой. Черезъ нѣсколько минутъ съ коньками на рукѣ онъ подходилъ къ своей хижинѣ.

Мать встрѣтила его на порогѣ.

— Гансъ, — кричала она съ сіяющимъ лицомъ, — приходила барышня съ своей няней и принесла всякой всячины: говядины, желе, вина и бѣлаго хлѣба — пол-

ную корзину. А докторъ прислалъ съ служителемъ своимъ вино, удобную кровать и одѣяло для отца. Да благословитъ ихъ за это Господь!

— Да, да благословитъ ихъ Господь! — повторилъ Гансъ.

И впервые въ этотъ день глаза юноши заблестѣли слезами благодарности.

Вечеромъ Рафъ Бринкеръ чувствовалъ себя настолько хорошо, что настоятельно просилъ усадить его на высокій деревянный стулъ со спинкой передъ огнемъ.

Въ хижинѣ началась страшная суматоха. Гансъ игралъ при этомъ очень важную роль: отецъ былъ слабъ, и ему нужна была твердая опора. Мать, хотя и не походила на нашихъ воздушныхъ барынь, тѣмъ не менѣе отъ тревоги, что мужъ требуетъ чего-то недозволеннаго докторомъ, совсѣмъ растерялась и, вмѣсто того, чтобы поддержать, чуть не уронила его.

— Потише, потише, жена, — говорилъ прерывающимся голосомъ Рафъ. — Неужели я сталъ такъ слабъ и старъ или это лихорадка сдѣлала меня такимъ?

— Каково разговариваетъ-то! — въ восторгѣ смѣялась Бринкерша. — Не хуже всякаго другого. Это остатки твоей болѣзни, Рафъ, больше ничего. Ну, вотъ и кресло твое. Садись. Слава Богу, сѣлъ!

И съ этими словами Бринкерша съ одной стороны, а Гансъ съ другой осторожно опустили больного въ кресло.

Гретель была тоже не безъ дѣла: она успѣла натаскать всякой рухляди на кресло и на спинку, чтобы было мягче сидѣть, потомъ подсунула отцу подъ ноги рѣзную скамейку, а Гансъ раздулъ огонь въ печкѣ.

Итакъ, отецъ всталъ. Что удивительнаго, что онъ еще немного дико озирается кругомъ. «Маленькій Гансъ» чуть не поднимаетъ его на рукахъ. «Крошка Гретель»

„А вѣдь я узнаю ее“.

съ серьезнымъ видомъ загребаетъ уголья въ печкѣ. Метти, его добрая женка, такая же красивая и милая, какъ всегда, прибавилась въ вѣсѣ фунтовъ на пятьдесятъ. И всѣ эти перемѣны совершились для него въ нѣсколько часовъ. Собственное лицо его покрылось морщинами, которыхъ онъ что-то не помнитъ у себя.

Единственныя вещи, которыя вовсе не перемѣнились и который онъ отлично узналъ, — это сосновый столъ, сдѣланный имъ передъ свадьбой, толстая Библія на полкѣ да посудный шкапъ въ углу.

Какъ понятны твои слезы, Рафъ Бринкеръ, даже посреди радостно улыбающейся семьи. Десять лѣтъ вычеркнуть изъ жизни — не шутка! Потерять десять лѣтъ мужественной силы и семейнаго счастія, десять лѣтъ честнаго труда и сознательнаго созерцанія красотъ Божьяго міра! Да и какъ потерять! Вчера пользоваться всѣми благами, а на утро лишиться ихъ. Итакъ, пусть никто не удивляется слезамъ, льющимся изъ твоихъ глазъ!

А маленькая Гретель! Молитва ея услышана. Теперь она знаетъ своего отца и любитъ его. Она чувствуетъ, что именно съ этого момента разумно любитъ его. Гансъ съ матерью молча переглянулись, когда Гретель бросилась къ отцу и обвила его шею своими руками.

— Отецъ, милый отецъ, — говорила она, прижимаясь къ его щекѣ, — не плачь, мы вѣдь всѣ здѣсь вокругъ тебя.

— Да благословитъ тебя Богъ, — сказалъ растроганный отецъ, цѣлуя ее нѣсколько разъ. — Какъ это я могъ тебя забыть.

Онъ вдругъ весело поднялъ голову.

— А вѣдь я узнаю ее, жена, — сказалъ онъ, держа передъ собой дочь и глядя на нее, какъ будто на глазахъ у него она росла и переживала протекшія десять

лѣтъ. — Тѣ же голубые глаза, тѣ же пунцовыя губки. А помнишь пѣсенку, которую она тогда напѣвала, когда еще и говорить не умѣла? Да, но вѣдь это было давно, — вздохнулъ онъ: — вѣрно, и пѣсенка забыта....

— Вотъ и нѣтъ! — живо возразила мать. — Неужели ты думаешь, что я допустила бы, чтобы она позабыла эту пѣсенку? Гретель, дитя мое, спой намъ старую пѣсню, ты ее хорошо знаешь.

Рафъ Бринкеръ уронилъ руки на колѣни съ видомъ утомленія, глаза его закрылись, но улыбка не сходила съ лица все время, пока голосъ Гретели раздавался въ хижинѣ.

Это была простая мелодія безъ словъ; Гретель инстинктивно спѣла ее такъ нѣжно и тихо, что отецъ легко могъ представить себѣ, что слышитъ пѣніе двухлѣтней малютки.

Какъ только кончилось пѣніе, Гансъ полѣзъ на табуретъ и принялся шарить въ буфетѣ. Въ Бринкершѣ проснулась заботливая и бережливая хозяйка.

— Осторожно, Гансъ, тамъ стоитъ вино направо, а сзади бѣлый хлѣбъ; не опрокинь чего-нибудь.

— Не бойся, мама, я ничего не задѣну.

И онъ продолжалъ что-то искать на самомъ заду верхней полки.

Спустя минуты двѣ Гансъ соскочилъ съ табурета, держа въ рукахъ продолговатый еловый обрубокъ, напоминавшій своей формой лодку, и положилъ его въ руки отцу.

— Узнаешь ты это, отецъ? — спросилъ онъ.

Лицо Рафа прояснилось.

— Это я, сынокъ, началъ дѣлать тебѣ лодку, только не вчера, а давно... давно...

— Я ее сберегъ, отецъ, и ты мнѣ ее докончишь, какъ только твои руки окрѣпнутъ.

— Только ужъ не для тебя, молодецъ. Я подожду новаго поколѣнія. Вѣдь ты ужъ скоро женихъ. Ну, какъ же ты берегъ мать во всѣ эти долгіе годы?

— О, отлично! У насъ рѣдкія дѣти, и сынъ и дочь, можешь ими гордиться, — сказала мать.

— Однако посчитаемъ немного времени. Сколько же лѣтъ прошло съ послѣдняго наводненія? Это послѣднее, что я помню.

— Мы уже тебѣ говорили, Рафъ: десять лѣтъ было въ Троицу.

— Десять лѣтъ! И я упалъ, вы говорите? Неужели все это время я былъ въ горячкѣ?

Бѣдная женщина не знала, что на это отвѣтить. Сказать ли, что онъ все это время былъ идіотомъ, почти сумасшедшимъ? Но вѣдь докторъ запретилъ волновать больного.

Гансъ и Гретель очень удивились отвѣту матери.

— Очень возможно, Рафъ. Когда человѣкъ такой здоровый и сильный, какъ ты, падаетъ головой внизъ съ высоты, все можетъ приключиться. Но ты теперь здоровъ, Рафъ, и слава Богу; зачѣмъ же говорить о прошломъ?

— Да, конечно, почти здоровъ, — отвѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — только мозгъ ужасно работаетъ, вертится какъ колесо. Я выздоровѣю совсѣмъ только тогда, когда попаду на плотину. Когда мнѣ можно итти на работу, вы знаете?

— Что ты, что ты! — возразила жена, наполовину восхищенная, наполовину испуганная его энергіей. — Надо, Гансъ, уложить его скорѣе въ постель. Скажите на милость — работать! Вотъ такъ выдумалъ! Его уже на плотину тянетъ. Слишкомъ рано, муженекъ.

Она попробовала было съ Гансомъ его приподнять съ кресла, но онъ не дался.

— Смирно! — весело возвысилъ онъ голосъ. — Развѣ мужчина можетъ допустить, чтобы его поднимали какъ колоду? Я вамъ объявляю, что раньше, чѣмъ солнце трижды взойдетъ на небѣ, я буду на плотинѣ. Тамъ меня славные мои товарищи поджидаютъ: Жанъ Камфуйзенъ и молодой Гугвли. Надѣюсь, что они были для тебя, Гансъ, добрыми друзьями?

Гансъ посмотрѣлъ на мать. Уже пять лѣтъ, какъ молодой Гугвли умеръ, а Жанъ Камфуйзенъ сидитъ въ амстердамской тюрьмѣ.

Мать поспѣшила на выручку сыну.

— Конечно, они помогли бы намъ, если бы мы ихъ о томъ просили, но Гансу некогда было и встрѣчаться съ ними: то школа, то работа; такъ незамѣтно шло время.

— Работа... школа...—задумчиво повторилъ Рафъ.— Они у тебя, жена, видно и читать умѣютъ и счетъ знаютъ?

— Еще бы! — съ гордостью отвѣчала мать. — Ты только послушай ихъ. Гансъ такъ и корпитъ за книгой, точно заяцъ въ капустѣ. А что касается счета...

— Подойди-ка, сынокъ, — перебилъ ее Рафъ. — Помоги мнѣ встать; пора въ постель.

Кто увидѣлъ бы въ этотъ вечеръ Бринкершу съ дѣтьми за скромнымъ ужиномъ, состоящимъ изъ чернаго хлѣба и чистой воды, тому, навѣрное, и въ голову бы не пришло, какія вкусныя вещи хранятся рядомъ въ буфетѣ. Дѣти не разъ поглядывали въ ту сторону, но они скорѣе согласились бы отказаться вовсе отъ ужина, чѣмъ полакомиться вкусными вещами, предназначенными для выздоравливающаго отца.

— Онъ поѣлъ съ аппетитомъ, — сказала мать, глазами указывая на постель больного,—и сейчасъ же заснулъ. Я думаю, онъ еще долго будетъ слабъ. Хотѣлъ

было опять встать, я не прекословила, и онъ понемногу успокоился. Попомни, Гретель: будешь замужемъ когда-нибудь, не противорѣчь мужу; властвовать надъ мужемъ можно только покорностью. Послушная и почтительная жена почти всегда глава въ домѣ. Что съ тобой, Гансъ? Какой ты разсѣянный...

— Ничего, мама, я такъ задумался...

— О чемъ, мой другъ? Да, впрочемъ, что и спрашивать! Знаю, вѣдь и я о томъ же думаю. Конечно, мы могли бы теперь заговорить съ нимъ о тысячѣ флориновъ, но ни слова, дѣти, объ этомъ. Очевидно, онъ ничего о нихъ не знаетъ и не помнитъ.

Гансъ тревожно посмотрѣлъ на мать. Онъ боялся, что воспоминаніе объ этихъ деньгахъ, какъ и всегда, взволнуетъ ее. Но на этотъ разъ она спокойно продолжала ѣсть, только глаза ея подернулись грустью.

— Тысяча флориновъ... — раздался слабый голосъ съ той стороны, гдѣ стояла кровать. — Я увѣренъ, что они очень пригодились тебѣ, жена, въ то время, когда мужъ твой ничего не зарабатывалъ?

Бѣдная женщина вздрогнула. Эти слова разрушали вконецъ надежду, которая начала было зарождаться въ ней послѣднее время.

— Ты проснулся, Рафъ? — пробормотала она.

— Да, жена, и я чувствую себя гораздо лучше. Я говорю, Метти, какъ мы хорошо сдѣлали тогда, что откладывали копейку на черный день. Хватило тебѣ на эти десять лѣтъ?

— Но... я... у меня не было этихъ денегъ... Рафъ.

Она уже готова была открыть ему всю истину, но Гансъ остановилъ ее умоляющимъ жестомъ: вѣдь докторъ запретилъ тревожить больного.

— Говори съ нимъ, Гансъ, я больше не могу...

Гансъ подошелъ къ постели.

— Какъ я радъ, что тебѣ лучше, отецъ! Еще день, другой, и ты совсѣмъ окрѣпнешь...

— Да, я думаю. Скажи, пожалуйста, на сколько же времени вамъ хватило этихъ денегъ? Я что-то не разслышалъ, что сказала мать. Что она мнѣ отвѣтила?

— Я сказала, Рафъ, — произнесла она съ отчаяніемъ, — что деньги исчезли... ихъ нѣтъ...

— Ну, полно, полно, жена, не горюй объ этомъ; тысяча флориновъ на десять лѣтъ! Еще бы не исчезнуть! И жить, и кормиться, и дѣтей воспитывать! Но они вамъ сослужили хорошую службу. Часто вы болѣли?

— Н-н-ѣтъ... — отвѣчала Бринкерша, всхлипывая и закрывая лицо фартукомъ.

— Та-та-та... о чемъ же ты плачешь, жена? — сказалъ добродушно Рафъ. — Богъ дастъ, мы еще разъ наполнимъ мѣшокъ, только бы встать мнѣ на работу. Хорошо, что я передъ тѣмъ, какъ упасть, разсказалъ тебѣ все.

— Разсказалъ? Что разсказалъ, кому? — спросила жена.

— Да то, что я деньги зарылъ! Представь себѣ, что мнѣ сейчасъ приснилось, будто я тебѣ ничего объ этомъ не сказалъ...

Бринкерша такъ и рванулась съ мѣста. Гансъ удержалъ ее.

— Тише, тише, мама, ты только слушай, — шепнулъ онъ матери.

И пока та въ страшномъ волненіи стояла въ сторонѣ, Гансъ подошелъ къ постели и дрожащимъ голосомъ заговорилъ:

— Странный сонъ, отецъ, ты видѣлъ. А ты помнишь, когда ты зарылъ деньги?

— Какъ же, сынокъ. Это было передъ закатомъ солнца въ тотъ самый день, какъ я упалъ. Яковъ Камфуйзенъ наканунѣ болталъ что-то такое неладное, что навело на меня сомнѣніе въ его честности. А онъ одинъ только, кромѣ матери, и зналъ, что у насъ есть тысяча флориновъ. Вотъ я ночью всталъ, да и зарылъ деньги. Съ ума я, что ли, сошелъ подозрѣвать стараго друга.

— Бьюсь о закладъ, отецъ,— шутливымъ тономъ продолжалъ Гансъ, дѣлая въ то же время знаки матери и сестрѣ, чтобы онѣ оставались спокойны, — бьюсь о закладъ, что ты позабылъ мѣсто, гдѣ ихъ зарылъ!

— Нѣтъ, сынокъ! Забуду я? Никогда! Но знаешь это: мнѣ дремлется, я опять засну.

— Спи, когда такъ. А куда жъ ты ихъ зарылъ? Вѣдь я былъ маленькій тогда — не помню...

— А тутъ сейчасъ подлѣ вербы, за домомъ, — сказалъ Рафъ, засыпая.

— Такъ, такъ, къ сѣверу отъ дерева, не правда ли?

— Нѣтъ, на югъ. Да ты, малый, вѣрно, знаешь, только хитришь!.. Вѣрно, при тебѣ мать ихъ выкапывала. Ну, теперь довольно; поправь немного подушку... Вотъ такъ, хорошо; прощай.

— Спокойной ночи, отецъ! — чуть не прыгая отъ радости, проговорилъ Гансъ.

Луна поздно поднялась въ тотъ вечеръ. Свѣтъ, лившійся въ окно, не безпокоилъ Рафа Бринкера; онъ и Гретель спали крѣпко.

Но Гансу съ матерью предстояла работа. Наскоро сдѣлавъ кое-какія приготовленія, они вышли на дворъ; на лицахъ ихъ было радостное нетерпѣніе; въ рукахъ у нихъ былъ сломанный заступъ и заржавленный ломъ — вѣрный товарищъ Рафа Бринкера въ его работахъ на плотинѣ.

На дворѣ было свѣтло, и они отлично могли видѣть вербу со всѣхъ сторонъ. Замерзшая земля была тверда какъ камень, но Гансъ и мать его вооружились мужествомъ. Единственно, чего они опасались, — это разбудить спящихъ въ домѣ.

— Ломъ дѣйствуетъ исправно,—говорилъ Гансъ, съ силой ударяя по землѣ, — но дѣло въ томъ, что земля ужасно тверда, оттого и работа подвигается медленно.

— Что же дѣлать, Гансъ,— ободряла его мать.—Дай, теперь я поработаю.

Скоро они вырыли порядочную яму, дальше работа пошла легче.

Такъ они долго копали, смѣняя другъ друга и весело перешоптываясь. По временамъ мать подходила къ дверямъ хижины послушать, не проснулся ли мужъ.

— Какая это будетъ пріятная новость для него, когда онъ только будетъ въ состояніи ее выслушать,— говорила она, смѣясь.—Съ какимъ бы удовольствіемъ я положила мѣшокъ и чулокъ, набитые деньгами, подлѣ него въ эту ночь, чтобы онъ, милый человѣкъ, увидалъ ихъ при своемъ пробужденіи!

— Да, мама, это такъ; но прежде всего намъ нужно найти ихъ,—говорилъ Гансъ, усердно выбрасывая землю.

— Нѣтъ сомнѣнія, что мы ихъ найдемъ,—возражала на это мать, дрожа отъ холода и волненія,— и я знаю, что мы найдемъ ихъ въ глиняномъ горшкѣ; онъ, я припоминаю, тогда же пропалъ.

И Гансъ дрожалъ, но не отъ холода. Онъ вырылъ яму въ цѣлый футъ глубины съ одной стороны дерева; съ минуты на минуту онъ могъ быть у цѣли.

А звѣзды съ высоты смотрѣли на эту работу и подмигивали другъ другу, какъ бы говоря: «Что за диковинная страна эта Голландія: чего-чего въ ней не увидишь!»

— Какой чудакъ отецъ! Зачѣмъ онъ такъ глубоко зарылъ деньги, — сказала недовольнымъ тономъ Бринкерша. — Правда, что въ ту пору года земля была мягкая. А какъ онъ умно подозрѣвалъ Камфуйзена, хотя въ то время по его наружности никакъ нельзя было сказать, что онъ попадетъ когда-нибудь въ тюрьму. Да, отецъ судилъ его вѣрнѣе другихъ. Ну-ка, Гансъ, пусти меня опять поработать. Какъ бы только не повредить дерево. Какъ ты полагаешь, не погубимъ мы его?

— Право, не знаю, мама, — отвѣтилъ серьезно Гансъ.

Онъ былъ, видимо, озабоченъ.

Итакъ, часъ за часомъ мать и сынъ все работали да работали. Яма стала шире и глубже. Надъ головами ихъ пробѣгали тучи, и луна давала фантастическій свѣтъ. Но когда и луна и звѣзды поблѣднѣли и потухли, а на востокѣ загорѣлась утренняя заря, — мать и сынъ печально переглянулись.

Они обрыли дерево со всѣхъ сторонъ: съ сѣвера, юга, запада и востока, и нигдѣ ничего не нашли. Сокровище исчезло, а оно было такъ нужно именно теперь для выздоравливающаго отца.

ГЛАВА XVII.

Анни Бауманъ. — Гансъ ищетъ работы.

Анни Бауманъ питала къ Янсону Кольпъ нѣчто въ родѣ отвращенія, котораго она не могла ни скрыть ни преодолѣть. Она объявляла во всеуслышаніе, что не можетъ заставить себя сказать Янсону ласковое слово, хотя бы это стоило ей жизни.

А Янсонъ находилъ, что Анни Бауманъ самое дерзкое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое милое существо въ мірѣ.

Анни смѣялась съ подругами надъ тѣмъ, какъ болтается грязная куртка Янсона и бьетъ его по ногамъ; а онъ вздыхалъ при одномъ воспоминанiи о томъ, какъ передъ его глазами мелькала голубая юбка веселой Анни. Она благодарила Бога, что ея братья не походятъ на Кольпа; а онъ ворчалъ на свою сестру за то, что она не походитъ на Анни Бауманъ. Въ присутствiи Янсона Анни дѣлалась грубой и безжалостной; онъ, напротивъ, дѣлался смирнымъ какъ ягненокъ. Они встрѣчались часто, и съ каждой встрѣчей Анни ненавидѣла Янсона все сильнѣе, а онъ все сильнѣе привязывался къ ней.

«Какъ она на меня сердито поглядѣла! А я все-таки красивый парень, хоть куда, — смуглый да румяный», думалъ Янсонъ.

— Янсонъ Кольпъ, что ты все торчишь тутъ? Убирайся отъ меня подальше! — кричала Анни.

Янсонъ самоувѣренно смѣялся: «Знаю я, дѣвушка никогда не скажетъ того, что думаетъ».

Въ тотъ день, когда Анни возвращалась на конькахъ изъ Амстердама, ей еще издали показалась фигура ненавистнаго Янсона, и она рѣшила пробѣжать мимо и сдѣлать видъ, что не замѣчаетъ его.

— Здравствуй, Анни Бауманъ! — заговорила фигура.

«Чей это прiятный голосъ? — подумала Анни. — Это не Янсонъ».

И вдругъ улыбка заиграла на лицѣ ея: она узнала говорившаго.

— Здравствуй, Гансъ; я очень рада видѣть тебя.

Улыбка Анни отразилась и на лицѣ Ганса и точно преобразила его.

— Здравствуй, Анни, — сказалъ онъ. — У насъ въ домѣ большiя перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ ты не была у насъ.

— Что такое? — вскричала она радостно.

Гансъ, видя ея участіе, подробно разсказалъ ей обо всемъ происшедшемъ въ ихъ домѣ и о томъ, что выздоравливающій отецъ нуждается въ хорошемъ питаніи; по дружбѣ разсказалъ и то, что денегъ на это у нихъ нѣтъ, и одна только надежда — ихъ заработать, но, къ несчастью, онъ до сихъ поръ нигдѣ не могъ достать работы.

Все это онъ разсказывалъ не съ тѣмъ, чтобы пожаловаться на судьбу или разжалобить Анни, а потому, что ея участливый взглядъ ясно говорилъ, что она все хочетъ знать. Объ одномъ только онъ умолчалъ: о своемъ горькомъ разочарованіи относительно потерянныхъ денегъ, — умолчалъ потому, что этотъ секретъ принадлежитъ не ему одному. Кончивъ разсказъ, Гансъ сказалъ:

— До свиданія, Анни; съ тобой и не видишь, какъ время летитъ. А я тороплюсь въ Амстердамъ: хочу продать вотъ эти коньки. Матери нужны деньги сейчасъ. Встрѣча съ тобой принесетъ мнѣ счастье: я, навѣрное, до вечера добуду работу.

— Ты хочешь продать свои новые коньки, Гансъ, — ты, самый ловкій и быстрый на конькахъ во всемъ Брукѣ? Да вѣдь черезъ пять дней бѣгъ!

— Что же дѣлать, — отвѣчалъ твердымъ голосомъ Гансъ, — надо принести эту маленькую жертву. До свиданія, Анни! Домой я прикачу на своихъ старыхъ деревянныхъ конькахъ. Не велика бѣда!

Какой смѣлый, вызывающій взглядъ! И юноша полетѣлъ какъ стрѣла.

— Гансъ, Гансъ, вернись! — кричала Анни.

Гансъ на полномъ ходу описалъ дугу и очутился вновь передъ ней.

— Такъ ты рѣшился продать свои новые коньки? И надѣешься найти на нихъ охотника?

„Подождите пемного, прошу васъ, молодой человѣкъ“,— сказала г-жа ванъ-Гольпъ.

— Конечно,— отвѣтилъ онъ, немного удивленный.— Отчего не найти? Они такіе красивые и удобные.

— Такъ вотъ что, Гансъ: если ты окончательно рѣшился ихъ продать...— заговорила Анни, конфузясь,— то я... я... такъ я знаю, кто ихъ захочетъ купить. Вотъ что.

— Ужъ не Янсонъ ли Кольпъ? — спросилъ, весь покраснѣвъ, Гансъ.

Анни засмѣялась.

— Да, я съ нимъ знакома, но тѣмъ хуже для него. Пожалуйста, не говори мнѣ никогда про Янсона: я его ненавижу.

— Ты его ненавидишь, Анни? Да развѣ ты можешь кого-нибудь ненавидѣть?

Она капризно мотнула головой.

— Да и тебя я тоже возненавижу, если ты будешь считать его моимъ другомъ. Вы, молодые люди, еще можете его терпѣть, потому что онъ выигралъ призъ въ храмовой праздникъ прошлое лѣто, взлѣзъ на мачту скорѣе всѣхъ; вамъ это нравится, а мнѣ нисколько. Я возненавидѣла его съ того дня, какъ онъ вытолкалъ при мнѣ свою сестренку изъ круга танцующихъ въ Амстердамѣ. Потомъ, всѣмъ извѣстно, что это онъ, не кто другой, убилъ аиста на вашей крышѣ. Но я не понимаю, зачѣмъ мы такъ долго говоримъ объ этомъ мальчишкѣ... Право, Гансъ, я знаю кое-кого, кто будетъ очень радъ пріобрѣсти твои коньки. Прошу тебя, уступи мнѣ ихъ; деньги я принесу тебѣ послѣ обѣда.

Если Анни была мила и тогда, когда говорила «я ненавижу», то можно себѣ представить, какое неотразимое впечатлѣніе производило ея «прошу тебя». По крайней мѣрѣ, такого мнѣнія былъ Гансъ.

— Анни,— сказалъ онъ, снимая коньки и тщательно обтирая ихъ,— мнѣ очень совѣстно торопить тебя, но

если твоему другу коньки почему-либо не пригодятся,— возврати ихъ мнѣ сегодня же поскорѣй.

— О, «моему другу» они, навѣрное, пригодятся, — отвѣтила смѣясь Анни: — я знаю, что онъ давно такіе ищетъ.

И, дружески кивнувъ Гансу на прощанье, она быстро удалилась съ коньками въ рукахъ.

Въ то время, какъ Гансъ вынималъ изъ кармана свои деревянные обрубки и привязывалъ ихъ къ ногамъ, Анни говорила про себя: «Какой славный мальчикъ этотъ Гансъ! Жаль, что я такъ глупа, не умѣю его утѣшить».

Гансъ не слышалъ этого, такъ же, какъ и Анни того, что говорилъ про нее Гансъ: «Экій я медвѣдь, право! И бываютъ же такія чудныя дѣвушки, точно ангелъ съ неба!»

Бѣдный Гансъ едва двигался по льду на своихъ безформенныхъ деревяжкахъ: онъ успѣлъ отвыкнуть отъ нихъ. И ужъ какъ же онъ жалѣлъ о своихъ новыхъ конькахъ! Жалѣлъ не о томъ, что отдалъ ихъ Анни, а о томъ, что нельзя было ихъ удержать еще хоть на нѣсколько дней, ну, хоть до бѣговъ. Но, вспомнивъ о матери, онъ живо утѣшился.

«Мать, навѣрное, не будетъ сердиться, что я продалъ ихъ безъ ея позволенія. Она такъ измучилась безъ денегъ. Я скажу ей объ этомъ, только вручая деньги, которыя мнѣ принесетъ Анни».

Въ этотъ день бѣдный Гансъ обѣжалъ, кажется, весь Амстердамъ въ поискахъ за работой. Ему удалось получить всего нѣсколько грошей за то, что онъ подсобилъ погонщику муловъ. Въ иныхъ мѣстахъ оказывалось, что подходящая работа была только что сдана другому; другіе приглашали его навѣдаться черезъ мѣсяцъ или два, когда вскроются каналы; боль-

шая часть мотала отрицательно головой, давая этимъ знать, что не нуждается въ его услугахъ.

Такая же неудача встрѣтила его и въ фабричныхъ конторахъ.

«Въ этихъ громадныхъ зданіяхъ, гдѣ вырабатывается матерій, тканей и всякой всячины чуть не на весь свѣтъ, какъ, кажется, не найти мѣста для пары рабочихъ рукъ?» думалъ Гансъ. А между тѣмъ мѣста не нашлось; всюду бѣдный мальчикъ слышалъ одинъ отвѣтъ: никого не нужно, и безъ того рукъ слишкомъ много; передъ Николинымъ днемъ еще была нужда въ рабочихъ, а теперь хоть отбавляй.

«Жаль, что эти люди не могутъ взглянуть на Гретель и на мать! Вѣрно, сжалились бы!» думалъ Гансъ. Онъ былъ неправъ. На его собственномъ лицѣ такъ ясно отражались заботы и уныніе, угнетавшія его, что нерѣдкій хозяинъ, отказывая ему по необходимости и даже, можетъ-быть, въ грубой формѣ, въ душѣ жалѣлъ его и сознавалъ, что этотъ мальчикъ болѣе другихъ нуждается и, слѣдовательно, болѣе другихъ заслуживалъ бы быть принятымъ.

Его печальное лицо производило на многихъ сильное впечатлѣніе, а одинъ изъ хозяевъ и дома не могъ забыть его и поручилъ своему приказчику непремѣнно найти на утро работу бѣдному юношѣ изъ Брука.

Но Гансъ этого не зналъ. Около заката онъ пустился въ обратный путь опечаленный, измученный, но не обезкураженный, ибо рѣшеніе его было твердо: во что бы то ни стало добиться работы.

Впрочемъ, оставалась еще одна маленькая надежда: быть-можетъ, отецъ Петера, г. ванъ-Гольпъ, возвратился. Гансъ, правда, слышалъ, что Петеръ наканунѣ отправился въ Гарлемъ на собраніе, которое должно было окончательно обсудить предстоящій бѣгъ на конь-

кахъ; но передъ уходомъ Петеръ, согласно обѣщанію, могъ рекомендовать Ганса своему отцу; надо попытать счастья и оправдать рекомендацію. Но какова была радость Ганса, когда оказалось, что Петеръ успѣлъ благополучно вернуться изъ Гарлема и собирается къ Бринкерамъ.

— Ахъ, Гансъ, это ты! — встрѣтилъ его Петеръ у дверей. — Тебя-то мнѣ и надо. Входи скорѣе и обогрѣйся.

Тутъ ожидала Ганса большая радость. Петеръ принесъ ему отъ отца изъ Гарлема разрѣшеніе приступить немедленно къ работѣ павильонныхъ дверей. Гансу предоставлялась мастерская со всѣми инструментами въ его полное распоряженіе.

По добротѣ и деликатности своей Петеръ, конечно, не упомянулъ о томъ, что онъ нарочно бѣгалъ для этого въ Гарлемъ. За свои хлопоты онъ былъ достаточно вознагражденъ взглядомъ, въ которомъ выразились и горячая благодарность и несказанная радость бѣднаго юноши.

— Я сдѣлаю все, что могу, — сказалъ Гансъ, — хотя до сихъ поръ никогда еще не бралъ такихъ сложныхъ работъ.

— О, я увѣренъ, что все будетъ отлично, — съ жаромъ произнесъ Петеръ. — Въ мастерской есть всевозможныя орудія. Вотъ она тутъ въ саду, за зеленью ея почти не видно. Какъ сегодня здоровье твоего отца?

— Лучше, благодарю васъ; онъ со дня на день поправляется.

— Это просто необыкновенное исцѣленіе! Оказывается, что этотъ ворчунъ-докторъ — великій человѣкъ.

— Ахъ, мингеръ, — живо возразилъ Гансъ, — этотъ великій человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добрѣйшій человѣкъ. Безъ его искусства и добраго сердца мой отецъ

и до сей поры былъ бы во тьмѣ. По-моему, мингеръ,— прибавилъ онъ, одушевляясь,— хирургія — величайшая изъ наукъ.

— Хирургія, можетъ-быть, очень почтенная наука, но она не въ моемъ вкусѣ. Очевидно, докторъ Бекманъ обладаетъ большимъ искусствомъ. Но что касается его сердца, то не дай Богъ никому такого черстваго!

— Ахъ, зачѣмъ вы такъ говорите, мингеръ! — вскричалъ взволнованно Гансъ.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты плавно и безшумно вышла дама.

Это была госпожа ванъ-Гольпъ, мать Петера; на ней былъ великолѣпнѣйшій чепецъ и длиннѣйшій шелковый передникъ, обшитый кружевами. Она дружелюбно кивнула Гансу; тотъ поклонился, какъ умѣлъ, и попятился къ двери.

Петеръ поспѣшилъ подать матери кресло.

Она сѣла.

Гансъ сдѣлалъ еще шагъ къ двери съ намѣреніемъ уйти.

— Подождите немного, прошу васъ, молодой человѣкъ,— сказала она.— Я слышала, какъ вы тутъ говорили вдвоемъ о моемъ другѣ, докторѣ Бекманѣ. И вы правы, утверждая, что у него доброе сердце. Конечно, нельзя хвалить рѣзкаго, суроваго обращенія, но и судить людей по одному наружному виду, Петеръ, опасно: можно сильно ошибиться.

— Я, мама, вовсе не хотѣлъ обидѣть доктора; но нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, всегда и на всѣхъ ворчать и огрызаться, какъ, говорятъ, это дѣлаетъ знаменитый докторъ.

— «Говорятъ», мой сынъ, это значитъ «всѣ» и «никто». Докторъ Бекманъ испыталъ въ своей жизни такое горе, отъ котораго онъ и теперь не можетъ утѣ-

шиться. Онъ потерялъ единственнаго сына и при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Прелестный былъ юноша, немного только горячій. До этой потери Герардъ Бекманъ былъ самый любезный и предупредительный человѣкъ, какого я когда-либо знала.

Сказавъ это, г-жа ванъ-Гольпъ встала, ласково посмотрѣла на обоихъ мальчиковъ и вышла такъ же величественно, какъ вошла.

Петеръ былъ убѣжденъ только наполовину. Онъ пробормоталъ что-то насчетъ того, какъ это докторъ позволилъ постигшему его несчастію такъ ожесточить себя, что сладкое стало у него горькимъ. Провожая затѣмъ уходившаго Ганса, онъ посовѣтовалъ ему побольше упражняться на конькахъ, такъ какъ теперь, когда отецъ выздоравливаетъ, онъ можетъ участвовать въ бѣгѣ съ совершенно легкимъ сердцемъ.

— Вѣдь это будетъ такой чудный праздникъ, какого здѣсь еще не видывали. Всѣ только объ этомъ и говорятъ. Не забудь, что ты приглашенъ.

— Я не буду на бѣгу, мингеръ, — сказалъ Гансъ, опустивъ голову.

— Ты не будешь на бѣгу! Это почему?

У Петера мгновенно возникло подозрѣніе насчетъ Карла Шуммеля.

— Потому, что я не могу теперь, мингеръ, — сказалъ Гансъ, наклоняясь, чтобы поправить свои башмаки.

Замѣшательство Ганса остановило Петера отъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Онъ простился съ нимъ и остался въ задумчивости на порогѣ, провожая его взглядомъ.

Не прошло и минуты, какъ онъ закричалъ:

— Гансъ Бринкеръ!

— Что, мингеръ?

— Я беру назадъ все, что сказалъ о докторѣ Бекманѣ.

— Я этому очень радъ.

И оба весело разсмѣялись. Но смѣхъ застылъ на губахъ у Петера, когда онъ увидалъ, что Гансъ остановился на каналѣ и привязываетъ свои старые деревянные коньки.

«Это что-то странно, — подумалъ онъ, возвращаясь въ домъ. — Почему Гансъ не надѣваетъ своихъ новыхъ коньковъ?»

ГЛАВА XVIII.

Волшебница. — Таинственные часы.

Солнце давно уже сѣло, когда Гансъ съ веселымъ видомъ приблизился къ хижинѣ, слывшей прежде подъ именемъ хижины идіота.

Глаза менѣе утомленные, чѣмъ его, разглядѣли бы раньше двѣ тѣни, мелькавшія взадъ и впередъ передъ дверью. Сѣрая заплатанная кофточка, голубая юбка и передникъ, порядкомъ выцвѣтшіе, маленькій чистенькій чепчикъ, не покрывавшій, однако, всей головы, маленькія живыя ножки въ стоптанныхъ громадныхъ, какъ лодки, башмакахъ, — все это принадлежало, безъ всякаго сомнѣнія, Гретели.

А другая кокетливая кофточка ярко-краснаго цвѣта, юбочка съ черной оторочкой, хорошенькій чепчикъ съ буфами у золотыхъ сережекъ, фартучекъ и эти маленькія ножки въ красивой обуви? Гансъ готовъ былъ побожиться, что обладательница ихъ — Анни.

Обѣ дѣвочки прогуливались, обнявшись передъ входной дверью. Головки ихъ то поднимались, то опуска-

Волшебница встала и ударила три раза ногой о землю.

лись, а иногда качались такъ важно и серьезно, какъ будто обсуждали важнѣйшія государственныя дѣла.

Гансъ поспѣшилъ къ нимъ съ громкимъ радостнымъ крикомъ:

— Ура, дѣвицы, я досталъ работу!

Этотъ возгласъ вызвалъ и мать на порогъ. У нея тоже были хорошія вѣсти: отецъ чувствовалъ себя лучше; онъ бодрствовалъ почти весь день и теперь уснулъ такъ спокойно, какъ ягненокъ.

— Теперь моя очередь, Гансъ,— сказала Анни, увлекая его въ сторону, какъ только онъ успѣлъ разсказать матери о томъ, что произошло у ванъ-Гольпъ.— Твои коньки проданы, вотъ деньги.

— Семь флориновъ!— воскликнулъ съ удивленіемъ Гансъ, пересчитавъ деньги.— Но вѣдь это втрое больше, чѣмъ они мнѣ стоили.

— Что же мнѣ оставалось дѣлать, когда покупатель не знаетъ настоящей цѣны. Это не моя вина.

Гансъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— О Анни!

— О Гансъ!— передразнила она его, дѣлая видъ, что хочетъ разсердиться такъ же, какъ и онъ.

— Анни, ты не можешь этого серьезно говорить. Ты знаешь, какъ и я, что нужно возвратить лишнія деньги.

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю. Коньки проданы, и дѣлу конецъ.— Но, видя, что Гансъ этимъ отвѣтомъ серьезно опечаленъ, она прибавила: — Хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, Гансъ, но я утверждаю, что никакой ошибки тутъ нѣтъ. Тотъ, кто купилъ твои коньки, самъ назначилъ за нихъ семь флориновъ: онъ ихъ такъ оцѣнилъ, столько и заплатилъ.

— Хотѣлось бы мнѣ вѣрить, но...

— Никакого «но» тутъ не можетъ быть, Гансъ. Если я на это согласилась, значитъ, и ты долженъ согласиться, значитъ, такъ надо. Слышишь, Гансъ: такъ надо, надо, прошу тебя.

Если читатель думаетъ, что Гансъ могъ еще возражать, то это потому, что онъ никогда не видалъ милыхъ глазъ Анни и не слыхалъ ея голоса.

Бринкерша была въ восторгѣ получить такъ много денегъ, но, узнавъ, что Гансъ для этого лишился своихъ новыхъ коньковъ, она тяжело вздохнула.

— Да благословитъ тебя Богъ, дитя мое; это великая жертва для тебя.

— Не стоитъ говорить объ этомъ, мама. Вотъ и еще деньги, —сказалъ онъ, вынимая изъ кармана нѣсколько заработанныхъ имъ грошей. — Да мы разбогатѣемъ, если дѣло такъ пойдетъ.

— Да, мы разбогатѣли бы,— отвѣтила мать, понижая голосъ, — если бы этотъ негодяй Янъ Камфуйзенъ, которому не даромъ отецъ не довѣрялъ, не узналъ мѣста, гдѣ спрятаны деньги. Повѣрь мнѣ, Гансъ, онъ давнымъ-давно побывалъ тамъ.

— Да, это возможно. Что же дѣлать, мама, — надо покориться. Отецъ сказалъ намъ все, что могъ. Лучше вовсе перестать объ этомъ думать.

— Постараюсь, Гансъ; самъ знаешь, какъ это тяжело. Бѣдному больному такъ много нужно, чтобы поправиться и стать на ноги. Однако погляди, гдѣ же наши дѣвицы. Куда онѣ дѣвались?

— Онѣ, вѣрно, спрятались за домомъ, плутовки: хотятъ заставить меня искать ихъ. Вотъ я ихъ сейчасъ поймаю.

И съ этими словами Гансъ убѣжалъ.

Когда Бринкерша, спустя нѣсколько времени, опять вышла на порогъ, дѣтей тутъ не было; она обогнула

домъ и увидала прелестную группу: Гансъ и Гретель, обнявшись, стояли передъ Анни, а она сидѣла, важно развалясь на старомъ пнѣ.

— Да это чисто картина! — воскликнула мать. — Я такой въ галлереѣ не видывала. Мои двое смахиваютъ на медвѣжатъ, а ты, Анни, настоящая фея передъ ними!

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросила Анни, сіяя одушевленіемъ.—Хорошо, пусть будетъ по-вашему: я—фея, крестная мать Гретели и Ганса; я пріѣхала по воздуху на колесницѣ, запряженной бабочками, навѣстить своихъ крестниковъ! Хорошо! Мое могущество такъ велико, что я могу вамъ дать все, рѣшительно все, о чемъ вы меня ни попросите. Говори первый, Гансъ. Чего ты хочешь?

Что-то торжественное свѣтилось въ лицѣ Анни, когда она подняла глаза на Ганса. Можетъ-быть, это произошло оттого, что ей и вправду хотѣлось хоть разъ въ жизни обладать могуществомъ феи.

Какъ бы тамъ ни было, но Гансу казалось, что онъ видитъ передъ собой что-то необычайное, неземное, и подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ заговорилъ:

— Добрая фея Анни, крестная мать наша, я горячо желаю найти то, что я тщетно проискалъ прошлую ночь.

Гретель засмѣялась, а мать глубоко вздохнула.

— Гансъ, — сказала она, — объ этомъ больше и думать не слѣдуетъ.

Съ этимъ она ушла въ домъ. Волшебница встала и ударила три раза ногой о землю.

— Твое желаніе исполнится, — сказала она. — Пускай думаютъ объ этомъ что угодно.

Затѣмъ она съ важностью опустила руку въ карманъ передника и вынула оттуда большую стеклянную бусину.

— Закопай это, — сказала она, подавая ее Гансу, — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я ударила ногой, и до восхода солнца твое желаніе исполнится.

Гретель хохотала все громче.

Фея сдѣлала видъ, что разсердилась.

— Злое дитя, — сказала она, сверкнувъ глазами, — въ наказаніе за то, что ты посмѣялась надъ феей, желаніе твое не будетъ исполнено.

— Ахъ, фея, фея! — смѣялась Гретель. — Да ты бы хоть подождала, когда я скажу свое желаніе.

Анни выдержала свою роль до конца и не заразилась смѣхомъ подруги; она не удостоила даже отвѣтомъ ея дерзкую рѣчь, величественно повернулась и удалилась съ видомъ оскорбленнаго величія.

— Доброй ночи, госпожа фея! — закричали ей вслѣдъ братъ и сестра.

— Доброй ночи, смертные! — отвѣтила Анни, прыгнула черезъ канаву и пустилась бѣгомъ къ своему дому.

— Она прекрасна, какъ роза, не правда ли? — воскликнула въ восторгѣ Гретель. — И подумать только, что она цѣлые дни проводитъ въ темной комнатѣ и постоянно ухаживаетъ за старой бабушкой. Бѣдная Анни! Но что съ тобой, Гансъ?

— Погоди и увидишь, — отвѣтилъ Гансъ. Черезъ минуту онъ вынесъ изъ дому заступъ и ломъ. — Я хочу зарыть свою волшебную бусину глубоко-глубоко въ землю.

И онъ съ азартомъ принялся за работу. Гретель съ удивленіемъ глядѣла на него.

Рафъ Бринкеръ все еще спалъ. Жена его вотъ уже болѣе получаса сидѣла подлѣ и вязала. Почувствовавъ холодъ, она подбросила въ огонь чуть не послѣдній

кусокъ торфа, потомъ отворила дверь и тихонько позвала дѣтей.

— Идите домой, дѣти: холодно, озябнете.

— Мама, мама, сюда скорѣе! — закричалъ Гансъ.

— Господи Боже! — испугалась мать, выбѣгая. — Что тамъ такое случилось?

— Скорѣе, мама! — говорилъ Гансъ возбужденно, съ каждымъ ударомъ лома забираясь все глубже въ землю. — Развѣ ты не видишь? Тутъ оно и есть, это самое мѣсто. Про него-то и говорилъ отецъ: на югъ отъ старой вербы. Какъ это мы вчера вечеромъ не сообразили? Пень—вотъ что намъ осталось отъ старой вербы: мы ее срубили въ прошломъ году, потому что дерево заглушало нашъ картофель. А маленькое деревцо, около котораго мы копали прошлую ночь, тогда еще и не существовало, когда отецъ... Ура!

Г-жа Бринкеръ не могла говорить. Она опустилась на колѣни подлѣ Ганса какъ разъ въ то время, какъ онъ изъ глубокой впадины вытащилъ большой глиняный горшокъ. Гансъ опустилъ въ горшокъ руку и вынулъ оттуда прежде всего кусокъ кирпича, потомъ другой, третій и, наконецъ, заплѣсневѣлый черный кошель. Въ немъ-то и былъ кладъ, — тотъ самый кладъ, который отецъ зарылъ въ послѣднюю ночь своей разумной жизни, — цѣлый и невредимый.

Кто опишетъ этотъ моментъ, эту безумную радость и смѣхъ сквозь слезы! Сколько разъ считали и пересчитывали они найденное сокровище! Удивляться надо, какъ этотъ шумъ не разбудилъ Рафа. Но и его сновидѣнія были пріятны, такъ какъ онъ улыбался во снѣ.

Бринкерша съ дѣтьми весело поужинала въ этотъ вечеръ. Теперь уже имъ не нужно было лишать себя необходимаго.

— Завтра мы купимъ свѣжей провизіи для отца, — говорила Бринкерша, ставя на столъ мясо и вино. — Какъ я рада, что могу вамъ безъ сожалѣнія дать хорошій кусокъ. Да будетъ благословенъ Богъ, пославшій намъ этотъ свѣтлый день послѣ столькихъ лѣтъ испытанія!

Въ то же самое время Анни, ложась спать, думала о томъ, что бы такое могъ потерять Гансъ: ножикъ или другое что въ этомъ родѣ? Вотъ будетъ смѣхъ, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, найдетъ свою потерю на томъ мѣстѣ, куда она приказала ему зарыть бусину.

А Гансу, едва онъ завелъ глаза, представилось, что Анни ведетъ его по какимъ-то кустамъ; между этими кустами стоятъ горшки, полные золота и украшенные розами, а на вѣтвяхъ колышутся гирлянды изъ часовъ, коньковъ и бусъ; но — странное дѣло! — всякій кустъ, какъ только Гансъ приближался къ нему, обращался въ старый пень, на которомъ возсѣдала волшебница, ведшая его за руку; конечно, это была все она же, одѣтая въ ту же красную кофточку и юбку небесно-голубого цвѣта. Только во снѣ она казалась взрослой и въ то же время воздушной. Она протягивала свою благодѣтельную ручку надъ хижиной Бринкеровъ.

Счастье не приходитъ одно, такъ же, какъ и несчастье, говоритъ пословица. Въ домѣ Бринкеровъ совершилось въ этотъ день еще одно открытіе. Это была исторія таинственныхъ часовъ, которые Бринкерша съ удивительнымъ самоотверженіемъ хранила въ теченіе долгихъ и тяжелыхъ лѣтъ. И вѣрная жена Рафа могла поистинѣ гордиться своимъ поступкомъ. Не разъ въ минуты крайней безысходной нужды она отворачивалась и старалась не смотрѣть на часы изъ боязни нарушить послѣдній завѣтъ мужа. Нелегко ей было, въ самомъ дѣлѣ, удержаться отъ соблазна продать никому

ненужную вещь и накормить голодныхъ дѣтей. «Но нѣтъ, — говорила она, — будь что будетъ, пусть никто не скажетъ, что Метти Бринкеръ нарушила послѣднюю волю своего мужа!»

— Хорошенько береги эти часы, милая жена, — сказалъ онъ, вручая ей ихъ. — Храни ихъ у себя и не выпускай изъ рукъ, пока я не спрошу ихъ у тебя.

Дальнѣйшаго объясненія она не успѣла получить, такъ какъ въ эту самую минуту влетѣлъ одинъ изъ товарищей Рафа и закричалъ:

«Рафъ, бѣги скорѣе! Вода прибываетъ, тебя ждутъ на плотинѣ. Только на тебя и надежды!»

Рафъ тотчасъ же побѣжалъ; это былъ послѣдній разъ, что она его видѣла въ здравомъ умѣ.

На четвертый день послѣ операціи, въ то самое время, какъ Гансъ бѣгалъ въ Амстердамъ искать работы, а Гретель, убравъ въ домѣ, вышла посбирать хворосту для топлива, Бринкерша рѣшила разъяснить себѣ, наконецъ, тайну часовъ, чтобы, если возможно, продать ихъ и, не говоря ни слова, взяла и положила ихъ въ руки мужа.

— Мнѣ казалось, — говорила она потомъ Гансу, — что неразумно откладывать это дѣло, когда отецъ чувствуетъ себя довольно бодро, и одно его слово можетъ намъ все разъяснить. Всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же: поспѣшилъ бы узнать, откуда эти часы и почему, отдавая ихъ, отецъ такъ торжественно приказывалъ беречь ихъ и не выпускать изъ рукъ.

Рафъ Бринкеръ долго ворочалъ въ рукахъ блестящую вещь, разглядывалъ ленточку, привязанную къ ней и тщательно выглаженную, и какъ будто что-то соображалъ.

— Ахъ, теперь я вспомнилъ! — сказалъ онъ, наконецъ. — Но ты, жена, ихъ отлично вычистила: они блестятъ какъ новые.

— Въ самомъ дѣлѣ? — проговорила жена.

— Бѣдный мальчикъ! — прошепталъ больной и съ этими словами впалъ въ глубокую задумчивость.

Это было уже черезчуръ для Бринкерши. Не для того она собрала всю свою храбрость.

— «Бѣдный мальчикъ», — повторила она съ упрекомъ. — Что же дальше, Рафъ Бринкеръ? Или ты думаешь, я даромъ оставила свою прялку и стою здѣсь? Я жду объясненія.

— Да вѣдь я уже давно тебѣ все объяснилъ, — возразилъ Рафъ, съ удивленіемъ глядя на жену.

— Нѣтъ, ты ошибаешься: тебя потребовали на работу какъ разъ въ то время, когда ты собирался мнѣ все разсказать, а послѣ уже объ этомъ и разговору не было.

— Ну такъ, если я тогда не успѣлъ тебѣ разсказать, теперь и подавно не зачѣмъ: это дѣло насъ не касается, — и Рафъ грустно поникъ головой. — По всѣмъ вѣроятіямъ, пока я былъ полумертвъ отъ паденія и ушиба, онъ и вовсе умеръ и предсталъ вѣчному Судіи.

Бринкерша не могла этого переварить.

— Рафъ, — сказала она, — жена, которая ухаживаетъ за тобой съ двадцатилѣтняго возраста, могла бы, кажется, разсчитывать на большее съ твоей стороны довѣріе. Тяжело терпѣть это отъ человѣка, предъ которымъ ни въ чемъ не виновата.

Бринкерша разгорячилась и вся покраснѣла.

— Что терпѣть, Метти? — переспросилъ слабымъ голосомъ Рафъ.

— Что? Что? — передразнила она. — Какая жена потерпитъ такое обращеніе послѣ всего того, что она перенесла изъ любви къ мужу?

— Метти! — простоналъ больной, протягивая къ ней дрожащія руки; глаза его были полны слезъ.

Тутъ только опомнилась бѣдная женщина и бросилась на колѣни передъ мужемъ.

— О, что я надѣлала! Заставила плакать моего дорогого Рафа на четвертый день послѣ его возвращенія къ жизни. Прости, прости меня. Конечно, тяжело не знать исторіи часовъ, которой я добиваюсь десять лѣтъ, но я уже и говорить о ней больше не буду. Дай мнѣ, Рафъ, эти злосчастные часы, причину нашей первой ссоры; дай, я ихъ спрячу, чтобы не видѣть никогда.

— Нѣтъ, жена, я самъ виноватъ въ своихъ слезахъ. Я разскажу тебѣ эту исторію; мнѣ не хотѣлось только выдавать чужой тайны, тревожить прахъ умершаго.

— Увѣренъ ли ты, Рафъ, что этотъ человѣкъ или мальчикъ, какъ ты говоришь, дѣйствительно умеръ?

— Увѣренъ? Нѣтъ, — отвѣтилъ больной. — Но это было бы чудо, если бъ онъ былъ живъ.

— Развѣ онъ былъ боленъ?

— Нѣтъ, жена, но онъ былъ въ ужасномъ отчаяніи.

— Что же ты думаешь: онъ совершилъ какое-нибудь преступленіе?

Рафъ сдѣлалъ неопредѣленное движеніе головой.

— Боже великій! — прошептала жена. — Ужъ не убійство ли?..

Рафъ ослабѣвшимъ голосомъ отвѣтилъ, что было нѣчто подобное, и что, кажется, этотъ молодой человѣкъ дѣйствительно...

— Рафъ, ты меня пугаешь; говори ужъ все; ты говоришь какъ-то загадочно и самъ дрожишь... Я должна все знать.

— Я дрожу отъ лихорадки, мой другъ; вѣдь ты же вѣришь, что у меня на совѣсти нѣтъ никакого преступленія.

— Еще бы! — воскликнула съ гордостью Бринкерша. — Если бы ты сталъ меня увѣрять въ противномъ, я не повѣрила бы.

Она подала ему вина.

— Выпей, это дастъ тебѣ силы дальше разсказывать.

Когда вино было выпито, она снова принялась за разспросы.

— Такъ ты говоришь, тутъ было преступленіе? Убійство?

— Да, жена, убійство. Онъ самъ это мнѣ сказалъ, но не преступленіе! Я никогда о преступленіи и не думалъ. Вѣдь это былъ просто мальчикъ съ прямымъ и честнымъ лицомъ, вотъ какъ у нашего сына, только развѣ не такой смѣлый и рѣшительный, какъ Гансъ.

— Я слушаю тебя, — тихо сказала Бринкерша, боясь, чтобы мужъ не потерялъ нити разсказа.

Бринкеръ продолжалъ:

— Онъ явился ко мнѣ совсѣмъ неожиданно. Я его видѣлъ въ первый разъ. Онъ былъ такъ блѣденъ и взволнованъ, что и сказать трудно, схватилъ меня за руку. «Вы мнѣ кажетесь честнымъ человѣкомъ», сказалъ онъ.

— И онъ не ошибся, — вставила жена.

Рафъ остановился и разсѣянно поглядѣлъ на жену.

— На чемъ, бишь, я остановился?

— Молодой человѣкъ схватилъ тебя за руку, — отвѣтила она тревожно.

— Да, да, видишь ли, мнѣ очень трудно припомнить. Все это мнѣ представляется какъ во снѣ...

— Ахъ, бѣдный ты мой Рафъ, — сказала она, гладя его по рукѣ. — До болѣзни у тебя хватало памяти чуть не на двѣнадцать человѣкъ. Ну, что же было дальше? Онъ взялъ тебя за руку и сказалъ, что ты кажешься ему честнымъ человѣкомъ... Въ какое время дня онъ говорилъ съ тобой? Около полудня?

— Нѣтъ, гораздо раньше, еще не звонили къ ранней обѣднѣ.

— Значитъ, это было утромъ того самаго дня, когда ты расшибся? Ты ушелъ, еще темно было, на работу. Что же тебѣ сказалъ молодой человѣкъ?..

— Ахъ, мнѣ, какъ сейчасъ, слышится его голосъ, — сколько въ немъ было отчаянія! «Проводите меня, пожалуйста, за нѣсколько миль отсюда, по рѣкѣ... Вотъ все, о чемъ я васъ прошу». Я въ это время работалъ — ты, вѣрно, помнишь? — довольно далеко отсюда, на Амстердамскомъ рейдѣ. Я отвѣчалъ ему, что я не лодочникъ. «Дѣло идетъ о моей жизни и смерти, — отвѣтилъ онъ: — если вы умѣете грести, проводите меня. Эта лодка, — онъ показалъ на одну изъ нихъ, — привязана безъ замка, но, можетъ-быть, она принадлежитъ бѣдному человѣку, и я не могу рѣшиться похитить ее. Вы отведете ее обратно и никому не будетъ убытка». И вотъ я отвезъ его миль за семь или за восемь. Во время переѣзда онъ не проронилъ ни слова, не шелохнулся; его можно было принять за статую, если бы, подъѣзжая къ берегу, онъ не попросилъ остановиться, сказавъ, что отсюда онъ пѣшкомъ можетъ дойти до моря. Я торопился вернуть лодку, торопился къ работѣ и потому сейчасъ же причалилъ. Выйдя на берегъ, онъ съ рыданіемъ въ голосѣ сказалъ мнѣ: «Видитъ Богъ, я — не преступникъ, но я былъ причиной смерти человѣка. Я принужденъ бѣжать, покинуть навѣкъ родину»...

— Но что же онъ такое сдѣлалъ, Рафъ? Сказалъ онъ тебѣ? Застрѣлилъ, можетъ-быть, кого-нибудь изъ товарищей? Это бываетъ у нихъ въ университетѣ...

— Онъ ничего мнѣ больше не объяснилъ. Я сказалъ ему, что честному голландцу, какъ я, не подобаетъ помогать виновному скрываться отъ правосудія. Тутъ

онъ сталъ клясться Богомъ, Метти, въ своей невинности и говорилъ такъ искренно, что я повѣрилъ ему. Да, при лунномъ свѣтѣ онъ показался мнѣ такимъ же чистымъ и невиннымъ, какъ нашъ Гансъ; и я не раскаивался въ услугѣ, оказанной ему.

— А лодка, которую ты бралъ, была, вѣрно, Яна Камфуйзена? Кто жъ другой броситъ лодку съ веслами безъ запора?!

— Да, лодка была его. Я думаю, онъ придетъ въ воскресенье вечеромъ провѣдать меня, если только слышалъ о моемъ выздоровленiи, и молодой Гугвли тоже. Не правда ли?

По счастью, Бринкерша воздержалась и не сказала мужу, гдѣ теперь Янъ Камфуйзенъ. Она опять постаралась навести мужа на разсказъ.

— Гдѣ же ты остановился на рѣкѣ, въ какомъ мѣстѣ выпустилъ его на берегъ? Тутъ онъ еще не отдавалъ тебѣ часовъ? Я, знаешь, боюсь, что и съ этими часами что-нибудь нечисто.

— Жена, — воскликнулъ Рафъ, — я не усомнился въ немъ, по какому же праву ты его подозрѣваешь?

— А зачѣмъ же онъ разстался съ своими часами? — возразила Бринкерша, съ безпокойствомъ поглядывая на потухавшiй огонь и скудные остатки топлива.

— Развѣ я тебѣ еще не сказалъ?

— Нѣтъ еще.

— Вотъ видишь ли, прощаясь со мной, онъ сказалъ: «У меня есть еще одна послѣдняя просьба къ вамъ: снесите, пожалуйста, эти часы моему отцу, но не теперь, а ровно черезъ недѣлю... Скажите ему, что эти часы посылаетъ ему сынъ, его несчастный сынъ. Скажите ему, что, когда онъ пожелаетъ меня видѣть, пусть скажетъ одно слово, и я преодолѣю всѣ препятствiя и опасности и явлюсь; просите его писать мнѣ въ...

въ...» Остального не помню, совсѣмъ забылъ, куда онъ велѣлъ писать. Бѣдный мальчикъ! — сказалъ Рафъ грустно, взявъ въ руки часы, лежавшіе на колѣняхъ жены. — И до сихъ поръ еще они не отосланы къ отцу.

— Я ихъ отнесу, Рафъ, какъ только Гретель вернется; не безпокойся, она скоро придетъ. Скажи мнѣ только имя отца и адресъ, гдѣ онъ живетъ.

— Увы, — отвѣтилъ медленно Бринкеръ, — все это выскочило изъ моей памяти. Я вотъ какъ сейчасъ вижу лицо несчастнаго, вижу его большіе глаза. Я бы его сейчасъ узналъ. Помню еще, что онъ открылъ часы, взялъ что-то оттуда и поцѣловалъ, а больше ничего не помню, — точно все туманомъ покрыто. Когда я стараюсь припомнить, мнѣ чудится шумъ волнъ, буря...

— Это со всѣми бываетъ, Рафъ, и со мной то же было послѣ горячки. Ты усталъ теперь. Я заставила тебя слишкомъ много говорить, но, видишь ли, мнѣ это было такъ необходимо, меня и Богъ проститъ за это. Давай я помогу тебѣ лечь. Гдѣ же наша дѣвочка?

Бринкерша отворила дверь и кликнула:

— Гретель! Гретель!

— Отойди, Метти, отъ двери, не заслоняй ея: мнѣ хочется полюбоваться нашимъ видомъ. Какъ хорошо было бы теперь постоять немного въ дверяхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не иначе какъ съ позволенія доктора. Воздухъ слишкомъ холоденъ. Если онъ позволитъ, я укутаю тебя хорошенько и пройдусь съ тобой немножко. Но ты замерзнешь съ открытой дверью; огонь тухнетъ, а Гретели нѣтъ. Ахъ, вотъ она, наконецъ, съ полнымъ передникомъ мчится по каналу какъ сумасшедшая. Это что, Рафъ? Ты, кажется, одинъ хочешь итти? Смотри, не упади!

Въ этомъ возгласѣ была и радость и боязнь. Она бросилась къ мужу, подхватила его подъ руку, подвела къ постели, уложила и бережно покрыла новымъ одѣяломъ. При этомъ Бринкеръ объявилъ, что завтра его уже не увидятъ въ постели.

— Чего добраго! — возразила жена. — Вѣдь ты у насъ молодецъ: одинъ ужъ ходишь.

Рафъ закрылъ глаза, но не спалъ; жена пошла поправить огонь. Голландскій торфъ обладаетъ свойствомъ голландскаго характера: разгорается медленно, но разъ разожженный горитъ свѣтло и жарко. Справившись съ огнемъ, Бринкерша взяла въ руки свое вязанье и усѣлась подлѣ больного.

— Если бы ты вспомнилъ имя того господина, которому нужно отдать часы, я бы могла ихъ отнести, пока ты спишь; Гретель сейчасъ придетъ.

Рафъ сдѣлалъ новое усиліе надъ своей памятью, но тщетно.

— Не Бумгофенъ ли? — подсказывала жена. — Я слышала, что у нихъ было что-то неладное въ семьѣ. Герардъ и Ламбертъ, ты помнишь ихъ?

— Можетъ-быть, и они, — сказалъ Рафъ. — Да посмотри, нѣтъ ли литеръ на часахъ! Это намъ поможетъ.

— Ахъ, ты умница! — вскричала Бринкерша. — Ты умнѣе всѣхъ, право. Вотъ смотри, — говорила она, подставляя ему часы, — тутъ есть литеры: Л. I. Б. Это означаетъ Ламбертъ Бумгофъ, безъ всякаго сомнѣнія. Только я не знаю, зачѣмъ тутъ еще I? Впрочемъ, Бумгофены люди богатые и важные, они считали, можетъ-быть, нужнымъ дать сыну двойное имя, хотя, по-моему, это противно св. писанію.

— Почему ты такъ думаешь, Метти? Въ Библіи встрѣчаются такія длинныя имена, что ихъ и не выговоришь сразу; но не въ этомъ дѣло; все можетъ

быть и такъ, какъ ты думаешь, — говорилъ Рафъ утомленнымъ голосомъ. — Такъ отнеси часы... попытайся... дѣлай, какъ знаешь, какъ найдешь лучше...

Вѣки его отяжелѣли, сонъ болѣе, чѣмъ слабость, одолѣвалъ его. Метти замѣтила это.

— Спи, Рафъ, спи, — сказала она, — ты совсѣмъ усталъ. Завтра ты лучше рѣшишь, кому и куда отнести часы. А, наконецъ-то и Гретель пожаловала, слава Богу!

И вотъ тутъ-то, пока Рафъ спалъ, волшебница посѣтила хижину, и, благодаря ей, тысяча флориновъ очутились неприкосновенными въ большомъ сундукѣ... Теперь выздоровленіе Рафа было обезпечено. Мать и дѣти послѣ долгаго воздержанія могли попировать за ужиномъ.

ГЛАВА XIX.

Открытіе.

Слѣдующій день былъ очень хлопотливый для Бринкеровъ.

Во-первыхъ, надо было разсказать Рафу въ полности исторію тысячи флориновъ, какъ они пропадали во время его долгой болѣзни и какъ, наконецъ, нашлись. Такая новость не могла, конечно, причинить ему вреда.

Гретели было поручено все вычистить и вымыть въ домѣ такъ, чтобы все блестѣло; а мать съ Гансомъ отправились въ Амстердамъ за провизіей и другими покупками, — удовольствіе, котораго они давно были лишены.

Гансъ былъ счастливъ и спокоенъ за будущее. Мать была радостно взволнована и строила тысячи разумныхъ и неразумныхъ плановъ. Можно было подумать, судя по тому, какъ она мечтала дорогой, что она накупитъ въ городѣ массу вещей самыхъ великолѣпныхъ; на самомъ же дѣлѣ, она торговалась изъ-за каждой копейки и вернулась домой съ очень скромнымъ пакетомъ. Ганса это поразило. Стоя передъ огнемъ, онъ въ недоумѣніи потиралъ себѣ лобъ и припоминалъ старую пословицу: «Чѣмъ больше кошель, тѣмъ туже онъ завязанъ». Неужели и на матери оправдывается эта пословица?

— О чемъ это ты задумался, большіе твои глаза? — окликнула его мать, угадывая отчасти его мысли. — Повѣришь ли, Рафъ, малый хотѣлъ скупить чуть не половину Амстердама. Кофе онъ купилъ бы цѣлый пудъ, право! Нѣтъ, душа моя, теперь не время намъ

роскошествовать. Нельзя нагруженному кораблю течь давать. Нечего смотрѣть такъ на меня, лучше поостерегись, отойди отъ огня, а то сгоришь! Ну, Рафъ, садись на твое кресло въ верхнемъ концѣ стола. Слава Богу, опять у насъ въ домѣ хозяинъ есть! Обопрись на руку сына: онъ сильный малый, поддержитъ тебя. Давно ли былъ ребенкомъ, а теперь, смотри, какъ вытянулся: того и гляди, отца перерастетъ! Ну, съ Богомъ — садись, муженекъ, на свое кресло.

— А помнишь ли ты, жена, — говорилъ, осторожно усаживаясь въ кресло, Рафъ, — тотъ музыкальный ящикъ, который былъ у насъ и услаждалъ тебя, бывало, во время работы, когда мы жили въ Утрехтѣ?

— Какъ же, помню! Три раза повернешь ключомъ — и заиграетъ ящикъ точно волшебный. Но, Рафъ, — перемѣнила она вдругъ тонъ, — что это ты вздумалъ? Неужели ты собираешься тратить деньги на такую пустую забаву?

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся. Мнѣ Богъ послалъ даромъ такую музыку.

Всѣ трое переглянулись въ недоумѣніи: ужъ не теряетъ ли отецъ опять разсудокъ?

— Да, музыку, да такую, что ее за цѣлый мѣшокъ денегъ не купишь; только вмѣсто ручки и ключа у ней заводъ — половая щетка. Щетка гуляетъ по полу, а органъ играетъ въ это время, да такъ хорошо, точно птицы поютъ.

— Святой Бавонъ! Да съ чего это онъ?

— Съ радости, жена, съ радости, говорю. Да ты лучше спроси самый органъ, вотъ эту крошку нашу Гретель, какъ она меня нынче утѣшала.

— Правда, мама, — отвѣтила, смѣясь, Гретель, — и отецъ тоже былъ моимъ органомъ. Пока васъ не было дома, мы пѣли вдвоемъ. И какъ хорошо отецъ поетъ!

— Ахъ, такъ вотъ она, ваша музыка,— сказала успокоенная Бринкерша.— Что, Рафъ, надѣюсь, ты споешь и женѣ твоей, хоть она и постарѣла на десять лѣтъ? Впрочемъ, я увѣрена, что съ твоимъ выздоровленіемъ и я помолодѣю.

— Конечно, буду и пѣть для тебя и работать, непремѣнно...

Бринкерша, внимательнымъ окомъ слѣдившая за всѣмъ, что происходило вокругъ, перебила вдругъ мужа:

— Гансъ, осторожнѣе, ты не проглотишь такого куска: подавишься. Или ты жаденъ сталъ?

Гансъ остановился въ нерѣшительности.

— Ну, кушай, кушай,— сказала она,— я пошутила; довольно ты голодалъ. Гретель, возьми еще кусокъ колбасы; отъ этого ты потолстѣешь, и щечки твои порозовѣютъ.

— Мама,— весело сказала Гретель, подставляя свою тарелку,— а у тебя щеки уже и теперь стали красныя. Посмотри, Гансъ,— настоящія розы!

— Гретель говоритъ правду,— ты выглядишь свѣжѣй и бодрѣй, чѣмъ они оба вмѣстѣ,— подтвердилъ отецъ.

Бринкерша, хотя и протестовала, но въ душѣ была польщена замѣчаніемъ мужа. Обѣдъ вообще прошелъ очень весело.

По окончаніи его Гансъ поднялся изъ-за стола и собирался итти на работу къ г. ванъ-Гольпъ, а мать собиралась спрятать часы на мѣсто, когда постучали въ дверь.

— Войдите,— сказала Бринкерша, пряча часы въ колѣняхъ.— Ахъ, это вы, мингеръ Бекманъ! Милости просимъ! Хозяинъ нашъ, какъ видите, почти совсѣмъ поправился. Какъ жаль, что мы не приготовились при-

нять васъ, и остатки обѣда еще не убраны, — такой безпорядокъ!

Докторъ не обратилъ вниманія на рѣчь хозяйки. Видимо, онъ торопился.

— Гмъ! Кажется, тутъ дѣлать больше нечего. Больной быстро поправляется.

— Все благодаря вашимъ заботамъ, мингеръ. Передъ своимъ докторомъ вѣдь не нужно имѣть секретовъ, Рафъ, и ничто мнѣ не помѣшаетъ разсказать господину Бекману, который спасъ тебѣ жизнь, что не далѣе, какъ вчера, мы нашли тысячу флориновъ, которые пропадали у насъ цѣлыхъ десять лѣтъ.

Докторъ Бекманъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Да, мингеръ, — сказалъ Рафъ, — жена права, что хочетъ вамъ разсказать объ этомъ. Хоть это и секретъ, но вы его не разболтаете, какъ кто-нибудь другой.

Докторъ поморщился: онъ не любилъ, когда о немъ судили и рядили.

— Теперь, мингеръ, — продолжалъ Рафъ, не замѣтивъ своей оплошности, — вы можете съ насъ получить, что вамъ слѣдуетъ по праву. Видитъ Богъ, вы заработали себѣ вознагражденіе: воскресили человѣка и возвратили семьѣ работника. Будьте такъ добры, скажите сами, сколько вамъ слѣдуетъ, и жена заплатитъ вамъ тѣмъ охотнѣе, что вы не разсчитывали на плату и хотѣли лѣчить меня даромъ.

— Не будемъ говорить о деньгахъ, — добродушно отвѣтилъ докторъ. — Поберегите ваши флорины для себя; они вамъ, друзья мои, нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Этой монетой мнѣ платятъ довольно часто, а искренней благодарностью, которую я цѣню выше денегъ, — гораздо рѣже. «Спасибо», сказанное мнѣ вотъ этимъ юношей, — прибавилъ онъ, указывая на Ганса, — меня вполнѣ вознаградило.

„Мы пѣли вдвоемъ“.

— Можетъ-быть, у васъ такой же молодецъ есть? — спросила польщенная мать.

Хорошее расположеніе духа доктора мгновенно исчезло. Гретель потомъ увѣряла, что на лицо доктора точно черная туча набѣжала. Онъ ничего не отвѣтилъ.

Бринкеръ счелъ своей обязанностью пояснить слова жены.

— Не подумайте, господинъ докторъ, что жена хотѣла вмѣшаться въ чужія дѣла. Нѣтъ! Но въ минуту вашего прихода она была занята мыслью, что могло случиться съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго несчастныя обстоятельства разлучили съ семьей. Мы не знаемъ, гдѣ онъ, живъ ли онъ, не переселился ли въ вѣчность; не знаемъ, гдѣ его родители и гдѣ искать ихъ, и это насъ очень огорчаетъ, такъ какъ мы имѣемъ нѣчто передать имъ отъ сына.

— Фамилія ихъ Бумгофенъ, — подсказала жена. — Вы, мингеръ, не знаете ли это семейство?

Отвѣтъ доктора былъ кратокъ и суровъ:

— Знаю, — непріятные люди. Они выселились въ Америку.

— Можетъ-быть, Рафъ, — настаивала робко Бринкерша, — докторъ знаетъ кого-нибудь въ этой странѣ, хотя тамъ, кажется, все дикіе живутъ. Хорошо было бы чрезъ кого-нибудь переслать часы Бумгофенамъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ завѣтомъ ихъ несчастнаго сына, — это было бы поистинѣ добрымъ дѣломъ.

— Перестань, жена. Мы надоѣдаемъ господину доктору нашими дѣлами и задерживаемъ его въ то время, какъ умирающіе, можетъ-быть, ждутъ его. Да и потомъ, почему ты думаешь, что его фамилія непремѣнно Бумгофенъ?

— Въ этомъ я увѣрена, — возразила Бринкерша: — у нихъ былъ сынъ Ламбертъ, а на часахъ стоитъ Л. и

Б., что означаетъ Бумгофенъ; есть тамъ, правда, въ середкѣ еще буква I совсѣмъ некстати. Да докторъ самъ можетъ посмотрѣть.

Съ этими словами она подала часы господину Бекману.

— Л. I. Б! — вскричалъ докторъ, стремительно хватая часы. — Вы увѣрены, что тамъ стоятъ именно эти буквы и въ такомъ порядкѣ?..

Кто опишетъ послѣдовавшую затѣмъ сцену. Довольно сказать, что порученіе несчастнаго юноши черезъ десять лѣтъ было исполнено: часы попали въ руки отца, и послѣднія слова сына были ему также переданы. Докторъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Лоренцъ! Лоренцъ! — восклицалъ онъ, нѣжно глядя на часы, которые не выпускалъ изъ рукъ. — Всемогущій Боже! Если бъ я зналъ объ этомъ раньше! Какъ! Мой дорогой Лоренцъ блуждаетъ на чужбинѣ вотъ ужъ десять лѣтъ! Сколько онъ мукъ испыталъ въ этомъ изгнаніи, испытываетъ еще и теперь, а можетъ-быть, отъ нихъ и умираетъ? Подумайте, Бринкеръ, постарайтесь припомнить, куда сынъ мой говорилъ писать ему.

Рафъ печально покачалъ головой.

— Сдѣлайте надъ собой усиліе, мой добрый Рафъ, — говорилъ умоляющимъ голосомъ докторъ. — Просите Бога, чтобы Онъ довершилъ оказанное вамъ благодѣяніе, — возвратилъ вамъ съ силами и память. Помолимся объ этомъ всѣ, помолимся усердно; Господь не допуститъ, чтобы память измѣнила вамъ именно въ такую минуту.

— Увы! Увы! — шепталъ Бринкеръ, сжимая голову въ рукахъ. — Все испарилось, мингеръ, не могу, не могу! А между тѣмъ, Богъ свидѣтель, я готовъ бы былъ сейчасъ умереть, чтобы вернуть вамъ сына.

Гансъ, забывъ разницу лѣтъ и положеній, видѣлъ только одно, что его другъ-докторъ въ безысходномъ горѣ; онъ подошелъ къ нему и обвилъ его шею руками.

— Я найду вашего сына. Если онъ живъ, онъ долженъ быть гдѣ-нибудь. Земля не такъ ужъ велика. Всю мою жизнь я готовъ посвятить на то, чтобы разыскать его. Мать теперь можетъ обойтись безъ меня, посылайте меня куда хотите.

Гретель, огорченная горемъ доктора, ихъ избавителя, услышавъ слова Ганса, едва устояла на ногахъ. Она ободряла Ганса. Безъ всякаго сомнѣнія, Гансъ правъ, что хочетъ итти на розыски, но какъ же они будутъ жить безъ него?

Докторъ не отвѣчалъ, но и не отталкивалъ Ганса. Устремивъ глаза на Бринкера, онъ какъ бы сверхъестественной силой хотѣлъ извлечь изъ него то, что было похоронено въ его памяти. Вдругъ его осѣнила новая мысль; онъ поднесъ часы ближе къ глазамъ и послѣ тщательнаго осмотра открылъ не безъ труда заднюю доску: оттуда выпала тоненькая бумажка и въ ней... нѣсколько незабудокъ! Рафъ, видя горькое разочарованіе на лицѣ доктора, сказалъ:

— Тутъ было еще что-то другое, мингеръ, но молодой человѣкъ, отдавая мнѣ часы, вынулъ эту вещь, крѣпко поцѣловалъ ее и положилъ въ карманъ.

— Это былъ портретъ его матери. Она умерла, когда ему не было еще десяти лѣтъ. Слава Богу, онъ не забылъ ея!

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія. Докторъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи, потомъ онъ всталъ, поднялъ глаза къ небу и произнесъ:

— Нѣтъ, сынъ мой не умеръ, какъ умерла его мать. Не можетъ быть, чтобы этотъ двойной ударъ постигъ

меня по волѣ Того, Кто есть безконечная благость. Мой сынъ живъ, я въ этомъ увѣренъ. Сомнѣваться въ этомъ — грѣшно! Послушайте, что я вамъ разскажу. Лоренцъ былъ моимъ помощникомъ, ученикомъ. Однажды по моему приказанію онъ приготовлялъ для больного лѣкарство, но перепуталъ: положилъ не то, что нужно было, и вмѣсто цѣлебнаго питья принесъ больному отраву. По волѣ Промысла, я находился въ ту минуту въ комнатѣ больного, замѣтилъ во-время ошибку и, конечно, не далъ ему лѣкарства. Всю ночь пробылъ я у его постели, употребилъ всѣ возможныя средства, но все было напрасно: паціентъ умеръ. Слухъ объ его смерти скоро распространился по городу и дошелъ до моего сына раньше моего возвращенія. Желая провѣрить, почему послѣднее, приготовленное имъ лѣкарство не оказало должнаго дѣйствія, онъ изслѣдовалъ остатки его въ лабораторіи, открылъ свою ошибку и пришелъ въ ужасъ. Онъ потерялъ голову, обвинилъ себя въ смерти больного и скрылся. Когда я пришелъ домой, сына уже не было: онъ исчезъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе; убѣжалъ, угрызаемый совѣстью за проступокъ, котораго не совершилъ. А я обвинялъ его въ молчаніи, проклиналъ моего сына за то, что онъ не пожалѣлъ отца, не подумалъ о немъ ни въ первую минуту ни послѣ. А теперь онъ, можетъ-быть, меня упрекаетъ въ жестокости! — восклицалъ докторъ въ отчаяніи.

Бринкерша рѣшилась заговорить. Она не могла видѣть слезъ доктора.

— А все-таки, мингеръ, у васъ оставалось великое утѣшеніе — знать, что вашъ сынъ невиненъ. А онъ-то, бѣдный! Теперь понятно, что онъ говорилъ тебѣ, Рафъ: что безъ умысла былъ причиной смерти человѣка. Да

вѣдь это со всякимъ можетъ случиться. Наша Гретель могла бы сдѣлать то же!

— Тс! — строго остановилъ ее мужъ.

— Бѣдный Лоренцъ! — повторялъ докторъ. — Какое роковое стеченіе обстоятельствъ!

— Мингеръ, — тихо говорилъ ему Гансъ, — я найду вашего сына. Я возвращу вамъ его, это такъ же вѣрно, какъ то, что вы воскресили намъ отца.

Казалось, только такія, изъ глубины сердца исходившія слова могли успокоить доктора.

— Да благословитъ тебя Богъ, дитя мое, — сказалъ онъ, взявъ руку Ганса. — Будемъ надѣяться, что Господь насъ поведетъ въ нашихъ поискахъ. Что до васъ, Бринкеръ, то очень возможно, что память ваша просвѣтлѣетъ на этотъ счетъ. Вы тогда сейчасъ же дадите мнѣ знать, не правда ли?

— Конечно, докторъ! — закричала Гретель. — Мы всѣ тогда прибѣжимъ къ вамъ!

— Глаза вашего Ганса, — сказалъ докторъ, обращаясь къ Бринкершѣ, — необыкновенно напоминаютъ мнѣ глаза моего сына. Когда я встрѣтилъ его въ первый разъ, я вздрогнулъ: мнѣ показалось, что передо мной стоитъ мой сынъ.

— Ахъ, мингеръ, я уже давно замѣтила ваше пристрастіе къ моему Гансу.

На нѣсколько минутъ докторъ опять погрузился въ раздумье. Потомъ, какъ бы опомнившись, сказалъ:

— Простите мнѣ, Рафъ Бринкеръ, что я не могъ скрыть предъ вами своего волненія, и не упрекайте себя ни въ чемъ по отношенію ко мнѣ. Знайте, что я выхожу нынче изъ этого дома болѣе счастливымъ, чѣмъ былъ во всѣ эти послѣдніе годы. Я узналъ, что сынъ мой даже въ самую трудную минуту своей жизни не забывалъ объ отцѣ, и я счастливъ.

— Эти часы своимъ маятникомъ будутъ вамъ постоянно напоминать о немъ, — замѣтила Бринкерша.

— Да, да, — отвѣчалъ докторъ, глядя на часы съ обычнымъ ему хмурымъ выраженіемъ (не сразу вѣдь отвыкнешь отъ него). — А теперь мнѣ надо уходить. Больному я здѣсь болѣе не нуженъ; покой и радость — вотъ ему лѣкарства; кажется, что ни въ томъ ни въ другомъ недостатка не будетъ. Да благословитъ васъ Богъ, мои добрые друзья. Я навсегда сохраню къ вамъ глубокую благодарность.

— И васъ, мингеръ, да хранитъ Господь и да поможетъ Онъ вамъ отыскать вашего сына, — сказала Бринкерша, вытирая украдкой катившіяся изъ глазъ ея слезы.

Рафъ торжественно прибавилъ «аминь», а Гретель посмотрѣла на уходившаго доктора такъ нѣжно, что онъ пріостановился и ласково погладилъ ее по головкѣ.

Гансъ проводилъ его за дверь.

— Когда я вамъ понадоблюсь, мингеръ, скажите! Я готовъ во всякую минуту.

— Знаю, мой другъ, — отвѣтилъ докторъ съ несвойственной ему мягкостью. — Скажи своимъ, чтобы они ничего не разсказывали о случившемся. А пока вотъ что, Гансъ: оставаясь съ отцомъ, слѣди и наблюдай за нимъ умненько. Въ удобный моментъ онъ можетъ вдругъ все припомнить.

— Постараюсь, докторъ.

— До свиданія, голубчикъ, — сказалъ докторъ, быстро прыгая въ свой экипажъ.

— Слава Богу, — говорилъ Гансъ, слѣдя за удаляющимся экипажемъ: — у доктора есть еще сила и ловкость, какихъ я и не ожидалъ отъ него. Онъ прыгнулъ въ экипажъ, точно молодой человѣкъ.

ГЛАВА XX.

Бѣгъ.

Наступило 20 декабря и съ нимъ великолѣпный зимній день. Блестящее солнце обливало всю плоскость. Оно блестѣло на рѣкахъ, каналахъ и озерахъ, и ледъ спокойно отражалъ его свѣтъ, не боясь растаять подъ этими яркими, но не жаркими лучами. Было такъ тихо, что даже флюгера не шевелились. Мельницы, проработавъ почти всю недѣлю, наслаждались отдыхомъ; утомленныя крылья лѣниво колыхались въ воздухѣ. Не заставишь вѣтряную мельницу работать, когда и флюгера бездѣльничаютъ. Нечего поэтому и думать нынче что-нибудь смолоть или распилить, да хозяева мельницъ и не горюютъ объ этомъ. Штиль имъ на руку... Остается запереть мельницу, надѣть праздничное платье и итти туда, куда идутъ всѣ, отъ мала до велика,— на каналъ, гдѣ сегодня большой бѣгъ на призы. Вѣсть объ этомъ празднествѣ давно уже облетѣла окрестность; народу собирается масса.

Мужчины, женщины и дѣти въ праздничныхъ костюмахъ направляются къ мосту, откуда долженъ начаться бѣгъ. Тутъ есть пожилыя и предусмотрительныя особы, одѣтыя въ мѣха и теплыя шали; есть и болѣе легкомысленныя, согрѣтыя молодостью, въ легкихъ осеннихъ платьяхъ.

Мѣсто, выбранное для состязанія, — открытая ледяная равнина, тщательно расчищенная, въ недалекомъ разстояніи отъ Амстердама; голландцы справедливо называютъ ее «глазомъ». Горожане всѣ тутъ, иностранцы тоже: они рады случаю полюбоваться народнымъ празд-

никомъ. Ни одинъ крестьянинъ, я думаю, отложилъ свои покупки въ городѣ до этого дня. Однимъ словомъ, все, что имѣетъ колеса, ноги и коньки, все стремится сегодня на «глазъ».

Тутъ есть коляски съ нарядными барынями, явившимися какъ будто съ парижскихъ бульваровъ; дѣти разныхъ пріютовъ въ форменныхъ платьяхъ; дѣвочки католическаго пріюта въ черныхъ платьяхъ съ бѣлыми капорами; мальчики изъ городскихъ пріютовъ въ разноцвѣтномъ платьѣ, наполовину черномъ, наполовину красномъ (эта пестрота введена съ той цѣлью, чтобы можно было слѣдить за поведеніемъ пріютскихъ дѣтей внѣ заведенія). За богатыми барынями въ стеганыхъ ватныхъ платьяхъ слуги несутъ покрывала для ногъ и даже грѣлки. Крестьянки поражаютъ нескончаемымъ разнообразіемъ своихъ костюмовъ и особенно головныхъ уборовъ: у одной бѣлокурыя косы убраны подъ золотой каской; у другой мелкіе завиточки падаютъ на лобъ изъ-подъ наколки; у третьей бритая голова украшена съ боковъ золотыми или серебряными бляхами; у иной шляпа напоминаетъ мельницу съ растопыренными крыльями, а полосатая юбка яркостью своей кидается въ глаза; у другой поражаетъ фартукъ, длинный и узкій, вышитый сверху донизу. Среди этого разнообразія мелькаютъ мужчины въ кожаныхъ, бархатныхъ и суконныхъ штанахъ, въ короткихъ курткахъ, со шляпами въ видѣ колокола на головахъ.

Есть тутъ красавицы въ деревянныхъ сабо и грубыхъ юбкахъ; зато на головахъ у нихъ золотые кокошники съ золотыми же розетками по бокамъ, украшенными столѣтними кружевами. У богатыхъ кокошники и серьги изъ чистаго золота, у большинства — поддѣльныя, мѣдныя. Здѣсь увидишь не одну хорошенькую крестьянскую головку, обремененную всѣми фа-

мильными драгоцѣнностями, иногда на 500 флориновъ, а то и болѣе. Иностранецъ, глядя на это разнообразіе нарядовъ, можетъ подумать, что всѣ онѣ сошли съ полотна фламандскихъ картинъ и оставили стѣны музеевъ.

Высокія полныя голландки шествуютъ подъ руку съ маленькими толстенькими мужьями; смѣющихся шаловливыхъ дѣвушекъ сопровождаютъ здоровенные молодцы съ безцвѣтными лицами, выраженіе которыхъ не мѣняется отъ восхода солнца и до заката.

Повидимому, тутъ собрались представители всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Голландіи: рядомъ съ водовозомъ изъ Утрехта стоитъ горшечникъ изъ Дельфта, тутъ же водочный мастеръ изъ Шидама, амстердамскій гранильщикъ и селедочникъ изъ Текселя; у каждаго трубка и кисетъ съ табакомъ, а у нѣкоторыхъ, болѣе запасливыхъ, и орудіе для выколачиванія трубки и коробка спичекъ. Не забудьте, что голландецъ всегда и всюду съ трубкой; онъ можетъ цѣлую минуту не дышать, но позабыть свою трубку — никогда: — это смерть для него! Но сегодня всѣ живы, и клубы дыма стоятъ надъ толпой.

Взгляните на дѣтей: они толпятся въ заднихъ рядахъ и все-таки цѣлой головой выше взрослыхъ, — они на ходуляхъ. Какъ смѣшно шагаютъ ихъ маленькія фигурки!

Въ книгахъ часто говорится, что голландцы необыкновенно мирны и молчаливы, — это общее правило, но какъ всякое правило, оно имѣетъ исключенія. Прислушайтесь! Надъ этой тысячной толпой стоитъ неумолкаемый гомонъ. Это говорятъ люди; впрочемъ, не одни люди: тутъ и лошади ржутъ и скрипки визжатъ (бѣдныя скрипки! Имъ, видно, больно, когда ихъ настраиваютъ), но все-таки, главнымъ образомъ, это гласъ

народа. Мальчишки - торговцы усердно выкрикиваютъ: «Трубки и табакъ!» «Сахарные орѣхи!» Пронзительными голосами своими они хотятъ перекричать шумъ толпы.

На возвышенномъ берегу стоитъ палатка, и въ ней лица намъ знакомыя: въ серединѣ госпожа ванъ-Глекъ. Припомните, вѣдь сегодня празднуется день ея рожденія, поэтому она занимаетъ почетное мѣсто. А вотъ и господинъ ванъ-Глекъ. Далѣе дѣдушка и бабушка Глекъ, съ которыми мы познакомились наканунѣ дня св. Николая. Всѣ дѣти вокругъ нихъ. Такъ тихо на дворѣ, что и младшій членъ семьи тутъ же, укутанный на манеръ египетской муміи; впрочемъ, онъ не лишенъ возможности испускать радостные крики.

Общество это расположено на берегу и удобно можетъ видѣть все происходящее на льду. Не удивляйтесь, что дамы безъ содроганія глядятъ на сверкающую передъ ними хладную равнину: у нихъ подъ ногами печки. Этакъ и на сѣверномъ полюсѣ можно сидѣть. Рядомъ съ дамами стоитъ высокій господинъ. Не находите ли вы, что онъ своей фигурой напоминаетъ св. Николая въ томъ видѣ, какъ онъ являлся въ домѣ ванъ-Глекъ? Только подбородокъ у него совершенно чистый: должно - быть, онъ бороду свою въ карманъ спряталъ или бережетъ ее въ комодѣ до будущаго года? Какъ вы думаете, самъ это св. Николай или только похожъ на него? Конечно, похожъ .Ну, пойдетъ ли святой на бѣгъ? Кому это можетъ въ голову прійти?

Неподалеку еще палатка и въ ней ванъ-Гольпы съ замужней дочерью и зятемъ изъ Гайя. Сестра Петера не забыла своего обѣщанія и привезла изъ своей оранжереи прелестные букеты для будущихъ побѣдителей.

Тутъ и еще много палатокъ; всѣ онѣ возведены въ одно утро. Самая богатая и нарядная изъ нихъ принадлежитъ семьѣ ванъ-Корбесъ, но мнѣ больше нравится палатка ванъ-Глековъ: она изящнѣе. На одной палаткѣ развѣваются голубые флаги, — здѣсь помѣщаются музыканты; а эта палатка, украшенная раковинами и лентами всевозможныхъ цвѣтовъ, — судейская: тутъ сидятъ судьи, избранные для произнесенія приговоровъ и присужденія призовъ. Тутъ же двѣ бѣлыя колонны, соединенныя драпировкой: это мѣсто, откуда побѣгутъ на перегонки. Такіе же столбы съ флагами стоятъ въ одной милѣ отъ колоннъ. Это предѣлъ, откуда конькобѣжцы повернутъ назадъ и побѣгутъ вторую милю до начальнаго пункта.

Вотъ заиграла музыка. Теперь уже скрипки не визжатъ. Но гдѣ же борцы? А вотъ они собрались у бѣлыхъ колоннъ. Красивое зрѣлище! Есть чѣмъ полюбоваться! Представьте себѣ двадцать молодыхъ дѣвушекъ и столько же молодцовъ, — всѣ нарядны, всѣ красивы, потому что всѣ молоды, веселы и оживлены. Они шумно толкутся на небольшой площадкѣ, готовясь къ состязанію, осматриваютъ себя и другихъ. Имъ не стоится на мѣстѣ. Нѣкоторые съ безпокойствомъ ощупываютъ ремни своихъ коньковъ.

Голландія создана для бѣганья на конькахъ. Нигдѣ, мнѣ кажется, молодые люди не выдѣлываютъ на льду такихъ удивительныхъ штукъ и при этомъ такъ легко, граціозно, безъ всякаго труда и усилія, какъ въ Голландіи. Но кто этотъ иноземецъ по виду, возбуждающій всеобщее удивленіе? Всѣ любуются его увѣренными и ловкими движеніями. Ахъ, это нашъ англійскій пріятель Бэнъ! Побереги свои силы, Бэнъ: сейчасъ начнется состязаніе, а соперниковъ у тебя много. Взгляни, одинъ ужъ — тотъ, что въ красной шапкѣ — превзошелъ

Гретель прибѣжала первою.

тебя. Это просто не человѣкъ, а птица,— не то пробка, не то сталь, такъ онъ гибокъ, силенъ и граціозенъ. Не успѣетъ нагнуться — и вытянется, какъ стрѣла; броситъ перчатку — и на полномъ ходу поднимаетъ ее. И шутникъ какой! Сорвалъ съ Пута фуражку и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ вскрикнуть, надѣлъ ее ему задомъ напередъ. Всѣ смѣются. Смѣется и незлобивый Путъ.

Въ числѣ конкурентовъ есть и еще знакомыя намъ лица: Ламбертъ, Лудвигъ, Карлъ и Петеръ. Гансъ держится немного въ сторонѣ; ясно, что и онъ приметъ участіе въ бѣгѣ; коньки на немъ тѣ самые, которые Анни продала было самой себѣ. Гансъ скоро догадался, что маленькая фея и таинственный покупатель коньковъ, заплатившій семь флориновъ,— одно и то же лицо. Анни недолго запиралась, когда Гансъ сталъ ее уличать, тѣмъ болѣе, что обстоятельства перемѣнились, и Гансъ болѣе не нуждался: онъ выплатилъ Анни ея деньги и получилъ обратно коньки. Такимъ-то манеромъ ему удалось принять участіе въ бѣгѣ. Но это не нравится Карлу; онъ негодуетъ: ужъ и безъ того трое крестьянъ допущено, Гансъ — четвертый.

Итакъ, налицо двадцать дѣвушекъ и двадцать мальчиковъ. Дѣвушки стоятъ впереди, такъ какъ онѣ побѣгутъ первыя. Гильда, Рахиль и Катринка топаютъ ногами объ ледъ, чтобы убѣдиться, что коньки ихъ привязаны какъ слѣдуетъ. Гильда самымъ любезнымъ образомъ убѣждаетъ въ чемъ-то маленькое граціозное и робкое созданье въ красной кофточкѣ и новой коричневой юбкѣ. Дѣвочка эта все пятится и какъ бы прячется отъ людей, но, благодаря усиліямъ Гильды, она становится въ общій рядъ. Да вѣдь это Гретель! Какую громадную перемѣну произвели въ ней новая кофта и юбка, новые красивые башмаки! Право, она теперь такъ же прелестна, какъ Анни Бауманъ. Сестра

Янсона Кольпа допущена въ число борцовъ, а самого Янсона судьи единогласно исключили и къ бѣгамъ не допустили, во-первыхъ, за то, что онъ убилъ у Бринкеровъ аиста, а во-вторыхъ, — изъ гнѣзда другого аиста выкралъ яйца. Въ Голландіи это считается великимъ преступленіемъ. Какъ видите, Янсонъ Кольпъ малый плохой, и я многое могъ бы разсказать о немъ... Ну, да Богъ съ нимъ — некогда, бѣгъ начинается.

Двадцать дѣвочекъ становятся въ рядъ; музыка умолкаетъ.

Распорядитель бѣговъ стоитъ между двухъ колоннъ и читаетъ правила бѣга: «Дѣвочки и мальчики бѣгутъ поочередно до столбовъ и обратно, — бѣгутъ до тѣхъ поръ, пока одна изъ дѣвочекъ и одинъ изъ мальчиковъ дважды не прибѣгутъ первыми къ цѣли».

Въ палаткѣ судей машутъ флагомъ. Госпожа Глекъ встаетъ. У нея въ рукахъ бѣлый платокъ; она протягиваетъ руку. Когда она уронитъ платокъ, рогъ заиграетъ, это будетъ сигналомъ къ началу. Платокъ на землѣ. Дѣвочки ринулись впередъ.

Назадъ!

Оказалось, что не всѣ тронулись одновременно. Госпожа Глекъ снова беретъ платокъ и бросаетъ его на землю. На этотъ разъ все въ порядкѣ: двадцать дѣвочекъ бросаются съ мѣста какъ одинъ человѣкъ. Двадцать стрѣлъ, пущенныхъ искусной рукой, не могли бы, кажется, летѣть быстрѣй.

Публика вся превратилась въ зрѣніе. По всей линіи слышатся аплодисменты.

Пять дѣвочекъ впереди, онѣ бѣгутъ почти рядомъ; но которая же изъ нихъ успѣла уже добѣжать до столбовъ и возвращается назадъ? Что-то голубое, вслѣдъ за нею повернуло что-то красное, желтое. Зрители напрягаютъ зрѣніе и протискиваются впередъ.

Аплодисменты... Сдѣлавъ кругъ, возвращаются. Теперь можно различить: впереди всѣхъ Катринка.

Она минуетъ палатку ванъ-Гольпъ, затѣмъ палатку ванъ-Глекъ; но тутъ Гильда быстрѣе молніи обгоняетъ ее, привѣтствуя рукою мать. Двѣ дѣвочки бѣгутъ за нею по пятамъ: одна изъ нихъ точно красное пламя,— браво, это Гретель! Она тоже посылаетъ поклонъ рукой, но не по направленію богатыхъ палатокъ. Среди аплодисментовъ до слуха ея доходитъ только радостный голосъ ея отца: «Молодцомъ, Гретель, твоя возьметъ!» Катринка, смѣясь, опять перегоняетъ Гильду. Дѣвочка въ желтомъ перегоняетъ всѣхъ, кромѣ Гретели. Судьи высовываются изъ ложи, держа въ рукахъ часы. Красный огонекъ впереди. Сохранитъ ли онъ свое первенство?

Всѣ волнуются. За маленькую крестьянку держатъ пари. Раздается громкій крикъ. Гретель прибѣжала первою.

Имя ея громко провозглашается распорядителемъ. Судьи одобрительно киваютъ головой и что-то отмѣчаютъ въ своихъ записныхъ книжкахъ.

Теперь очередь за мальчиками; они становятся въ рядъ, а дѣвочки отдыхаютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ окружаютъ и поздравляютъ Гретель, другія держатся въ сторонѣ и презрительно оглядываютъ ее.

Мальчикамъ подаетъ сигналъ господинъ ванъ-Глекъ. Онъ бросаетъ платокъ, раздается рѣзкій звукъ рога. Мальчики дружно бросаются впередъ. Начало блестящее.

Они уже на полпути. Быстрота невиданная! Глазъ не успѣваетъ слѣдить за ними, они летятъ быстрѣе мысли, а тутъ еще неистовые крики, — просто, ничего разобрать нельзя! Но чему они тамъ хохочутъ? Ахъ, это они смѣются надъ толстякомъ, оставшимся въ хвостѣ. Этотъ толстякъ—нашъ старый знакомецъ. Нѣтъ,

онъ видитъ самъ, что дѣло плохо, — останавливается, снимаетъ шляпу, вытираетъ мокрый лобъ и весело оглядывается во всѣ стороны. Не догнать тебѣ товарищей, Путъ; лучше добровольно отказаться, и онъ съ улыбкой отходитъ въ сторону, изъ дѣйствующаго лица обращается въ зрителя, и всѣ ему навстрѣчу улыбаются такъ же добродушно, какъ онъ самъ.

Мелкая снѣжная пыль поднимается изъ-подъ коньковъ быстро несущихся борцовъ. Они поворачиваютъ. Нѣсколько точекъ отдѣляются отъ общей линіи и опережаютъ остальныхъ: это Бэнъ, Петеръ и рядомъ съ ними Гансъ. Да, Гансъ, братъ Гретели. Какъ, неужели и тутъ призъ достанется выскочкѣ, пришлецу? Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Госпожа ванъ-Гендъ судорожно мнетъ въ рукахъ приготовленный побѣдителю букетъ. Она была такъ увѣрена, что онъ достанется Петеру. А Петеръ, какъ назло, отстаетъ. Ганса догоняетъ Карлъ Шуммель, задыхаясь отъ бѣшенства; за нимъ Бэнъ и неизвѣстный юноша въ красной шапкѣ; всѣ они опередили Петера, онъ въ арьергардѣ. Но вотъ онъ дѣлаетъ надъ собой усиліе, обгоняетъ Бэна, потомъ Карла, — онъ рядомъ съ Гансомъ. Госпожа ванъ-Гендъ не дышитъ.

Наконецъ онъ впереди всѣхъ! Нѣтъ, опять Гансъ его перегоняетъ. Глаза Гильды наполняются слезами: Петеръ долженъ взять призъ. Глаза Анни мечутъ молніи. Гретель прижимаетъ руки къ груди. Еще три-четыре размаха — и ея братъ будетъ у цѣли.

Онъ, дѣйствительно, у цѣли; но Карлъ, окрыленный злобой, опередилъ его и всѣхъ на одно мгновеніе, опередилъ даже самую цѣль.

Карлъ Шуммель провозглашенъ побѣдителемъ перваго круга. Голосъ распорядителя выкликаетъ его имя. Раздаются аплодисменты, но очень жидкіе. Это не

ускользаетъ отъ самолюбиваго слуха побѣдителя. Но въ этомъ не публика виновата, любезный Карлъ, а твой дурной характеръ, — это онъ отталкиваетъ симпатіи людей.

Начинается второй кругъ бѣговъ.

Госпожа ванъ-Глекъ появляется у барьера, роняетъ платокъ, раздается звукъ рога, и опять двадцать дѣвушекъ, на этотъ разъ дружно, бросаются впередъ. Красиво, но ничего не разберешь: никто не выдвигается, никто не отстаетъ, а потому и никакихъ предположеній дѣлать нельзя. Въ первомъ ряду мелькаютъ лица, которыхъ мы не замѣчали на первомъ кругу. Но вотъ Гильда и Катринка впереди. Рахиль и Гретель за ними. Гретель какъ будто въ нерѣшимости, но когда Рахиль выдвигается, Гретель тотчасъ догоняетъ ее. Вотъ онѣ обѣ подлѣ Катринки. Гильда все-таки впереди, она уже близка къ цѣли. Она ни разу не укротила своего быстраго бѣга, ни разу не передохнула; толпа сочувствуетъ ей и воодушевляетъ ее своимъ крикомъ. Раздаются «браво» со всѣхъ сторонъ. Петеръ молчитъ, но глаза его горятъ.

Ура! ура!

Голосъ распорядителя возвѣщаетъ:

— Гильда ванъ-Глекъ первою!

Гретель хлопаетъ въ ладоши, Анни тоже, Катринка и Рахиль молчатъ.

ГЛАВА XXI.

Побѣдители. — Новая радость.

По всему собранію раздается гулъ одобренія. Восторгъ сообщается оркестру, который играетъ тушъ. Но едва заколыхался флагъ, все умолкаетъ. Вновь слышится сигналъ. Мальчики бѣгутъ.

Они несутся на крыльяхъ вѣтра. Во главѣ трое: Гансъ, Петеръ и Ламбертъ. Эй, Петеръ, не давай себя въ обиду! Ламбертъ скоро уступаетъ и только Гансъ съ Петеромъ борются. Кто изъ нихъ впереди — сказать мудрено: то одинъ, то другой. Намъ равно любы оба, и мы одинаково желали бы, чтобы выигралъ и тотъ и другой.

Гильда, Анни и Гретель едва могутъ усидѣть на своихъ мѣстахъ на большой скамьѣ. То одна, то другая вскочитъ и опять сядетъ. Гильда даже глаза закрыла.

Напрасно боишься ты, милая дѣвушка, за своего кавалера. Лучше погляди, кому эти «браво», послушай, что кричитъ распорядитель.

— Петеръ ванъ-Гольпъ первымъ!

Но что тамъ случилось? Ужъ не бѣда ли какая? Толпа суетится подлѣ колонны. Карлъ упалъ. Слава Богу, онъ не ушибся, только ошеломленъ паденіемъ. И тутъ опять сказалось равнодушіе къ нему публики. Узнавъ, что онъ живъ, о немъ тотчасъ и забыли.

Теперь опять чередъ за дѣвочками на третій и, можетъ-быть, послѣдній кругъ.

Какъ оживлены всѣ эти молодыя лица! Нѣкоторыя серьезны, робкая улыбка блуждаетъ на лицахъ другихъ, менѣе скромныя торжествуютъ заранѣе побѣду, но рѣшимость свѣтится во всѣхъ глазахъ.

Этотъ третій кругъ можетъ рѣшить участь бѣговъ. Но если ни Гильда ни Гретель не будутъ на этотъ разъ первыми, возможность выигрыша откроется каждой изъ участницъ. И каждая какъ бы убѣждена, что именно она придетъ теперь первой. Съ какимъ вниманіемъ онѣ осматриваютъ ремни на своихъ конькахъ. Вотъ онѣ оправились, выпрямились и глядятъ на госпожу ванъ-Глекъ.

По поданному сигналу, наклонившись впередъ, онѣ бросаются всѣ вдругъ. Ноги ихъ едва касаются льда. Зрители жадно слѣдятъ за ними. Каждый трепещетъ за свою любимицу. Четыре или пять дѣвушекъ выдвигаются изъ ряда.

Кто же впереди всѣхъ? Это не Рахиль, не Катринка, не дѣвочка въ желтомъ... Это Гретель, рѣзвушка Гретель несется какъ птица. Первый кругъ она взяла, какъ бы шутя; теперь она серьезно гонится за побѣдой. Ей точно кто твердитъ въ ухо: «Ты должна выиграть призъ, должна показать отцу, какова Гретель». Ея

тоненькій станъ, крошечныя, точно стальныя, ножки творятъ чудеса. Она такъ разлетѣлась, что, добѣжавъ до черты, не могла остановиться и проскочила много дальше.

Глашатаю и выкрикивать нечего на этотъ разъ. Превосходство маленькой крестьянки такъ очевидно, разстояніе, на которое она опередила другихъ, такъ велико, что спора и сомнѣнія никакого быть не можетъ. Новость эта съ быстротой молніи облетаетъ все собраніе. Раздаются громкія «браво». Гретель выиграла призъ — серебряные коньки.

Минуту тому назадъ она, какъ птица въ воздухѣ, летѣла по льду. Теперь она, какъ птица же, остановилась и робко и боязливо оглядывается по сторонамъ. Ей хотѣлось бы укрыться въ тотъ уголокъ, гдѣ стоятъ ея отецъ и мать. Но къ ней подходитъ Гансъ, вслѣдъ за нимъ ее окружаютъ дѣвушки, принимавшія участіе въ бѣгахъ. Ласковый веселый голосъ Гильды раздается въ ушахъ ея. Съ этой минуты никто не будетъ ее презирать; будетъ ли она пасти гусей, или заниматься другимъ дѣломъ, — все равно: отнынѣ Гретель — королева всѣхъ конькобѣжицъ.

Гансъ въ порывѣ братской гордости оглядывается, чтобы убѣдиться, былъ ли Петеръ ванъ-Гольпъ свидѣтелемъ тріумфа Гретели.

Петеръ все видѣлъ, но въ данную минуту ему не до того. Онъ, стоя на колѣняхъ, возится съ ремнемъ и лихорадочно перевязываетъ коньки.

— Что съ вами, Петеръ? — спросилъ Гансъ. — Вамъ ногу больно?

— Ахъ, это ты, Гансъ! Тебѣ я могу сказать; я прихожу просто въ бѣшенство. Подумай: я хотѣлъ привязать коньки потуже, проткнулъ новую дыру въ ремнѣ

и сдѣлалъ это такъ неосторожно, что, того и гляди, ремень лопнетъ...

— Успокойтесь, мингеръ, — сказалъ Гансъ, въ ту же минуту развязалъ свои коньки и протянулъ ремень. — Возьмите этотъ, — онъ не лопнетъ.

— Взять твой ремень, Гансъ? Ни за что! Ступай скорѣй въ рядъ, сейчасъ дадутъ сигналъ.

— Мингеръ, — произнесъ умоляющимъ голосомъ Гансъ, — вы называете меня своимъ другомъ. Возьмите ремень и не огорчайте меня отказомъ. Поторопитесь. Я, право, больше не побѣгу. Возьмете вы мой ремень или нѣтъ, — все равно, я отказываюсь отъ дальнѣйшаго состязанія.

Съ этими словами Гансъ, не слушая возраженій Петера и даже не глядя на него, приладилъ ремень къ его конькамъ и заставилъ его надѣть ихъ.

— Ну, Петеръ, — кричалъ Ламбертъ, стоя уже въ ряду, — только тебя и дожидаемся!

— Ради вашей матери, — прибавилъ Гансъ, — поторопитесь; смотрите, она безпокоится за васъ. Ну, все готово, подвязывайте скорѣй. Если будетъ борьба между вами и Карломъ Шуммелемъ, я безпокоиться не буду.

— Гансъ, ты лучшій мальчикъ въ свѣтѣ, — отвѣтилъ сдаваясь, наконецъ, Петеръ. — Ни отъ кого другого я не принялъ бы такой жертвы.

Но Гансъ, чтобы заставить его поскорѣе стать въ рядъ, отошелъ въ сторону, не отвѣчая. Петеръ едва успѣлъ занять мѣсто, какъ условный знакъ платкомъ былъ поданъ.

Борцы полетѣли.

— Богъ мой! — восклицаетъ въ толпѣ какой-то толстякъ изъ Дельфта. — Эти амстердамцы просто отчаянный народъ! Глядите!

И въ самомъ дѣлѣ стоитъ поглядѣть. Это Меркуріи, у нихъ крылья на пяткахъ. Что за вѣтеръ гонитъ ихъ? Ахъ! Это они всѣ за Петеромъ ванъ-Гольпъ гонятся. Вотъ и догнали. Карлъ обогналъ. Но недолго наслаждается онъ своимъ первенствомъ: его обгоняетъ Бэнъ. Неужели побѣда достанется чужеземцу? Какъ бы не такъ! Петеръ уже опять впереди всѣхъ. Браво, браво!

Лети, милый Петеръ, на тебя глядитъ Гансъ. Онъ охотно далъ бы тебѣ взаймы свои быстрыя ноги и свои неутомимыя легкія. Не развлекайся ничѣмъ, Петеръ! Твои мать и сестра не спускаютъ съ тебя глазъ и еще кто-то: Гильда ванъ-Глекъ. Не вѣришь? Пускай, только бѣги, будь весь вниманіе, не слушай криковъ; вѣдь за тобой бѣгутъ по пятамъ въ надеждѣ опередить тебя. Гляди только на бѣлыя колонны и бѣги, бѣги!

Ура! Петеръ выигралъ серебряные коньки, предназначенные для мальчиковъ. Распорядитель трижды возгласилъ собранію имя побѣдителя! Никто его не слушаетъ: каждый кричитъ тоже для себя и для своего сосѣда подъ аккомпанементъ ура и браво.

Итакъ, Гретель и Петеръ побѣдители!

— Превосходные бѣга! — говорятъ знатоки. — Вотъ ужъ двадцать лѣтъ какъ не было такихъ!

Оркестръ не отстаетъ отъ публики и свое удовольствіе выражаетъ веселымъ воинственнымъ маршемъ. Зрители поневолѣ умолкаютъ, слушаютъ и смотрятъ.

Всѣ участвовавшіе въ бѣгахъ дѣвочки и мальчики становятся въ рядъ другъ за другомъ: Петеръ, какъ самый большой, — во главѣ; Гретель, какъ самая маленькая, — въ хвостѣ. Гансъ, подвязавшій коньки ремнемъ, занятымъ у маленькаго разносчика, стоитъ неподалеку отъ Петера.

Передъ палаткой ванъ-Глекъ поставлены три тріумфальныя арки изъ зеленыхъ вѣтвей.

И вотъ вся вереница подъ командой Петера начинаетъ въ тактъ музыки выдѣлывать различныя фигуры: то вся линія завьется кольцомъ, какъ живая змѣя, то разовьется, то пролетитъ подъ одной аркой, то подъ другой, то разобьется на двѣ части и одна наступаетъ на другую, то опять всѣ выстроятся въ одну линію. Подъ конецъ этого балета цѣпь сомкнулась; Петеръ и Гретель очутились рядомъ и, пройдя подъ арками впереди всѣхъ, остановились передъ госпожою ванъ-Глекъ. Она величественно встаетъ съ своего кресла. Гретель дрожитъ, хотя сознаетъ, что надо поднять глаза. Она не слышитъ любезнаго привѣтствія, которое говоритъ ей важная барыня, отъ волненія у нея стоитъ шумъ въ ушахъ. Но вотъ она собралась съ мужествомъ и, только что хотѣла сдѣлать реверансъ госпожѣ ванъ-Глекъ, такой, какому учила ее мать, какъ вдругъ въ рукахъ у нея очутилось что-то такое блестящее и красивое, что она не могла удержаться отъ крика изумленія.

Тутъ она осмѣлилась посмотрѣть вокругъ. Петеръ тоже держитъ что-то въ рукахъ.

— Какая прелесть! — воскликнула она, и слова эти повторились шумнымъ эхомъ вокругъ нея.

Серебряные коньки блестятъ на солнцѣ и освѣщаютъ счастливыя лица побѣдителей.

Госпожа ванъ-Гендъ посылаетъ побѣдителямъ букеты. Тутъ и для Гильды и для Карла, для Петера и Гретели.

При видѣ цвѣтовъ маленькая королева конькобѣжицъ не можетъ болѣе совладать съ собой. Бросая во всѣ стороны признательные взоры, она поспѣшно кладетъ въ передникъ свои серебряные коньки и съ букетомъ

въ рукѣ бросается въ толпу, чтобы подѣлиться своимъ торжествомъ съ отцомъ и матерью.

Васъ, можетъ-быть, удивило, что Рафъ Бринкеръ и жена его присутствовали на бѣгахъ? Вы удивились бы еще болѣе, если бы посѣтили ихъ домъ вечеромъ этого памятнаго 20 декабря. Глядя снаружи на уединенную хижину Бринкеровъ на краю замерзшаго болота, съ покосившимися стѣнами и сползшею крышею, трудно предположить, чтобы внутри ея было такое веселье. Солнце закатилось, но заря еще горитъ на небѣ, и края облаковъ въ огнѣ.

Комната, въ которую заглянулъ послѣдній лучъ зари, можно сказать — олицетвореніе чистоты. Трещины на потолкѣ — и тѣ блестятъ. Благоуханіе наполняетъ комнату. Большой огонь весело освѣщаетъ стѣны, капризное пламя заиграетъ то на застежкахъ старой Библіи, то на развѣшанныхъ на стѣнѣ столярныхъ инструментахъ, то, наконецъ, на серебряныхъ салонькахъ и прелестномъ букетѣ, красующемся на столѣ.

Почтенная фигура госпожи Бринкеръ ярко освѣщена огнемъ. Гансъ и Гретель стоятъ обнявшись, а Рафъ Бринкеръ... да онъ пляшетъ!

Я не хочу этимъ сказать, чтобы онъ дѣлалъ какіе-либо прыжки и скачки, — нѣтъ, такія движенія могли бы уронить достоинство пожилого отца семейства. Я только утверждаю, что въ то время, какъ всѣ члены семьи пріятно бесѣдовали у огня, Рафъ неожиданно вскочилъ съ мѣста и, щелкнувъ пальцами, сдѣлалъ рукою такое движеніе, какое дѣлаютъ танцоры въ самый разгаръ шотландскаго жига (танца), подхватилъ жену со стула и въ восторгѣ закричалъ:

— Ура, припомнилъ! Припомнилъ имя, которое нужно доктору! Томасъ Гиггсъ! Это то самое имя, которое я такъ долго не могъ вспомнить. Оно пришло мнѣ на

память совсѣмъ неожиданно, какъ молнія. Запиши его, сынокъ, запиши скорѣй!

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Что, если докторъ! — вскричала восхищенная Бринкерша. — Нѣтъ ничего невозможнаго. Какая бы это была радость для него!

Мать и дѣти, толкая другъ друга, бросились къ двери.

Это былъ не докторъ. Это были трое молодыхъ людей: Петеръ ванъ-Гольпъ, Лудвигъ и Бэнъ.

— Добрый вечеръ, молодые господа, — привѣтствовала ихъ хозяйка такъ весело и развязно, что, очевидно, ея не удивилъ бы и королевскій визитъ.

— Добрый вечеръ, госпожа Бринкеръ, — отвѣчали, вѣжливо кланяясь, молодые люди.

«Ахъ, — думала госпожа Бринкеръ, низко присѣдая передъ ними, — какъ хорошо, что я еще въ молодости выучилась дѣлать реверансы въ Гейдельбергѣ».

Рафъ поклонился гостямъ съ тѣмъ скромнымъ достоинствомъ, которымъ отличались всѣ его манеры.

— Садитесь, пожалуйста, господа, — пригласилъ онъ ихъ. (Гретель робко пододвинула табуретъ.) — У насъ, какъ видите, не хватаетъ стульевъ, но если вы не побрезгуете, вотъ еще сундукъ. Гансъ, подвинь его поближе. Всѣмъ будетъ мѣсто.

Когда молодые люди, къ великому удовольствію хозяйки, благополучно разсѣлись, Петеръ объяснилъ, что, отправляясь по одному дѣлу въ Амстердамъ, счелъ пріятнымъ долгомъ освѣдомиться о здоровьѣ всѣхъ обитателей хижины и съ благодарностью возвратить Гансу его ремень.

— О, мингеръ, — воскликнулъ Гансъ, — зачѣмъ вы сами трудились! Мнѣ очень жаль, это такіе пустяки!

— Какъ же, Гансъ, я былъ бы невѣжей, если бы отложилъ это до завтра, когда ты придешь на работу. Да, кстати, о твоей работѣ: отецъ видѣлъ ее и поручилъ мнѣ сказать, что онъ ею очень доволенъ. Записной рѣзчикъ не могъ бы сдѣлать лучше. Отцу очень бы хотѣлось, чтобы и южная бесѣдка была отдѣлана такъ же, но на это я ему сказалъ, что ты, вѣроятно, будешь опять ходить въ школу.

— Это вѣрно, — отозвался Рафъ Бринкеръ: — Гансъ непремѣнно долженъ итти въ школу и Гретель также.

— Я очень радъ это слышать, господинъ Бринкеръ; съ образованіемъ такія дѣти, какъ ваши, далеко уйдутъ. А какъ теперь ваше собственное здоровье?

— Благодарю васъ, молодой господинъ, мое здоровье хорошо; съ Божьей помощью могу теперь приняться за работу.

Гансъ, между тѣмъ, писалъ что-то на потрепанномъ календарѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ.

— Пиши, пиши, Гансъ, это хорошо. Какъ оно, имя-то? Фиггсъ... Нѣтъ, Вигъ... Ахъ, что же это? — упавшимъ голосомъ сказалъ Рафъ. — Вѣдь оно опять выскочило у меня изъ головы!

— Не безпокойся, отецъ: теперь уже не выскочитъ, — припечатано крѣпко. Гляди самъ, вотъ оно. Ахъ, если бы ты и названіе мѣста припомнилъ.

И, обратясь къ Петеру, Гансъ сказалъ:

— Мнѣ надо, мингеръ, итти въ городъ по очень важному дѣлу, и если...

— Нѣтъ, — перебила его мать, — сегодня ты не пойдешь въ Амстердамъ. Ты самъ мнѣ говорилъ, что, если бъ явилась надобность бѣжать куда-нибудь, твои ноги отказались бы тронуться съ мѣста, такъ ты усталъ. Нѣтъ, отложи свое дѣло до утра.

— До утра? — сказалъ Рафъ. — Въ умѣ ли ты, Метти? Онъ долженъ сейчасъ бѣжать.

Тутъ у Бринкерши мелькнула было мысль, но только на одну секунду, что съ выздоровленіемъ мужа ея авторитетъ поколебался, ея слово перестало быть закономъ. По счастью, пословица «покорной женѣ смирный мужъ» глубоко вкоренилась въ ея умѣ и явилась ей на выручку какъ разъ во-время, когда она спрашивала себя: какъ же теперь поступить?

— Хорошо, Рафъ, — отвѣчала она, улыбаясь, — сынъ столько же твой, сколько и мой. Ахъ, какъ трудно, молодые господа, править домомъ!

Петеръ въ это время вынулъ изъ кармана ремень и, вручая его Гансу, тихо сказалъ:

— Не знаю, какъ и благодарить тебя, Гансъ, за твое одолженіе. Правда, такіе люди, какъ ты, въ благодарности не нуждаются, но я долженъ сказать, что ты оказалъ мнѣ неоцѣненную услугу. Вѣдь только на послѣднемъ кругу бѣга, на который попалъ благодаря тебѣ, я понялъ, какъ велико было во мнѣ желаніе выиграть призъ.

Деликатные люди очень легко краснѣютъ. Въ настоящую минуту Гансъ былъ красенъ, какъ піонъ.

— Да это, право, не стоитъ такой благодарности, — поспѣшила госпожа Бринкеръ на помощь ему. — Гансъ отъ всей души желалъ, чтобы призъ достался именно вамъ, я это знаю навѣрное.

Это заявленіе очень облегчило Ганса.

— Ахъ, мингеръ, — заговорилъ Гансъ, — мама сказала совершенную правду. Я былъ такъ уставши, никакой съ моей стороны жертвы тутъ не было; ноги мои отказывались служить, и я не имѣлъ ни малѣйшей надежды взять призъ.

Гретель бросается въ толпу, чтобы подѣлиться своимъ торжествомъ съ отцомъ и матерью.

Теперь была очередь Петера сконфузиться.

— Ну, эта часть нашей повѣсти что-то темна для меня, но если ты, какъ другъ, хочешь успокоить мою совѣсть, то я прошу тебя...

Конецъ своей рѣчи Петеръ договорилъ такъ тихо, что никто его не слышалъ, кромѣ Ганса. Довольно сказать, что Петеръ предложилъ Гансу что-то такое, отъ чего тотъ сталъ отмахиваться руками и ногами; послѣ этого Петеръ согласился оставить это что-то у себя, но только потому, что Гансъ этого требовалъ, хотя по справедливости слѣдовало бы иначе.

Ламбертъ кашлянулъ, давая этимъ знать, что пора и въ путь. Въ это время Бэнъ положилъ на столъ какой-то пакетъ.

— Ахъ, — сказалъ Петеръ, — я и забылъ о другомъ данномъ мнѣ порученіи. Твоя сестра, Гансъ, такъ скоро убѣжала, что госпожа ванъ-Глекъ не успѣла вручить ей футляра отъ коньковъ.

— О, я узнаю въ этомъ мою дочь, — сказала госпожа Бринкеръ, съ упрекомъ глядя на Гретель. — Она, чего добраго, и не поблагодарила и не простилась.

Въ душѣ же у строгой насчетъ манеръ матери вертѣлось совсѣмъ другое: не у многихъ, я думаю, такая милая и добрая дочь, какъ у меня.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Петеръ, смѣясь, — ваша дочь распорядилась гораздо лучше: она поспѣшила къ вамъ съ призомъ, который такъ блистательно завоевала!

Гансъ не принималъ участія въ этомъ разговорѣ; видимо, онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ.

— Мы не будемъ, Гансъ, васъ болѣе задерживать, — сказалъ Петеръ, не желая разспрашивать, чтобы не показаться нескромнымъ.

Но Гансъ пристально глядѣлъ на отца и, казалось, совсѣмъ забылъ о присутствіи гостей.

Рафъ Бринкеръ, погруженный въ свои думы, твердилъ вполголоса:

— Томасъ Гиггсъ! Томасъ Гиггсъ! Да, это его имя. А какъ же назывался городъ?!

Футляръ для коньковъ былъ очень нарядный: красный сафьянный съ серебряными украшеніями; слова: «Королевѣ конькобѣжицъ Гретели Бринкеръ», были начертаны на немъ золотыми буквами. Подкладка была бархатная; на одномъ углу было клеймо съ именемъ и адресомъ фабриканта.

Гретель очень мило поблагодарила Петера, затѣмъ, движимая любопытствомъ, взяла футляръ и стала разглядывать его со всѣхъ сторонъ. Вѣдь это была самая драгоцѣнная вещь изъ всего, что она имѣла въ своей жизни.

— Посмотри-ка, мама, этотъ футляръ сдѣланъ господиномъ Бирмингамомъ, — сказала она.

— Бирмингамъ, — возразилъ, смѣясь, Бэнъ, — это городъ въ Англіи, а не фабрикантъ. Футляръ сработанъ въ Бирмингамѣ, а имя фабриканта написано тутъ же, но такими мелкими буквами, что я не могу ихъ разобрать.

— Дайте-ка мнѣ посмотрѣть, — сказалъ Петеръ. — Да это очень ясно: двѣ первыя буквы, безъ сомнѣнія, Т и Г.

— Да! — воскликнулъ Ламбертъ. — Но дѣло въ томъ, чтобы прочитать имя цѣликомъ.

— Терпѣніе, — прошепталъ Петеръ и, приблизясь къ свѣту, закричалъ: — Теперь я вижу: «Томасъ Гиггсъ»!

Но что это сталось вдругъ съ Бринкерами? Рафъ и Гансъ моментально вскочили, точно ихъ подняла невидимая пружина. Оба вперили въ Петера взгляды, полные удивленія, такъ что Петеръ не зналъ, что и подумать. Гретель хлопала въ ладоши, какъ будто она

была еще на бѣгахъ, а госпожа Бринкеръ со свѣчой въ рукѣ бѣгала по комнатѣ и кричала:

— Гансъ, Гансъ, гдѣ же твоя шляпа? Ахъ, докторъ, докторъ! Бѣги скорѣй. Не теряй ни минуты времени.

— Бирмингамъ! Томасъ Гиггсъ! — твердилъ Гансъ. — Вѣдь вы, господинъ Петеръ, такъ, кажется, прочитали? Вы увѣрены въ томъ, что не ошиблись? О, господинъ Петеръ, какъ я счастливъ, какъ бы я хотѣлъ быть уже далеко отсюда!

И, схвативъ изъ рукъ матери шляпу, онъ во мгновеніе ока привязалъ коньки и исчезъ за дверью.

Молодые люди въ недоумѣніи переглянулись. Что это? Неужели вся семья Бринкеровъ одновременно сошла съ ума? Они сочли за лучшее удалиться и встали, но Рафъ ихъ удержалъ.

— Этотъ Томасъ Гиггсъ, господа, тотъ человѣкъ... то самое лицо... которое...

Это безсвязное объясненіе еще болѣе убѣдило гостей, что Рафъ Бринкеръ потерялъ разсудокъ.

— Это человѣкъ... это другъ, котораго мы давно считали умершимъ; но если это тотъ самый фабрикантъ, имя котораго вы прочитали, — стало-быть, онъ живъ... Вотъ почему мы всѣ обрадовались.

— Я отвѣчаю вамъ, что мѣсяцъ тому назадъ онъ былъ живъ, — сказалъ Бэнъ. — Я лично знаю этого Томаса Гиггса изъ Бирмингама. Его заведеніе въ четырехъ миляхъ отъ насъ. Это большой чудакъ, очень искусный въ своемъ дѣлѣ, но очень дикій. Онъ совсѣмъ не выглядитъ англичаниномъ. Я его часто видалъ: у него красивое, но всегда грустное лицо, чудные глаза и одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые не забываются. Онъ художникъ въ своемъ родѣ. Разъ онъ мнѣ сдѣлалъ прелестный бюваръ, который я подарилъ сестрѣ Женни въ день ея рожденія. У него дѣлаютъ

портфели, футляры для телескоповъ и всякаго рода издѣлія изъ кожи.

Рафъ дрожалъ отъ волненія; у жены его глаза были полны слезъ отъ радости.

Докторъ Бекманъ, сильно взволнованный, прибылъ въ тотъ же вечеръ въ сопровожденіи Ганса, котораго онъ привезъ въ своей каретѣ. Онъ заставилъ десять разъ разсказать себѣ всю исторію съ футляромъ и клеймомъ.

— Какая досада, что молодые господа ушли, — говорила госпожа Бринкеръ. — Можно бы остановить ихъ на обратномъ пути изъ Амстердама. Господинъ докторъ отъ молодого англичанина узналъ бы много подробностей.

Рафъ одобрилъ жену.

— Она всегда говоритъ дѣло. Было бы очень хорошо, если бы вамъ, господинъ докторъ, удалось поразспросить этого англичанина о Томасѣ Гиггсѣ, пока онъ не забылъ о немъ. Имя это, знаете, такое скользкое, такъ легко выскакиваетъ изъ головы; нельзя быть увѣреннымъ ни на одну минуту, что оно не ускользнетъ, — такъ было, по крайней мѣрѣ, со мной. Ну, да теперь оно записано у Ганса крѣпко. Ахъ, мингеръ, на вашемъ мѣстѣ я непремѣнно поторопился бы поговорить съ молодымъ англичаниномъ. Подумайте: онъ столько разъ видѣлся и говорилъ съ вашимъ сыномъ.

Госпожа Бринкеръ подхватила:

— Вы, господинъ докторъ, легко узнаете его: онъ вмѣстѣ съ Петеромъ ванъ-Гольпъ, да и по курчавымъ волосамъ его можно сейчасъ признать. Онъ говоритъ очень хорошо и скоро, иногда только вставляетъ англійскія слова, — ну, да это васъ не затруднитъ.

Докторъ ужъ и шляпу взялъ въ руки. Лицо его сіяло радостью, которую онъ тщетно старался скрыть. При этомъ онъ немилосердно ворчалъ на идею, по его мнѣнію нелѣпую, которую возымѣлъ его сынъ, — принять англійское имя.

— Ахъ, господинъ докторъ, — сказалъ Гансъ, защищая неизвѣстнаго ему юношу, — вѣдь онъ думалъ, что вы отреклись отъ него, какъ отъ недостойнаго носить ваше имя; онъ перемѣнилъ фамилію, только чтобы вамъ угодить. Вы ему ставите въ упрекъ то, что онъ сдѣлалъ, оберегая дорогое для васъ имя.

Докторъ молча слушалъ Ганса и, когда тотъ кончилъ, дружески потрепалъ его по плечу, назвалъ «сынкомъ» и быстро вышелъ изъ дома.

Этотъ непредвидѣнный выѣздъ и это долгое ожиданіе у дверей бѣдной хижины привели докторскаго кучера въ самое дурное расположеніе духа. Онъ выместилъ свою досаду на бѣдныхъ лошадяхъ ударами кнута и крикомъ. Докторъ, погруженный въ свои думы, ничего не замѣчалъ, а кучеръ считалъ себя въ правѣ повѣдать затѣмъ цѣлому свѣту, что есть на свѣтѣ такіе господа, у которыхъ нѣтъ ни капли человѣколюбія къ бѣднымъ кучерамъ.

ГЛАВА XXII.

Таинственное исчезновеніе Томаса Гиггса. — Будущій докторъ.

Мастерская Томаса Гиггса — неисчерпаемый источникъ сплетенъ для кумушекъ Бирмингама. Это большое зданіе, достаточно большое, чтобы вмѣстить въ себѣ очень много тайнъ и секретовъ. Откуда взялся его владѣлецъ? Что онъ за человѣкъ въ сущности? Вотъ

этого-то никто и не зналъ. Онъ имѣлъ очень приличный видъ, — это безспорно, — хотя всѣ знали, что онъ сдѣлался хозяиномъ изъ учениковъ; тѣмъ не менѣе онъ владѣлъ перомъ, какъ профессоръ каллиграфіи.

Прошло уже много лѣтъ со времени его появленія въ этихъ мѣстахъ. Тогда ему было всего восемнадцать лѣтъ; онъ изучилъ ремесло, заслужилъ довѣріе хозяина, сдѣлался товарищемъ его въ предпріятіи, а затѣмъ, по смерти стараго Вильета, взялъ на себя веденіе всего дѣла. Вотъ все, что было извѣстно изъ его жизни; этого было, конечно, недостаточно для общественнаго любопытства.

Добрые люди жаловались, что онъ очень скупъ на слова; другіе, напротивъ, увѣряли, что онъ хорошо говоритъ и много говоритъ, когда захочетъ, но что произношеніе у него какое-то странное.

Происхожденіе его было для всѣхъ большой загадкой. Его англійское имя свидѣтельствовало о національности его отца, но кто была его мать? Откуда она могла быть? Если бы она была американка, у него были бы выдающіяся скулы и болѣе смуглый цвѣтъ кожи; если нѣмка — онъ зналъ бы хотя немного по-нѣмецки, а сквайръ Смитъ увѣрялъ, что онъ не знаетъ ни одного нѣмецкаго слова; если бъ француженка — онъ не былъ бы такъ мраченъ.

Всѣмъ извѣстно, что французъ не можетъ быть всегда печальнымъ. Можетъ-быть, голландка или фламандка? Тоже нѣтъ, хотя всякій разъ, слыша голландскія слова, онъ настораживалъ уши; но это не мѣшало ему совершенно не знать этой страны, по крайней мѣрѣ, такъ оказывалось, когда его начинали разспрашивать. Откуда бы онъ ни былъ, вѣрно то, что онъ

не получалъ ни одного письма изъ-за границы. Человѣкъ, до такой степени брошенный соотечественниками, не могъ имѣть большой цѣны. Поэтому надо полагать, что Томасъ Гиггсъ, хотя и старался ходить съ высоко поднятой головой, тѣмъ не менѣе имѣлъ въ своемъ прошломъ какой-нибудь грѣшокъ на совѣсти. Кумушки, правда, увѣряли, что не намѣрены ломать свои головы изъ-за него, однако, Томасъ Гиггсъ и его дѣла попрежнему составляли предметъ ихъ горячихъ споровъ и разсужденій.

Представьте же себѣ ужасъ всѣхъ добрыхъ людей, когда кто-то объявилъ, что видѣлъ, своими глазами видѣлъ, какъ въ это утро почтальонъ вручилъ Томасу Гиггсу письмо, очевидно, заграничное, и какъ, получивъ его, Томасъ поблѣднѣлъ, какъ снѣгъ, затѣмъ бросился въ заведеніе, минуту поговорилъ со старшимъ мастеромъ и, ни съ кѣмъ не простившись, съ небольшимъ мѣшкомъ въ рукахъ уѣхалъ... Только его и видѣли! Мистрисъ Скруббъ, его хозяйка (онъ не жилъ въ заведеніи), была повержена въ глубокую горесть. Она въ величайшемъ волненіи разсказывала о своемъ жильцѣ: бѣжать съ квартиры такъ поспѣшно, не предупредивъ хотя бы за день, на что, кажется, каждая порядочная хозяйка имѣетъ полное право разсчитывать, — это ужасно! Конечно, она не нуждается въ поклонахъ и благодарностяхъ, а все-таки это неслыханная дерзость и нахальство. Онъ даже не подумалъ поблагодарить ее за вниманіе. Это просто скандалъ! Положимъ, что мистеръ Гиггсъ заплатилъ все до послѣдней копейки и даже въ углу оставилъ пару совсѣмъ новыхъ сапогъ. Но что же изъ этого? Высокіе сапоги стоятъ, вытянувшись, какъ солдаты, и только напоминаютъ и усугубляютъ обиду, нанесенную достойной женщинѣ. Они такъ разстроили ее, что она вынуждена была не-

медленно пригласить къ себѣ миссъ Скрумпкинсъ, чтобы было передъ кѣмъ излить свои сѣтованія.

Миссъ Скрумпкинсъ, лучшій другъ мистрисъ Скруббъ, узнавъ въ подробности всю исторію исчезновенія мистера Гиггса, полетѣла домой подѣлиться этой новостью со всѣми родными и знакомыми. И такъ какъ миссъ Скрумпкинсъ знали всѣ въ Бирмингамѣ, то и новость эта, раздутая и разукрашенная, пошла сейчасъ же гулять по улицамъ и къ вечеру обошла весь городъ.

Слѣдственная комиссія собралась въ воскресенье за вечернимъ чаемъ у мистрисъ Снигэмъ и занялась обсужденіемъ текущихъ дѣлъ. Собранію этому предстояло рѣшить такъ много вопросовъ, что пирожки, стоявшіе на столѣ, успѣли остыть, прежде чѣмъ кто-либо дотронулся до нихъ. Надо же было утвердить тотъ важный фактъ, что всѣ присутствующіе всегда были глубоко убѣждены въ томъ, что на душѣ «этого человѣка» (Томаса Гиггса) есть въ прошломъ что-то необыкновенное.

Дѣло было въ январѣ. На дворѣ шелъ снѣгъ. Лоренцъ Бекманъ съ отцомъ подъѣхали къ хижинѣ Бринкера.

Рафъ, которому возвратили мѣсто перваго мастера по надзору за плотинами, отдыхалъ послѣ дневной работы; Гретель, набивъ трубку и подавъ ее отцу, сметала золу съ очага; мать вязала, а Гансъ, сидя на табуретѣ у окна съ книгой въ рукахъ, твердилъ уроки. Это была картина мирной и счастливой семейной жизни. Единственное волненіе, которое Бринкеры испытали въ теченіе послѣдней недѣли, было ожиданіе визита доктора и Томаса Гиггса.

Какъ только кончилось взаимное представленіе, Бринкерша настояла на томъ, чтобы гости выпили по чашкѣ горячаго чаю.

Пока они разговаривали съ Рафомъ Бринкеромъ, она шопотомъ сообщила Гретели, что глаза Томаса Гиггса нисколько не похожи на глаза Ганса, — у Ганса они въ сто разъ красивѣе. Гретель была того же мнѣнія, хотя находила, что Томасъ Гиггсъ въ своемъ родѣ тоже очень хорошъ. Правда, съ перваго взгляда она разочаровалась въ немъ: она ждала увидѣть нѣчто особенное, трагическое, какъ слѣдуетъ быть герою по разсказамъ Анни Бауманъ, почерпнутымъ изъ книгъ, а этотъ убійца, изгнанникъ, который съ отчаянія бѣжалъ отъ отца на чужбину, — человѣкъ, какъ и всѣ, сидитъ преспокойно у огня и добродушно разговариваетъ.

Голосъ его, правда, немного дрожалъ, когда онъ заговорилъ въ первый разъ съ Рафомъ Бринкеромъ, и на его привѣтствіе онъ отвѣтилъ нѣсколько смущенной и печальной улыбкой, тѣмъ не менѣе онъ нисколько не походилъ на героя Анниныхъ книгъ. Онъ даже ни разу не поднялъ рукъ къ небу, хотя встрѣча съ Бринкеромъ давала, кажется, достаточный къ тому поводъ. Вообще Гретель была имъ недовольна.

Что касается Рафа, то онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ. Наконецъ онъ выполнилъ возложенное на него порученіе: доктору возвращенъ сынъ, этотъ сынъ тутъ, живъ и здоровъ, и вдобавокъ бѣдный мальчикъ ничего не совершилъ, если не считать проступкомъ мысль, что отецъ могъ отъ него отречься за неумышленную вину его. Правда, что юноша обратился въ зрѣлаго мужа, даже растолстѣлъ порядочно, — Бринкеръ не ожидалъ этого; но вѣдь и онъ самъ немало измѣнился, что ни говори на этотъ счетъ жена.

Поэтому онъ только радовался, глядя на отца и сына Бекманъ, счастливыхъ и довольныхъ, сидѣвшихъ рядомъ у огня, а Гансъ ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только о счастіи, выпавшемъ на долю Томаса Гиггса стать опять помощникомъ своего отца. Чего бы не далъ онъ, Гансъ, чтобы выучиться чему-нибудь у знаменитаго доктора! Какъ хорошо было бы стать такимъ же ученымъ, какъ онъ. И можетъ ли быть что выше науки, которая учитъ, какъ возвратить человѣку утраченное здоровье или утраченный разсудокъ, — да, это высшее наслажденіе!

Свѣтъ падаетъ прямо въ лицо доктору. Какой у него довольный видъ. Онъ какъ будто даже помолодѣлъ. Строгія линіи лица смягчились. Онъ, смѣясь, говоритъ Рафу:

— Какъ я счастливъ, Рафъ Бринкеръ. Сынъ мой продаетъ заведеніе въ Бирмингамѣ и открываетъ магазинъ въ Амстердамѣ; на всѣ мои инструменты я получу даромъ футляры.

Гансъ вздрогнулъ и какъ бы очнулся отъ этихъ словъ.

— Магазинъ, мингеръ? Развѣ Томасъ Гиггсъ, то-есть вашъ сынъ, хочу сказать, не будетъ больше вашимъ помощникомъ?

— О, нѣтъ, Лоренцъ и думать не хочетъ объ этомъ, будетъ съ него. Онъ желаетъ остаться купцомъ.

Гансъ казался такимъ удивленнымъ, что его старый другъ спросилъ:

— Что ты такъ глядишь, молодецъ? Развѣ стыдно быть торговцемъ?

— Ахъ, нѣтъ, мингеръ, какой же тутъ стыдъ, а только...

— Ну, что же?

— Да вѣдь то дѣло насколько выше, — отвѣтилъ Гансъ: — оно такъ полезно и такъ благородно! Мингеръ, — прибавилъ онъ, оживляясь, — быть такимъ хирургомъ, какъ вы, дѣлать несчастныхъ счастливыми, спасать человѣческія жизни, быть въ состояніи совершить то, что вы сдѣлали для моего отца, — можетъ ли быть на свѣтѣ что-нибудь выше этого?

Докторъ строго глядѣлъ на него. Гансъ весь покраснѣлъ, на рѣсницахъ у него дрожали слезы.

— Трудное и тяжелое это ремесло, другъ мой, та самая хирургія, которая тебѣ кажется такой заманчивой. Не все однѣ розы въ нашемъ дѣлѣ, есть и шипы. Отвѣтственность страшная, она способна испугать и смѣлаго человѣка. Сверхъ того, требуется терпѣніе неуклонное, ежеминутное самоотверженіе и твердость духа, готовая на всякія испытанія.

— Вѣрю, все это такъ, — возразилъ съ одушевленіемъ Гансъ. — Наука эта трудная, она требуетъ уваженія къ мудрымъ дѣламъ Божіимъ. Что жъ изъ этого, мингеръ? Пусть съ ней сопряжено много испытаній, но зато и сколько торжества. Побѣдить смерть, заставить ее отступить! Что можетъ быть великолѣпнѣе этого? Извините, мингеръ, не подобало бы мнѣ говорить объ этомъ такъ смѣло.

Докторъ слушалъ Ганса, не прерывая его. Когда онъ кончилъ, докторъ вмѣсто отвѣта обернулся къ сыну и о чемъ-то тихо заговорилъ съ нимъ. Госпожа Бринкеръ никогда не видала своего сына въ такомъ возбужденномъ состояніи; она энергично качала ему головой, желая предупредить, что высокопоставленные люди не любятъ, когда бѣдные позволяютъ себѣ говорить съ ними слишкомъ свободно.

Гансъ и самъ удивлялся своей смѣлости и жалѣлъ, что не сумѣлъ смолчать.

Докторъ обратился опять къ нему:

— Который тебѣ годъ, Гансъ Бринкеръ?

— Пятнадцать лѣтъ, мингеръ.

— Ты серьезно хотѣлъ бы сдѣлаться докторомъ?

— О, да, мингеръ, — дрожащимъ голосомъ пробормоталъ Гансъ.

— Готовъ ли ты, если родители позволятъ, посвятить себя наукѣ, вступить въ университетъ и со временемъ сдѣлаться моимъ ученикомъ и помощникомъ?

— Ахъ, мингеръ, можете ли вы въ этомъ сомнѣваться?

— Не отступишь ли ты предъ продолжительностью и трудностью задачи? Не измѣнишь ли своего намѣренія какъ разъ въ то время, когда я задумаю сдѣлать тебя своимъ преемникомъ?

Глаза Ганса заблестѣли.

— Нѣтъ, мингеръ, не измѣню!

— Это вѣрно! — вскричала Бринкерша, не будучи въ состояніи болѣе удерживаться. — Можете положиться на него, мингеръ. Гансъ твердъ, какъ скала, разъ онъ на что-нибудь рѣшился; а что касается ученія, мингеръ, — мальчикъ съ нѣкоторыхъ поръ просто не разстается съ книгой. Онъ ужъ и по-латыни бормочетъ, какъ пасторъ.

Докторъ улыбнулся.

— Что жъ, и отлично, Гансъ, — остается спросить отца.

— Гмъ! — произнесъ Рафъ, съ гордостью глядя на сына. — Дѣло въ томъ, мингеръ, что я лично предпочитаю работу на вольномъ воздухѣ, но если сынъ мой чувствуетъ призваніе учиться и сдѣлаться докторомъ, и если вы такъ добры, что беретесь помочь ему проложить себѣ этотъ путь въ жизни, то я ничего лучшаго ему не желаю. Если бъ еще средствъ не было

на прожитіе — другое дѣло; но у меня, слава Богу, есть руки для работы пока...

— Та-та-та, мой другъ, — перебилъ его докторъ, — если я отнимаю у васъ вашу правую руку, то по справедливости долженъ васъ вознаградить за это. У меня будетъ якобы два сына. Не правда ли, Лоренцъ? Одинъ будетъ негоціантомъ, другой — хирургомъ. Я буду счастливѣйшимъ человѣкомъ въ Голландіи. Приходи, Гансъ, завтра утромъ ко мнѣ, мы все это устроимъ.

Дорого далъ бы Гансъ за право броситься на шею доктору, но удержался. По счастью, докторъ умѣлъ читать въ глазахъ. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые понимаютъ молчаніе, и теперь онъ понялъ его.

— Рафъ Бринкеръ, — сказалъ онъ, — моему сыну потребуется довѣренное лицо, когда онъ откроетъ свой магазинъ въ Амстердамѣ, — человѣкъ, который смотрѣлъ бы за всѣмъ и заставлялъ работать лѣнивыхъ. Однимъ словомъ, ему нуженъ человѣкъ... Да что же ты самъ ничего не говоришь, лѣнтяй?

Послѣднія слова относились къ сыну; несмотря на грубую форму, они дышали глубокою любовью. Лѣнтяй и Рафъ Бринкеръ скоро столковались между собою.

— Тяжело мнѣ оставлять плотины, — сказалъ Рафъ, — но вы мнѣ дѣлаете такое выгодное предложеніе, мингеръ, что отказаться отъ него — значитъ нанести ущербъ своему семейству.

Наглядитесь хорошенько на Ганса, пока онъ еще здѣсь и смотритъ благодарными глазами на доктора, проститесь съ нимъ, — онъ надолго уѣзжаетъ.

А Гретель? Ахъ, какая масса занятій предстоитъ ей! Но изъ любви къ дорогому Гансу она теперь будетъ работать. Если ему суждено быть докторомъ, надо, чтобы ему не пришлось стыдиться своей сестры.

И ужъ какъ она будетъ стараться, какъ усердно будетъ рыться въ книгахъ и извлекать изъ нихъ всякую премудрость!

Но ужъ становится поздно; докторъ и Лоренцъ прощаются съ хозяевами. Госпожа Бринкеръ дѣлаетъ имъ глубокій реверансъ. Рафъ стоитъ подлѣ нея молодцомъ и пожимаетъ руку доктора. Въ открытую дверь виднѣется зимній голландскій пейзажъ: равнина, покрытая чистымъ только что выпавшимъ снѣгомъ.

Заключеніе.

Исторія наша приближается къ концу. И въ Голландіи, какъ и во всякой другой странѣ, время течетъ не останавливаясь, — въ этомъ отношеніи исключеній не бываетъ.

Время произвело огромныя перемѣны въ семьѣ Бринкеровъ. Гансъ провелъ годы ученія съ пользой, терпѣливо преодолѣвая препятствія, встрѣчавшіяся на пути, и преслѣдуя намѣченную цѣль со свойственной ему энергіей. Путь, избранный имъ, подчасъ былъ тяжелъ, но его рѣшимость никогда не ослабѣвала. Онъ сознаетъ теперь, что его старый другъ былъ правъ, когда говорилъ, что хирургія — тяжелая и трудная профессія. Но тутъ же онъ утѣшается словами, сказанными въ другой разъ докторомъ, что хирургія — великая и благодарная наука: она учитъ благоговѣть предъ мудростью Творца!

Если вы побываете теперь въ Амстердамѣ, то услышите о знаменитомъ докторѣ Бринкерѣ, который навѣщаетъ больныхъ, разъѣзжая въ собственной каретѣ или бѣгая по льду на конькахъ въ сопровожденіи

Госпожа Гретель ванъ-Глекъ.

своихъ дѣтей. Вы напрасно будете искать въ Амстердамѣ Анни Бауманъ, прелестную крестьяночку съ добрымъ сердцемъ; правда, что вмѣсто нея вы можете встрѣтить тамъ Анни Бринкеръ, жену славнаго доктора, очень похожую на Анни Бауманъ, но докторъ увѣряетъ, что его жена въ сто разъ красивѣе, умнѣе и даже лучше, чѣмъ Анни Бауманъ, если только это возможно.

Петеръ ванъ-Гольпъ тоже женатъ. Уже давно Петеръ и Гильда подали другъ другу руки, чтобы вмѣстѣ совершить жизненный путь, подобно тому, какъ въ дѣтствѣ они, бывало, взявшись за руки, бѣгали по льду родного канала.

Когда-то я намекалъ, что Карлъ и Катринка, по моему мнѣнію, будутъ со временемъ мужемъ и женой. И хорошо, что только намекалъ, а не пророчилъ. Ничего изъ этого не вышло. Катринка раздумала и осталась дѣвушкой. Она ужъ не такъ весела, какъ прежде, и, къ стыду ея, надо сознаться, что характеръ ея начинаетъ обостряться. Она и теперь еще блещетъ въ обществѣ, но серьезнаго смысла въ ея жизни нѣтъ.

Гордая и самонадѣянная Рахиль глубоко кается въ выборѣ, сдѣланномъ ею изъ одного тщеславія: у нея самолюбивый и глупый мужъ, который не далъ ей семейнаго счастія. Лудвигъ и Ламбертъ процвѣтаютъ. Первый остался на родинѣ и стоитъ во главѣ большой и выгодной фабрики. Другой уѣхалъ въ Америку и тамъ основался; тамъ же онъ встрѣтилъ нашего стараго знакомаго Бэна съ семьей, получившей въ Америкѣ наслѣдство. Долго Ламбертъ вспоминалъ съ грустью пріятельницу дѣтства и юности Катринку и считалъ день, когда она отказала ему въ своей рукѣ, самымъ тяжелымъ въ жизни, но подъ конецъ утѣ-

шился, особенно когда покороче познакомился съ Женни, сестрой Бэна. Она теперь жена Ламберта, и ни съ кѣмъ другимъ онъ не былъ бы такъ счастливъ, какъ съ ней.

Жизнь Карла Шуммеля была не изъ легкихъ. Отецъ его разорился въ рискованныхъ предпріятіяхъ, и Карлу, не имѣвшему ни друзей ни твердыхъ убѣжденій, пришлось плохо. Гордости его нанесенъ былъ чувствительный ударъ. По счастію, маленькій Шиммельпеннинкъ, компаніонъ Бекмана-сына по обширной торговлѣ въ Амстердамѣ, пригласилъ Карла на должность бухгалтера ихъ торговаго дома. Такимъ образомъ Карлъ былъ обезоруженъ; онъ видѣлъ, съ какой добротой обращался съ нимъ тотъ, котораго онъ въ дѣтствѣ называлъ обезьянкой съ длиннымъ именемъ вмѣсто хвоста.

Изъ всѣхъ нашихъ голландскихъ друзей одинъ только Яковъ Путъ покинулъ этотъ свѣтъ. Добрый и безкорыстный, — такимъ онъ остался до послѣдняго издыханія. О немъ и до сихъ поръ также искренно сожалѣютъ, какъ искренно его любили при жизни, хотя и частенько посмѣивались надъ его толстой и неуклюжей фигурой. Кончина его была тихая и вполнѣ христіанская, онъ умеръ окруженный друзьями. Имя его благословляютъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ, куда онъ, не имѣя близкихъ родственниковъ, завѣщалъ свое состояніе.

Рафъ Бринкеръ съ женой живутъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ Амстердамѣ. Примѣрные супруги, они остались въ довольствѣ такими же скромными и честными, какими были въ нуждѣ и бѣдности. Они выстроили себѣ дачу рядомъ съ развалившейся «хижиной идіота». Тамъ они проводятъ часть лѣта, окруженные дѣтьми и внуками.

Жаль, не показалъ я вамъ Голландіи лѣтомъ; мы были тамъ зимой, но она и лѣтомъ имѣетъ свои прелести и особенности.

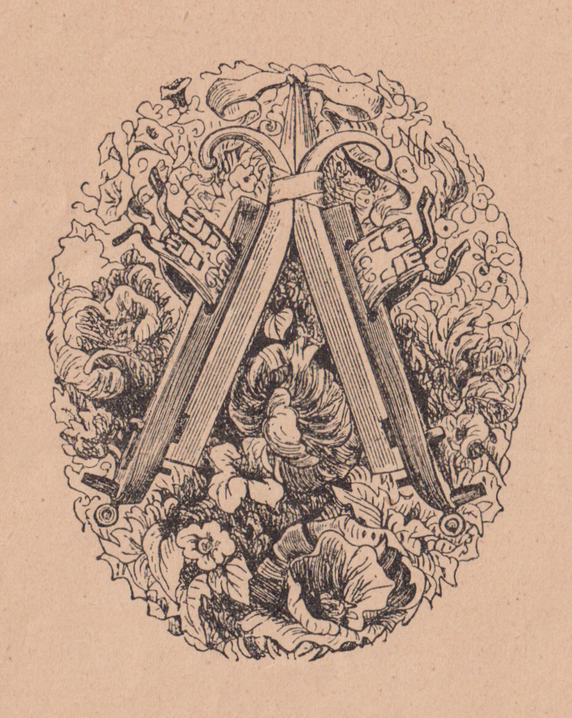
Исторія наша не была бы кончена, если бы мы не сказали о Гретели всего, что знаемъ о ней. Милая рѣзвушка Гретель! Что же изъ нея вышло?

Спросите стараго доктора Бекмана, — онъ скажетъ вамъ, что Гретель — чудеснѣйшая женщина и лучшая пѣвица въ Голландіи. Спросите Ганса и Анни, — они скажутъ, что лучшей сестры въ мірѣ нѣтъ. Спросите ея мужа, — онъ скажетъ, что это прекраснѣйшая жена и самая веселая изъ всѣхъ женщинъ. Спросите госпожу Бринкеръ и ея мужа, — ну, тутъ вы увидите только слезы умиленія на глазахъ. Спросите бѣдныхъ, — и воздухъ огласится благословеніями.

Если вы не забыли маленькаго созданія, дрожавшаго когда-то отъ холода и страха на порогѣ хижины Бринкеровъ, спросите про него ванъ-Глековъ, и они безъустали будутъ вамъ разсказывать о милой маленькой дѣвочкѣ, которая послѣ того, какъ выиграла на призъ серебряные коньки, стала гордостью и радостью ихъ дома, обожаемой матерью ихъ внучатъ. Высоко поднимаютъ человѣка умъ и золотое сердце. И кто бы изъ сыновей ванъ-Глека задумался назвать своей женой дѣвушку, всѣми любимую и всѣми почитаемую?

Что касается самой Голландіи, которой мы отвели значительное мѣсто въ нашей книгѣ, то я вамъ скажу, что и теперь она такъ же интересна и своеобразна, какою была двадцать лѣтъ тому назадъ, когда Гансъ и Гретель скользили по Айскому каналу на своихъ деревянныхъ обрубкахъ. Можно даже сказать, что она стала еще любопытнѣе, такъ какъ съ каждымъ днемъ становится удивительнѣе, какъ это ея не унесло водою.

Города голландскіе разрослись, нѣкоторыя особенности сгладились отъ общенія съ другими народами, но Голландія всегда останется Голландіей, т.-е. самой оригинальной страной въ Европѣ. И дай Богъ, чтобы было такъ, чтобы голландцы остались голландцами.



ОГЛАВЛЕНІЕ.